

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи



Силкова Мария Александровна

**Субъективная модальность как средство легитимации
в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Мельник Наталья Владимировна

Кемерово – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	19
1.1. Политический дискурс: теория и практика анализа	19
1.1.1. Политическая коммуникация и политический дискурс: теоретические основы.....	19
1.1.2. Профессиональные и непрофессиональные участники политического дискурса.....	22
1.1.3. Языковая личность в политическом интернет-дискурсе	26
1.1.4. Легитимация политических решений в профессиональном и непрофессиональном политическом дискурсе	31
1.2. Субъективная модальность в политическом дискурсе	37
1.2.1. Подходы к рассмотрению субъективной модальности	37
1.2.2. Легитимирующий потенциал субъективной модальности	44
1.2.3. Убеждение и манипуляция – составляющие субъективной модальности	46
1.2.4. Речевые акты в политическом дискурсе	50
1.3. Методика проведения исследования	56
1.3.1. Методика анализа профессионального политического дискурса	57
1.3.2. Методика анализа непрофессионального политического дискурса	58
1.3.3. Методика проведения лингвистического эксперимента	62
Выводы по главе 1.....	64
ГЛАВА 2. ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ И РОССИИ.....	67
2. 1. Эпистемическая модальность в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России	67
2.2. Эпистемическая модальность в речевых актах регионального политика Германии М. Зёдера	75

2.2.1. Речевой акт <i>репрезентатив</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера.....	75
2.2.2. Речевой акт <i>комиссив</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера.....	83
2.2.3. Речевой акт <i>бехабитив</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера.....	91
2.3. Эпистемическая модальность в речевых актах регионального политика России С. Е. Цивилева	94
2.3.1. Речевой акт <i>репрезентатив</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	94
2.3.2. Речевой акт <i>комиссив</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	97
2.3.3. Речевой акт <i>бехабитив</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	101
2.4. Сопоставительный анализ средств реализации эпистемической модальности в речевых актах региональных политиков Германии и России	104
2.5. Интерпретация данных, полученных в ходе лингвистического эксперимента (эпистемическая модальность)	106
2.5.1. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов немецкоязычных респондентов.....	106
2.5.2. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов русскоязычных респондентов	111
Выводы по главе 2.....	116
ГЛАВА 3. ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ И РОССИИ.....	119
3.1. Деонтическая модальность в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России	119

3.2. Деонтическая модальность в речевых актах регионального политика Германии М. Зёдера	122
3.2.1. Директивный речевой акт <i>призыв</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера	122
3.2.2. Директивный речевой акт <i>просьба</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера	130
3.2.3. Директивный речевой акт <i>запрет</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера	135
3.2.4. Директивный речевой акт <i>разрешение</i> в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера	138
3.3. Деонтическая модальность в речевых актах регионального политика России С. Е. Цивилева	141
3.3.1. Директивный речевой акт <i>призыв</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	141
3.3.2. Директивный речевой акт <i>просьба</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	149
3.3.3. Директивный речевой акт <i>запрет</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	151
3.3.4. Директивный речевой акт <i>разрешение</i> в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева	154
3.4. Сопоставительный анализ средств реализации деонтической модальности в речевых актах региональных политиков Германии и России	158
3.5. Интерпретация данных, полученных в ходе лингвистического эксперимента (деонтическая модальность)	160
3.5.1. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов немецкоязычных респондентов	160
3.5.2. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов русскоязычных респондентов	163
Выводы по главе 3	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	173
СЛОВАРИ	194
ИСТОЧНИКИ АНАЛИЗИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА	195

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена рассмотрению легитимирующего потенциала субъективной модальности в текстах интернет-публикаций политиков Германии и России в условиях наложения социальных ограничений, связанных с пандемией Covid-19. Руководители регионального значения, принимая решения в сложной политической обстановке, прибегают к языковым средствам, реализующим субъективную модальность, чтобы дать оценку ситуации, обозначить личную позицию и повлиять на поведение электората.

Как отмечает А. К. Михальская, «деятельность политика, как и политических партий и групп, в числе других имеет одну важную задачу – завоевать и удержать симпатии населения, его доверие, распространяя в широких массах именно те убеждения и мнения, которые соответствуют собственным интересам, однако делая это так, чтобы массы воспринимали эти мнения и убеждения как соответствующие интересам народа» [Михальская, 1996, с. 147]. Процесс убеждения электората в правоте действий и слов политика ведет к легитимности политических решений.

По мнению немецкого политолога У. Сарчинелли, легитимность является важной составляющей теории коммуникации, поскольку она связывает процессы общения и политического управления, влияя на восприятие власти гражданами [Sarcinelli, 2009, p. 85].

А. В. Колмогорова определяет *легитимацию* как «контекстно и культурно зависимую дискурсивную стратегию, позволяющую адаптировать политическое решение власти, поначалу отторгаемое сообществом как не соответствующее его нормам и ожиданиям, таким образом, что данное решение начинает восприниматься как желательное, ценное и необходимое в сложившемся социально-политическом контексте» [Колмогорова, 2018, с. 35]. Одобрение политических решений возможно благодаря легитимирующему потенциалу языковых средств, способствующих укреплению авторитета политика и обоснованности его решений.

Внимание ученых зачастую привлекают дискурсы крупных политических акторов федерального значения, однако исследование политических текстов, создаваемых политиками – представителями региональных органов власти, является не менее значимым и перспективным для расширения и углубления теоретико-методологической базы в области политической лингвоперсонологии и политической лингвистики [Мельник, 2025а, с. 431].

В круг задач субъектов политического дискурса, представляющих региональные институты, входит легитимация конкретных действий локального уровня, каждое из которых направлено на формирование положительного образа государства в целом.

Как отмечает А. В. Чепкасов, имидж региона формируется в массовом сознании средствами публичной коммуникации и «складывается из ряда составляющих: народа, власти, экологии, экономики, промышленных ресурсов, потока инвестиций, спорта, социальной поддержки, культуры, информационной политики, безопасности, природных ресурсов, международных отношений, произошедших исторических событий» [Чепкасов, 2021, с. 98]. Региональный лидер, выступая публично, транслирует интересы власти и формирует в информационном пространстве имидж региона. Политики используют «медийные ресурсы» [Карасик, 2018, с. 30] для создания персуазивного языкового пространства, в котором субъективная модальность политика способствует легитимации политических процессов и власти. В связи с этим представляется актуальным и перспективным изучение эффективного политического дискурса регионального лидера.

Актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в когнитивно-дискурсивную парадигму современной лингвистики и определяется новым взглядом на роль субъективной модальности как инструмента легитимации политических решений. Поскольку изучение дискурса невозможно без привлечения данных из других научных сфер в силу междисциплинарного характера самого феномена, в настоящем исследовании используется интегративный подход к изучению категории субъективной модальности,

языковых средств ее вербализации и специфики ее воздействия на адресата. В работе такой подход реализуется посредством сопряжения ряда научных отраслей: политической лингвистики, политической лингвоперсонологии, лингвопрагматики, семантического синтаксиса. Изучение субъективной модальности в политическом дискурсе, а также анализ интернет-комментариев как реактивных текстов представляется актуальным для понимания механизмов политической коммуникации.

Сопоставительный анализ дает возможность выявить языковые репрезентации, характерные для кризисного дискурса региональных политических акторов различных лингвокультурных общностей в период пандемии COVID-19, и позволяет проследить особенности реакции различных политических систем на возникший кризис, а также создать модель речевого поведения, применимую в условиях возможных чрезвычайных ситуаций.

Настоящее исследование обладает антропоцентрической направленностью, поскольку связывается «с интерпретацией текста в аспекте его порождения (позиция автора) и восприятия (позиция читателя), в аспекте его воздействия на читателя и в деривационном аспекте» [Бабенко, 2004, с. 13], а рассматриваемые в нем речевые произведения политиков и интернет-комментаторов эксплицируют их языковые характеристики [Курьянович, 2015, с. 254]. Как отмечает В. А. Маслова, все языковые единицы обретают свой подлинный смысл именно в тексте. «Без указания на то, как та или иная языковая единица или категория участвует в создании текста, представление о языке будет неполным» [Маслова, 2007, с. 19].

Языковые явления не всегда можно объяснить лишь в рамках лингвистического контекста. Язык не существует в вакууме, а используется людьми в реальных коммуникативных ситуациях, поэтому для более полного понимания интенций адресанта необходимо учитывать экстралингвистические обстоятельства порождения речевого произведения, выходя в прагматику и учитывая человеческий фактор [Шершнева, 2000].

Научная проблема исследования связывается с лингвоперсонологическим осмыслением способа реализации субъективной модальности с целью

формирования положительного отношения электората к политическим решениям действующей власти. **Прикладная проблема** заключается в применении языковых средств реализации категории модальности для легитимации политических решений.

Степень разработанности темы исследования. Рассмотрение проблемы потребовало обращения к широкому спектру теоретических и практических исследований. Были проанализированы труды отечественных и зарубежных ученых, работающих в рамках разных научных направлений.

Изучением политического дискурса занимались А. Н. Баранов, О. С. Иссерс, О. О. Никифорова, Т. Г. Попова, И. В. Савельева, Ю. В. Синчук, З. Ф. Хубецова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Н. Girth, A. N. Miller и др.

Различным аспектам феномена легитимности, в том числе легитимности власти, уделяется внимание в исследованиях О. Н. Кондратьевой, Г. Д. Лассуэлла, А. В. Скиперских, С. В. Склифуса, О. И. Трохиновой и др.

Исследование языковой личности проводилось в работах В. В. Волкова, Н. Д. Голева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Н. В. Мельник, К. Ф. Седова, Л. В. Уховой Н. Н., Шпильной, и др.

Вопросы изучения модальности рассмотрены в трудах Б. А. Абрамова, А. В. Авериной, Н. Д. Аругюновой, Ш. Балли, В. В. Виноградова, И. Р. Гальперина, Г. А. Золотовой, Т. И. Красновой, Е. Н. Ореховой, Е. В. Падучевой, Т. В. Романовой, Г. Я. Солганика, З. К. Темиргазин, З. Я. Тураевой, Т. В. Шмелевой, K. Colomo, G. Diewald, E. Leiss, J. I. Marín-Arrese, C. Milan и др.

Многие аспекты настоящего исследования уже были предметом лингвистического изучения, однако исследование субъективной модальности как средства легитимации власти ранее не проводилось.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что семантические составляющие субъективных высказываний политика являются одним из содержательных компонентов политического дискурса в кризисной ситуации, интерпретируются по определенным шаблонам, существующим в языковой картине мира электората, способствуют формированию в сознании адресата

позитивного образа политического актора, влияют на систему доверительного отношения электората к лидеру и, таким образом, позволяют осуществлять легитимацию политических решений данного субъекта.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют научные труды по теории дискурса и текста (Н. Д. Арутюнова, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Г. В. Колшанский, Н. В. Мельник, Е. В. Падучева, Т. Г. Попова, Г. Я. Солганик, З. К. Темиргазина, В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.); политической лингвистике (А. Н. Баранов, А. Р. Бухарбаева, В. З. Демьянков, О. Л. Михалева, Н. Б. Руженцева, У. Сарчинелли, О. И. Трохинова, З. Ф. Хубецова, М. Г. Цуциева, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, Р. Сар и др.); лингвоперсонологии (О. В. Богуславская, Н. Д. Голев, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. В. Савельева, К. Ф. Седов, Л. В. Ухова, Н. Н. Шпильная и др.); лингвистической прагматике (А. Вежбицкая, Т. ван Дейк, А. Ю. Маслова, Б. Ю. Норман, И. П. Сусов, В. Е. Чернявская и др.); политологии (Д. Н. Баринов, С. Н. Кузнецов, Д. Истон, И. В. Самаркина, Е. В. Синчук, А. В. Скиперских, С. В. Склифус и др.); по изучению типов модальности и субъективности в языке (А. В. Зеленщиков, Л. Я. Зятькова, Т. И. Краснова, Е. Н. Орехова, Е. В. Падучева, Т. В. Романова, Г. Я. Солганик, К. Colomo, J. I. Marín-Arrese, G. H. von Wright и др.).

Объектом исследования является субъективная модальность в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России как средство манипуляции сознанием электората.

Предметом исследования – языковые средства выражения субъективной модальности в политическом дискурсе региональных политиков, рассматриваемые с учетом эффективности их влияния на легитимацию политических решений.

Цель работы – представить лингвоперсонологическую модель легитимного политического дискурса, созданную на материале публикаций политиков и реакций интернет-комментаторов.

Обозначенная цель обусловила постановку следующих **задач**:

1) синтезировать положения политической лингвистики, лингвоперсонологии, семантического синтаксиса и теории речевых актов с целью

исследования субъективной модальности как средства легитимации политических решений;

2) разработать методику анализа субъективной модальности в профессиональном и непрофессиональном политическом интернет-дискурсе; выявить средства языковой реализации субъективной модальности и определить ее типы;

3) определить типы речевых актов, в которых реализуется субъективная модальность политических акторов, и соотнести их с типами модальности;

4) сопоставить языковые средства реализации категории субъективной модальности в политических дискурсах немецкоязычного и русскоязычного политиков;

5) выполнить лингвопрагматический анализ интернет-комментариев к публикациям политиков как реакций адресата на используемые авторами политического текста типы субъективной модальности в целях легитимации политических решений;

6) провести лингвистический эксперимент для верификации полученных данных;

7) реконструировать компоненты лингвоперсонологической модели легитимного политического дискурса на материале публикаций региональных политиков и реактивных текстов интернет-комментаторов.

В настоящем исследовании используются следующие **методы**.

Метод целевой выборки задействован на этапе сбора публикаций политических акторов и интернет-комментариев к ним.

Методу интроспекции отдан приоритет при анализе тональности высказываний интернет-комментаторов.

Контекстный анализ позволил проанализировать языковые средства в публикациях политиков и интернет-комментариях с учетом контекста.

Для исследования содержательной стороны языковых единиц, реализующих субъективную модальность, применен *метод компонентного анализа*.

Количественный метод использован для анализа данных с целью установления существующих корреляций между легитимирующими и нелегитимирующими комментариями.

Сопоставительный метод применен для выявления особенностей употребления средств выражения субъективной модальности в немецкоязычном и русскоязычном политическом дискурсе.

Метод лингвистического моделирования позволил реконструировать и описать лингвоперсонологическую модель легитимного политического дискурса.

В качестве дополнительного метода, используемого для верификации полученных выводов, в работу введен *метод лингвистического эксперимента*.

Указанные методы позволили сформулировать и обосновать выводы относительно легитимирующих языковых средств реализации субъективной модальности в политическом интернет-дискурсе.

Материалом исследования послужили публикации региональных политиков Германии и России в период пандемии COVID-19:

а) главы правительства федеральной земли Бавария министра-президента М. Зёдера; М. Зёдер возглавил правительство федеральной земли Бавария (Германии) 16 марта 2016 г. в должности министра-президента и занимает пост по настоящее время;

б) губернатора Кемеровской области С. Е. Цивилева; С. Е. Цивилев вступил в должность губернатора Кемеровской области 17 сентября 2018 г. и исполнял обязанности главы региона по май 2024 г.

Выбор региональных политических фигур обусловлен тем, что «местные власти» лучше понимают локальные проблемы и потребности населения, их сообщения адресованы жителям конкретного региона. Пандемия оказала прямое влияние на публикационную активность политиков и характер комментариев, сопровождающих их цифровое присутствие. В условиях социального дистанцирования и локдаунов интернет-коммуникация стала основным средством для поддержания связи с общественностью, трансляции политических заявлений и реагирования на общественные настроения.

В ходе работы проанализированы 52 интернет-публикации (102 774 знака без пробелов) министра-президента Баварии М. Зедера (Германия) и 52 публикации (98 098 знаков без пробелов) губернатора Кемеровской области С. Е. Цивилева (Россия). Публикации политиков затронули важные для электората вопросы и, как следствие, получили мгновенный отклик. Чтобы проследить, какие средства выражения субъективной модальности в дискурсе политиков находят положительную реакцию в текстах интернет-комментаторов и влияют на готовность легитимировать политические решения в период социально-экономических изменений, вызванных Covid-19, выполнен анализ 8 146 немецкоязычных комментариев и 6 553 русскоязычных комментариев.

Эмпирическую базу исследования в том числе составили материалы лингвистического эксперимента: тексты-стимулы, созданные на основе аутентичных текстов политиков, и ответы-реакции респондентов. В эксперименте приняли участие жители Германии (185 человек) и жители России (232 человека). Количество реакций составило 884 и 892 соответственно.

Публикации политиков и комментарии к ним размещены на платформах социальных сетей Интернет¹ в период с 2020 по 2022 гг. Выбранные в качестве источника материала социальные сети в период исследования являлись идеальным медийным пространством для взаимодействия политических акторов с электоратом, были доступными широкой аудитории. Центральной темой кризисной коммуникации в период пандемии являются вопросы, связанные с сдерживанием активности вируса и установлением контроля над ним. Не менее важными тематическими аспектами в политическом дискурсе являются экономические проблемы, психологические последствия, вызванные изоляцией, кампания по вакцинации и т. д. Для исследования выбраны тексты политиков преимущественно из первой пиковой фазы пандемии COVID-19.

За единицу анализа в работе принимается высказывание (равное одному или нескольким предложениям) участников политической интернет-коммуникации.

¹ Facebook, Instagram – запрещены в РФ.

Дж. Лайонз отмечает, что «значение высказывания богаче значения предложения, на основе которого оно построено» [Лайонз, 2004, с. 153]. Будучи единицей коммуникативного плана, предложение выступает не само по себе, а как часть текста (сообщения); его структура определяется коммуникативным заданием, целью [Валгина, 2003, с. 23], «замыслом говорящего, учетом адресата информации, общностью их фоновых знаний» [Акимова, 2013, с. 236].

Научная новизна исследования заключается в комплексном лингвоперсонологическом анализе политического дискурса с целью выявления и систематизации языковых средств субъективной модальности, используемых для легитимации политической власти. На основе текстов политиков и реактивных текстов интернет-комментаторов впервые построена лингвоперсонологическая модель легитимного политического дискурса, интегрирующая профессиональный и непрофессиональный политический дискурс, учитывающая влияние институциональных характеристик политического актора.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что наблюдения и выводы, полученные в ходе анализа, позволяют выявить специфику современной политической коммуникации в условиях кризиса, ее обусловленность факторами адресанта и адресата, коммуникативной и политической ситуацией и вносят вклад в такие сферы научного знания, как лингвополитология, лингвоперсонология, лингвокультурология, интернет-лингвистика, теория политического дискурса.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов при подготовке выступлений политика для его эффективного взаимодействия с аудиторией, а также при разработке курсов по лингвополитологии, лингвоперсонологии, лингвокультурологии, интернет-лингвистике, политической антропологии, политической регионалистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Субъективная модальность как оценочное отношение политика к предмету речи, отражающее его личную позицию и интенцию, актуализируется с помощью языковых (и неязыковых) средств, позволяющих оказывать влияние на

положительное восприятие реципиентом информации и легитимировать политические решения.

2. Корреляция между легитимирующими и нелегитимирующими комментариями является незначительной и не позволяет прогнозировать изменения в одной категории на основании данных о другой.

3. Наибольшим легитимирующим потенциалом обладают тексты политиков, в которых преобладает эпистемическая модальность.

4. Легитимные политические решения реализуются языковыми средствами выражения эпистемической модальности в *репрезентативном, комиссивном, бехабитивном речевых актах*; деонтической модальности – в речевых актах *призыва, просьбы, запрета и разрешения*. Репрезентативный речевой акт, отражающий эпистемическую ответственность и содержащий маркеры эвиденциальности, преобладает в легитимном профессиональном политическом дискурсе.

5. Дискурсивная доминанта *легитимность* в кризисной ситуации реализуется за счет институциональной составляющей политического дискурса и эксплицируется в лингвоперсонологической модели легитимного политического дискурса компонентами профессионального политического дискурса: *личная ответственность политика, манипуляция ценностями, использование количественных данных, обещание, апелляция к авторитетному источнику*; компонентами непрофессионального политического дискурса: *похвала-оценка, похвала-поддержка, апелляция к участникам интернет-коммуникации*.

6. Средства реализации субъективной модальности, применяемые для легитимации политических решений, на институциональном уровне в разных лингвокультурах являются унифицированными; на персональном и национальном уровнях могут варьироваться.

7. В непрофессиональном политическом интернет-дискурсе в разных лингвокультурах действует тенденция к унификации реактивного текста, легитимирующего политические решения.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечена репрезентативностью языкового материала, применением эффективных методов исследования, проведенным лингвистическим экспериментом.

Личный вклад автора заключается в выдвижении научной гипотезы, в определении методологических оснований работы, в постановке цели и задач исследования, в сборе, классификации и описании эмпирического материала с последующей интерпретацией полученных результатов, в апробации результатов исследования на конференциях с последующей публикацией научных работ.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы обсуждались на заседаниях кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, а также были представлены в виде докладов на научных конференциях разного уровня: II Всероссийской (Национальной) научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин» (к 125-летию со дня рождения М. М. Бахтина), Кемерово, 18 февраля 2020 г.; Международной научной конференции «Аксиологический анализ политического текста: почему мы не понимаем друг друга?», г. Казань, КФУ, 27–28 марта 2021 г.; Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей», Кемерово, КемГУ, 29 апреля 2021 г., 28 апреля 2022 г., 27 апреля 2023 г., 24 апреля 2025 г.; Национальной научно-практической конференции «Медиа и коммуникации: состояние, проблемы, перспективы», Кемерово, КемГУ, 23 октября 2021 г.; I Международной научно-практической конференции «Лингвистика дистанцирования: способы существования и эволюция языковой системы в эпоху цивилизационного слома», Москва, 25–26 декабря 2021 г.; Международном научно-образовательном форуме «Филологическая наука и образование в Кузбассе», Кемерово, КемГУ, 23–30 сентября 2022 г.; Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой, Кемерово, КемГУ, 3–5 февраля 2022 г., 6–8 февраля 2025 г.; Научно-методическом семинаре памяти доктора педагогических наук Е. Н. Борисенко «Современные коммуникативные

практики: перспективы развития теоретических и прикладных исследований», Кемерово, 12 мая 2023 г.; XIV Всероссийской научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (памяти Я. А. Ломко), Москва, РУДН, 16 ноября 2023 г.; в Зимней школе перевода «TRE*ASU*RE», Барнаул, АлтГУ, 19–22 февраля 2024 г.; I Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования», г. Кемерово, 20–21 января 2026 г.

Публикации. Всего по теме исследования опубликовано 13 научных работ, включая 5 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и словарей, источников анализируемого материала. В работе имеется 5 таблиц, 2 рисунка, 3 схемы, 6 диаграмм. Общий объем составляет 197 страниц.

Во введении обоснована актуальность работы, выдвинута гипотеза исследования, сформулированы объект и предмет изучения, представлен эмпирический материал, определены цель и задачи исследования, аргументирована его теоретическая и практическая значимость, обозначены положения, выносимые на защиту, представлена методика исследования.

В первой главе «Теоретические аспекты изучения субъективной модальности в политическом дискурсе» определены основные понятия профессионального и непрофессионального политического дискурса, легитимации власти, рассмотрены подходы к изучению модальности и речевые акты, участвующие в легитимации политических решений, представлена методика проведенного исследования.

Вторая глава «Эпистемическая модальность как средство легитимации в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России» посвящена анализу языковых средств реализации эпистемической модальности в политическом дискурсе, а также анализу языковых средств, легитимирующих политические решения, в непрофессиональном политическом дискурсе немецкоязычных и русскоязычных интернет-комментаторов. Представлены результаты лингвистического эксперимента.

В третьей главе «Деонтическая модальность как средство легитимации в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России» анализируются языковые средства, транслирующие деонтическую модальность в политическом дискурсе, рассматриваются языковые средства, с помощью которых происходит легитимация политических решений в непрофессиональном политическом дискурсе немецкоязычных и русскоязычных интернет-комментаторов. Приведены результаты лингвистического эксперимента.

В заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования, намечаются дальнейшие перспективы изучения проблемы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящей главе в лингвоперсонологическом аспекте описывается роль политической коммуникации в обществе, рассматривается роль профессиональных и непрофессиональных участников взаимодействия в создании общественного мнения. Представлены подходы к изучению субъективной модальности, выявлена ее типология, а также виды речевых актов, направленных на легитимацию политических решений, описана методика проведения исследования.

1.1. Политический дискурс: теория и практика анализа

1.1.1. Политическая коммуникация и политический дискурс: теоретические основы

Исследованием взаимного влияния политических процессов и языка занимается политическая лингвистика, предметом которой является политическая коммуникация и политический дискурс.

Политическая коммуникация представляет собой крупную составляющую политической системы общества [Синчук, 2015, с. 7] и имеет свою специфику, которая определяется целеполаганием. В политической сфере такая цель заключается в получении, использовании и удержании государственной власти [Хубецова, 2017, с. 16–17]. «Политическая коммуникация ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2013, с. 9–10].

Если речь идет о манипуляции, чаще всего данной характеристикой наделяют политический дискурс как единицу политической коммуникации. Понятия «дискурс» и «коммуникация» можно считать взаимосвязанными [Шейгал, 2004, с. 23]. По мнению Н. Н. Зябловой, «дискурс возникает там, где высказывание имеет

социальные последствия» [Зяблова, 2012, с. 224], следовательно, представляя собой продукт речевой деятельности, дискурс отражает социальные и культурные условия, в которых он создан, его исследование позволяет более глубоко изучить процессы коммуникации и их влияние на общество.

Дискурс как единство речи и контекста, в котором он происходит, имеет свою специфическую структуру, основанную на определенных жанровых и идеологических нормах и соглашениях [Темнова, 2004, с. 26]. Являясь продуктом речевой деятельности, который имеет свою смысловую однородность и актуальность в конкретной ситуации общения, дискурс связан с определенным социокультурным контекстом и отражает ценности, установки и представления общества, соотносится с конкретным историческим периодом, политической ситуацией или социальными изменениями.

В. И. Карасик пишет, что «одним из возможных подходов к осмыслению дискурса как коммуникативной практики с акцентированием ситуативной составляющей общения является построение трехмерной схемы дискурса, включающей три аспекта его изучения – тематический, ситуативный и инструментальный» [Карасик, 2015, с. 362].

В нашей работе изучение политического дискурса через трехмерную схему позволяет определить дискурсивную доминанту и ее составляющие, которые являются основополагающими для легитимного политического дискурса. А. А. Негрышев определяет дискурсивную доминанту как «преобладающую структурно-смысловую акцентуацию текста, обеспечивающую его коммуникативную “уместность” и прагматическую эффективность в соответствующем типе дискурса» [Негрышев, 2020, с. 174]. В соответствии с данной дефиницией под доминантой мы понимаем совокупность разноуровневых языковых средств, используемых участником политической коммуникации для наиболее эффективного персуазивного воздействия на адресата и достижения перлокутивного эффекта.

«Политический дискурс предполагает использование специальных технологий воздействия на аудиторию» [Мельник, 2021, с. 20], носит убеждающий

характер и не направлен на установление истины. Как отмечает немецкий лингвист Х. Гирнт, «сила слов политика становится заметной только тогда, когда они приводят к определенному результату, часто они способны оказывать совершенно неожиданное воздействие на людей и на их жизнь. Ведь политика – это, как правило, отстаивание интересов и претензий на власть, влияние на волю избирателей» [Girnth, 2002, p. 38] (*Здесь и далее перевод наш – М. С.*).

Правильно структурированный дискурс способствует убеждению аудитории, формированию социальной поддержки и влияет на общественное мнение. Е. И. Шейгал предлагает следующую формулу: «Дискурс = текст + интерактивность + ситуативный контекст + культурный контекст» [Шейгал, 2004, с. 16]. Говоря о дискурсе, следует принимать во внимание межличностное взаимодействие участников коммуникации, их убеждения, ценности, условия, в которых происходит общение. «Специфика коммуникации в киберпространстве, в том числе политической, во многом обусловлена сущностными чертами Интернета. К числу таких черт принято относить анонимность, интерактивность, быстроту передачи информации, вездесущность, мобильность, доступность информации для пользователя» [Баринов, 2016, с. 757], а также «гибкость, масштабируемость и живучесть» [Кастельс, 2016, с. 40] и возможность участия всех заинтересованных лиц. Цель политического дискурса заключается в том, чтобы направить политическую активность масс в нужное политическому актору русло посредством принятых политических решений, которые могут иметь разные последствия и влиять на разные группы людей и общество в целом.

Если на протяжении длительного периода политические и государственные институты общались с избирателями «сверху-вниз» (через газеты, радио, телевидение), не имея возможности получить обратную связь и вступить в диалог с гражданами, то теперь, благодаря социальным сетям, у граждан есть множество способов связаться с политическими и государственными институтами и дополнить коммуникацию каналом обратной связи – «снизу-вверх».

Политические акторы своевременно оповещают население о принимаемых решениях, выражают свои взгляды, аргументируют собственные позиции, обсуждают актуальные политические события и принимают участие в дебатах.

Интернет-пользователи реагируют на предлагаемую политиком информацию, активно участвуя в обсуждениях, формируя общественное мнение. В комментариях авторы поддерживают или критикуют политиков, требуют ответов на возникшие вопросы, призывают к решительным действиям, дают советы, рекомендации, основываясь на личном опыте. Такой способ коммуникации представляется наиболее эффективным в кризисной ситуации, когда политические акторы вынуждены быстро откликаться на общественное мнение, что повышает их доступность и легитимность в глазах аудитории.

Политическая коммуникация играет важную роль в функционировании политической системы, охватывает процессы обмена информацией и организации политической деятельности, позволяющие формировать общественное мнение и поддерживать связь между политическими акторами и гражданским обществом. Современная политическая коммуникация приобрела новые формы, позволяя гражданам активно участвовать в политическом процессе и обеспечивать обратную связь. Такая форма коммуникации становится особенно актуальной, так как она дает возможность политикам реагировать на общественные настроения и укреплять свою легитимность в глазах избирателей.

1.1.2. Профессиональные и непрофессиональные участники политического дискурса

Наше исследование предполагает проведение лингвистического анализа профессиональной и непрофессиональной составляющих политического дискурса и демонстрацию взаимодействия, диалога между политическим актором и комментатором. «Риторика каждого политика специфична и имеет манипулятивный характер. Ее можно анализировать и интерпретировать как с позиции адресанта, так и с позиции адресата» [Силкова, 2022, с. 181].

Политическая система играет ключевую роль в принятии решений, влияющих на жизнь общества, «создает среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются процессы коммуникации в обществе в целом» [Шейгал, 2000, с. 16], так как «только политическая система “может действовать”» [Хабермас, 2001, с. 180]. Политическая коммуникация характеризуется институциональностью, поскольку взаимодействие в основном осуществляется между представителями различных социальных институтов, таких как государственные органы и институты гражданского общества [Карасик, 2002, с. 203; Никифорова, 2014, с. 39; Чудинов, 2012, с. 56].

Е. И. Шейгал отмечает диалогичность политической коммуникации [Шейгал, 2004, с. 233], которая способствует более глубокому пониманию общественных проблем, потребностей населения и позволяет разрабатывать эффективные решения. По мнению Н. Н. Шпильной, диалогичность виртуальной коммуникации заключается в наличии в социальных сетях и других диалоговых форматах Интернета особого метаоператора *комментировать*, который дает возможность любому участнику дискуссии оставить комментарий [Шпильная, 2024, с. 63]. А. И. Соловьев считает, что в политической коммуникации существенным элементом является реакция реципиента, выражающаяся в появлении вторичной информации, которая инициируется сообщением коммуникатора и устанавливает осмысленную связь между ними [Соловьев, 2002, с. 14]. Обратная связь важна для политика, так как она позволяет ему оценить эффективность своего сообщения, а при необходимости внести коррективы.

Политическая коммуникация, связанная с «политическими проблемами» [Баранов, 2001], соотносится с профессиональным политическим актором, который, будучи коммуникативной личностью, является центральной фигурой политического дискурса [Никифорова, 2014, с. 39] в процессе формирования, передачи, обмена и восприятия информации о политических вопросах и проблемах и взаимодействует с медиа и общественностью. «Политический актор – индивид, группа, сообщество, государство, международная организация, осуществляющие определенную политическую деятельность и оказывающие воздействие на

принятие решений или непосредственно на ход какого-либо политического процесса» [Дипломатический словарь для студентов, 2022, с. 202]. Понимание действия как важной характеристики политического актора – субъекта политического процесса – означает, что политики не только участвуют в общественно-политической жизни, но и активно воздействуют на нее через свои решения. Следовательно, образ политического актора неразрывно связан с предпринятыми им шагами, управленческими и политическими решениями, которые направлены на достижение результата, например, соблюдение мер безопасности в условиях пандемии.

«В условиях демократического общества массовая коммуникация предполагает обратную связь. Чем более демократично и развито государство, тем больший резонанс в обществе вызывают различные социальные вопросы, особенно в области политической коммуникации, что проявляется в опросах, комментариях к статьям, блогах, чатах и повседневных разговорах на политические темы» [Будаев, 2011, с. 200].

В связи с этим роль рядовых граждан в политических процессах становится все более значительной благодаря социальным сетям и интернет-платформам. В. И. Карасик отмечает, что в современном мире происходит стремительное изменение жанров дискурса, обусловленное активным внедрением средств массовой информации в повседневную жизнь людей. Благодаря телевидению и развитию компьютерных технологий границы между обыденным и институциональным общением неизбежно стираются [Карасик, 2002, с. 238]. Обыденный дискурс, который обычно характеризуется неформальностью и спонтанностью, проникает в официальные сферы, такие как политика, бизнес, образование и др.

Рассуждая о месте личности в дискурсе, И. П. Сусов пишет: «Личность не есть просто объект внешних воздействий. Это активно действующий участник общественной трудовой и познавательной деятельности, субъект материального и духовного общения, осознающий свое место в мире людей, свое отношение к ним, их потребностям, мотивам, интересам и целям, осознающий и самое себя, свое Я,

адекватно или неадекватно оценивающий свои достоинства и недостатки, предъявляющий соответствующие притязания к другим. Личность руководствуется собственными интересами и мотивами, хотя в конечном итоге в них преломляются общественные стимулы деятельности. Этим создается и утверждается ее индивидуальность, оригинальность. Личность использует общепринятые нормы, правила конвенции деятельности и общения, воссоздавая их в своих действиях творчески, внося в них новые моменты» [Сусов, 2006, с. 168].

Вследствие этого, комментаторы, будучи активными субъектами политической коммуникации, имеют возможность выражать свое мнение, комментируя и обсуждая вопросы, связанные с социально-политическими проблемами [Савельева, 2021, с. 12], принимать участие в общественной дискуссии через онлайн-коммуникацию и таким образом влиять на политические процессы. В этом случае справедливо говорить о непрофессиональной политической коммуникации, в которую вовлечены люди, профессионально не связанные с политикой [Чудинов, 2012, с. 53]. Как отмечает В. И. Карасик, «назначение комментария – выразить критическое отношение к актуальной для социума проблеме» [Карасик, 2015, с. 173], поэтому в социальных сетях пользователи могут свободно выражать свои личные политические убеждения, мнения и отношения к политику и его действиям. При этом они проявляют себя как языковые личности, чья индивидуальность в речи менее ограничена внешними рамками и выражается достаточно открыто [Руженцева, 2015, с. 47]. К тому же, рассматривая речевое поведение политика в разных речевых ситуациях, можно получить представление о том, как он видит себя глазами других людей, то есть получить сведения об «Я» в зеркале Другого» [Волков, 2014, с. 22]. По мнению Г. И. Богина, человек как языковая личность непрерывно подвергается оценке со стороны окружающих. Слова одного человека имеют значение для другого, в результате каждый становится «оценщиком», формируя собственное представление о том, что в речевой деятельности оцениваемого хорошо, а что плохо [Богин, 1984, с. 6]. Как отмечает И. В. Савельева, интерпретация и оценка политических событий тесно связаны в сознании рядового носителя языка [Савельева, 2013, с. 39]. Вступая в диалог с политическими

актерами, комментаторы ожидают от них ответного действия в виде правильных, с их точки зрения, политических решений.

Политическая коммуникация обеспечивает взаимодействие между государственными органами и гражданским обществом, создавая условия для диалога и обратной связи. Активное участие граждан в политических процессах возросло благодаря социальным сетям и интернет-платформам, что стирает границы между официальным и обыденным дискурсом. Интернет-сообщество является не просто объектом воздействия, а непосредственным участником политической коммуникации, что приводит к возникновению непрофессионального политического дискурса, в котором рядовые граждане, не будучи профессиональными политиками, могут свободно выражать свои убеждения и критически оценивать актуальные социально-политические вопросы. Таким образом, современная политика становится более открытой для общественного мнения, что усиливает значимость каждого отдельного голоса в формировании политического дискурса.

1.1.3. Языковая личность в политическом интернет-дискурсе

Языковая личность политика и языковая личность интернет-комментатора, выступающие в качестве одного из объектов лингвополитической персонологии, могут быть рассмотрены на институциональном, индивидуальном и национальном уровнях. В. В. Волков считает, что исследование языковой личности должно быть всесторонним, так как «в языке и текстах различного содержания находят отражение практически все компоненты “Я” – от биологического (физиологического, анатомического) до экономического». Цель филологического анализа «личности, данной в языке/тексте», состоит в выявлении взаимосвязи различных аспектов личности в составе целостного “Я” и установлении языковых/речевых средств, с помощью которых эти аспекты “Я” вербализуются» [Волков, 2014, с. 19–20].

Политический интернет-дискурс занимает особое место в современном информационном пространстве, объединяя как профессиональных политиков, так и непрофессиональных участников политической коммуникации. В рамках этого дискурса особое значение приобретает лингвоперсонологическое направление, значимое для современной антропоцентрической лингвистики, которое ставит перед собой задачу изучения проявления языковой личности в устной и письменной речи, а также выявления характеристик и особенностей текста, позволяющих выделить различные типы языковых личностей.

«Лингвополитическая персонология помогает раскрыть новые грани феномена человека говорящего и вносит вклад в исследование политической коммуникации, выявляя ее индивидуально-личностную и национально-культурную специфику» [Кондратьева, 2020, с. 79].

По определению Ю. Н. Караулова, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Караулов, 2010, с. 29].

Лингвоперсонологическое варьирование, по мнению Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной, проявляется на вербально-семантическом уровне, когда носитель языка предпочитает определенные лексико-грамматические средства языка. Варьирование на уровне лингво-когнитивной сферы выражается в формировании индивидуального лексического запаса языковой личности. Прагматическое варьирование проявляется в разнообразии мотивов и целей, управляющих процессом создания текстов языковой личностью [Голев, 2015, с. 135].

Тексты политиков и комментарии представляют собой речевые произведения, которые отличаются как вербально-семантическими, так и лингво-когнитивными, мотивационно-прагматическими свойствами. Анализ публикаций политиков, транслирующих политические решения в период Covid-19, и реактивных текстов интернет-пользователей позволяет не только понять

особенности языковой личности участников интернет-коммуникации, но и выявить, как эти особенности влияют на общественное мнение.

К. Ф. Седов пишет, что «изучение языковой личности всегда сталкивается с проблемой определения меры единичного и общего, типического и уникального, индивидуального и коллективного в объекте исследования» [Седов, 2004, с. 7]. Языковая личность не существует в вакууме, она формируется под влиянием как индивидуальных, так и социальных факторов и представляет собой сложное многокомпонентное образование, состоящее из трех ипостасей: индивидуальной, коллективной и национальной, каждая из которых играет свою уникальную роль в формировании дискурса и отражает как «коллективный, так и индивидуальный опыт, зафиксированный в языковой семантике, с одной стороны, и речевое поведение – осознанную и неосознанную систему коммуникативных поступков, раскрывающую характер и образ жизни человека, с другой стороны» [Карасик, 2002, с. 70]. Язык является не только средством общения, но и важным инструментом самовыражения и идентификации.

Индивидуальная языковая личность – это личность, обладающая совокупностью уникальных характеристик речи конкретного человека. По мнению К. Ф. Седова, «языковая личность в рамках дискурсивного поведения способна на речевые действия, опирающиеся на деятельность в рамках конкретной ситуации» [Седов, 2016, с. 56]. В политическом дискурсе индивидуальные черты адресанта проявляются в стилистических особенностях высказываний, своеобразном наборе лексических и синтаксических единиц.

Коллективная языковая личность раскрывается в интеграции специфических языковых характеристик, свойственных конкретной группе людей, которые разделяют общие цели и идеалы: партия, общественное движение, группа активистов или интернет-сообщество. Коллективная языковая личность проявляется в использовании типичных для группы речевых клише, аргументационных схем и идеологических маркеров.

Национальная языковая личность аккумулирует речевые особенности носителей конкретного языка и культуры. В политическом дискурсе национальная

языковая личность отражает культурные ценности, исторический опыт и ментальные установки, свойственные определенной нации.

Ю. Н. Караулов подчеркивает, что национальные особенности пронизывают все уровни организации языковой личности (семантический (нулевой уровень), лингвокогнитивный (первый уровень) и мотивационный (второй уровень), на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения [Караулов, 2010, с. 124]. По мнению Л. В. Уховой, речеповеденческие модели формируются на пересечении общественного и личного опыта через социализацию и освоение национальных традиций. А поскольку личность является индивидуальностью, выступает как носитель уникального социокультурного опыта, данный фактор детерминирует речевую деятельность. Текст, как продукт речевой деятельности, как средство самовыражения, отражает специфику мировосприятия, ценности и особенности поведения говорящего [Ухова, 2016, с. 67]. Тексты, создаваемые языковой личностью, являются отражением мировосприятия, ценностей и поведенческих паттернов.

Как отмечает И. В. Савельева, «языковая личность как системообразующий феномен подвергается научной параметризации на основании различных аспектов ее деятельности. В системе родовидовых отношений разрабатываются понятия речевой личности как носителя языка, использующего свой языковой репертуар для осуществления речевого общения» [Савельева, 2021, с. 89], что позволяет систематизировать и обобщить знания о различных аспектах языковой деятельности человека и способствует более глубокому пониманию того, как люди используют язык для общения, самовыражения и взаимодействия в обществе. В нашем исследовании под языковой личностью политика / интернет-комментатора понимается личность, обладающая совокупностью индивидуальных черт конкретного человека, которые влияют на его речевое поведение и определяют его как представителя сообщества: политической элиты или интернет-сообщества.

По мнению М. Г. Цуциевой, «понятия «институциональная языковая личность» и «профессиональная языковая личность» взаимосвязаны, поскольку, с одной стороны, человек, освоив любую профессию, становится членом

профессионального сообщества, представляющего свой дискурс, который реализуется в пределах определенного социального института (профессионального), а, с другой стороны, политик становится еще и членом политического института» [Цуциева, 2018, с. 145]. Политики как представители институтов власти принимают решения, содержание которых находит отражение в их речевой практике.

Для изучения языковой личности политика в аспекте коммуникативного поведения важна теория речевых актов, где ключевым элементом является иллокуция как форма речевого воздействия. «Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции» [Карасик, 2002, с. 49].

По мнению Н. Д. Голева, особого внимания «заслуживает лингвополитологический аспект коммуникации в социальных сетях» [Голев, 2021, с. 7]. Социальные сети играют значительную роль в современной политике на различных уровнях. Многие лидеры крупных государств используют социальные платформы для выражения своих взглядов и объявления политических решений. В настоящее время онлайн-ресурсы стали площадкой для политических дебатов, в которых принимают участие профессиональные политики и рядовые граждане. М. В. Никифорова и Е. А. Нахимова отмечают, что и «для глав регионов сетевое общение становится важным инструментом самопрезентации, а также способом позиционирования самого региона на политической арене, формирования устойчивого положительного представления о нем в сознании интернет-пользователей» [Никифорова, 2023, с. 110].

У любой социальной группы имеются стандарты и ожидания, в соответствии с которыми участники этой группы определяют, что считается легитимным. Как отмечает М. Сачман, «легитимность зависит именно от группы людей, а не от конкретных наблюдателей, так как она отражает соответствие между поведением легитимизируемого объекта и разделяемыми (или предположительно разделяемыми) убеждениями некоторой социальной группы» [Suchman, 1995, p. 574]. Быть

легитимным политиком – значит соответствовать ожиданиям и ценностям целевой аудитории.

В своих комментариях авторы непрофессионально-политического дискурса отражают обыденный взгляд на политику, выражают свое личное мнение о политических проблемах, проявляя себя через свое отношение к этим проблемам и давая эксплицитную или имплицитную оценку политическим событиям с учетом своего повседневного опыта и мировоззрения.

Лингвоперсонологический аспект в профессиональном и непрофессиональном политическом интернет-дискурсе позволяет глубже понять природу и функции языковой личности в условиях современной коммуникации. Исследования Н. Д. Голева [Голев, 2006, 2015], Г. И. Богина [Богин, 1984], Н. Ю. Караулова [Караулов, 2010], Н. В. Мельник [Мельник, 2009, 2014], И. В. Савельевой [Савельева, 2021], М. Г. Цуцовой [Цуцьева, 2013, 2018] и др. показывают, что структура языковой личности и ее институциональные качества играют важную роль в формировании политического дискурса, определяя его содержание и воздействие на аудиторию.

Языковая личность, изучаемая в рамках лингвополитической персонологии, представляет собой сложный феномен, который включает индивидуальные, коллективные и национальные аспекты, формируемые под воздействием как личных, так и социальных факторов. Исследование языковой личности в политическом интернет-дискурсе позволяет выявить характеристики, влияющие на речевое поведение участников, а также на общественное мнение и взаимодействие в политической коммуникации.

1.1.4. Легитимация политических решений в профессиональном и непрофессиональном политическом дискурсе

Наше поведение определяется не только внутренними побуждениями и чертами личности, но и внешними факторами, которые нас окружают. «Интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться

чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху» [Демьянков, 2002, с. 44]. Комплексный подход, сочетающий лингвистический анализ с учетом экстралингвистических факторов, позволяет полноценно интерпретировать политический дискурс, раскрывать его глубинные смыслы и прагматические цели.

Именно поэтому исследование предполагает анализ публикаций политиков и интернет-комментариев с учетом экстралингвистических аспектов их создания. Пандемия, вызванная вирусом Covid-19, оказала беспрецедентное влияние на все сферы общественной и многие аспекты частной жизни людей, она также послужила поводом для введения мер по борьбе с вирусом и обсуждения этих мер в социальных сетях. Как отмечает Ч. Кули, «ситуация – это непосредственный повод для действия» [Кули, 2019, с. 149], она относится к совокупности факторов, которые окружают человека в данный момент и влияют на его действия.

Политические решения являются частью политической коммуникации, которая «не только передает информацию, но и оказывает воздействие на адресата и преобразует существующую в его сознании политическую картину мира» [Чудинов, 2006, с. 8]. Язык служит инструментом манипуляции, убеждения для достижения перлокутивного эффекта, необходимого политическому актору.

Г. Лассвелл пишет: «Язык политики – это язык власти. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения. Политические решения – это своего рода призма, через которую оценивается политический актор» [Лассвелл, 2006, с. 269]. Принятие эффективных политических решений в условиях COVID-19 представляет существенные вызовы для политических лидеров и требует гибкости, научного подхода, а также учета интересов и потребностей населения. Политики должны быть готовы к адаптации и реагированию на изменяющуюся ситуацию, основываясь на надежной информации и консультациях с экспертами, так как именно главы регионов несут

ответственность в кризисной ситуации за здоровье и жизнь населения. Избиратели ожидают от них эффективных решений, но не всегда принимаемые решения находят положительный отклик у электората. Поэтому, как отмечает О. И. Трохинова, «легитимация политических решений является необходимым условием для их эффективной реализации и гарантией отсутствия снижения уровня доверия к власти» [Трохинова, 2019, с. 56]. Когда граждане воспринимают решения как обоснованные и справедливые, доверие к власти повышается и укрепляется социальная стабильность.

Американский политолог Б. Гилли, ссылаясь на Ж.-Ж. Руссо, пишет, что правители всегда были озабочены тем, чтобы превратить «силу в право, а послушание в долг», а, поскольку принуждение трудно и дорого, право на власть всегда сопровождалось оправданиями, отражающими атмосферу времени [Gilley, 2009].

Д. Битэм и А. В. Скиперских называют власть легитимной, если она осуществляется в соответствии с законом и при наличии согласия граждан [Beetham, 1991, р. 3; Скиперских, 2003, с. 4], соответствует моральным принципам индивидов, их собственным представлениям о том, что является справедливым или правильным в сфере политики [Истон, 2000, с. 319].

М. Сачман пишет о трех типах легитимности: *прагматической, моральной, когнитивной*. *Прагматическая легитимность*, или легитимность «обмена», опирается на интересы потенциальных избирателей, которые отдают свой голос на выборах в обмен на политическую, экономическую, социальную стабильность. Здесь можно говорить о легитимности «влияния», при которой власть поддерживают не только потому, что она обеспечивает выгодные обмены, но и потому, что она отвечает более широким интересам электората. Американский социолог описывает и третий тип прагматической легитимности: *диспозициональный*. В этом случае речь идет о конкретной личности, которая «разделяет наши ценности», «достойна доверия» и т. п. Чтобы достичь прагматической легитимности, необходимо либо удовлетворить потребности аудитории, либо предложить ей доступ к принятию решений, либо и то, и другое.

Моральная легитимность отражает нормативную оценку действиям политического актора, насколько эта деятельность является «правильным» поступком. В рамках данной легитимности происходит оценка того, как совершается некое действие, какие ресурсы для этого используются и к чему эти действия приводят. М. Сачман выделяет в моральной легитимности четыре типа: последовательная, процедурная, структурная и личная легитимность. Последняя основана на харизме отдельного человека.

Когнитивная легитимность возникает, когда политический актор стремится реализовать цели, которые общество считает правильными и желательными. При таком виде легитимности общество принимает его как необходимого или неизбежного лидера [Suchman, 1995, p. 577–583]. Описанные типы легитимности создают представление о том, как власть может укреплять свои позиции в обществе и легитимировать свою деятельность.

«Формируясь в сознании гражданина и выражаясь в его готовности исполнять требования правового порядка, принятого в государстве, легитимность современной политической власти и ее институтов находится в прямой зависимости от ее коммуникативных свойств» [Чурашева, 2013, с. 12]. Региональный лидер, как представитель властных структур, способен контролировать дискурс и его производство, тем самым не только организуя жизнь общества, но и влияя на восприятие адресатом предлагаемой реальности [Козачина, 2023, с. 20]. Политическое решение, которое изначально не соответствует общественным нормам и ожиданиям, при определенных условиях может стать приемлемым и даже желательным для общества. Легитимация является стратегией, направленной на убеждение общества в правомерности и необходимости принятых властью решений. Легитимность «оправдывает и объясняет политические решения, отражает согласие, политическое участие без принуждения, оправдывает действия властей» [Алексеева, URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/GU/6.html>].

Экспансия социальных сетей во все сферы межличностного взаимодействия, особенно в повседневную коммуникацию, привела к тому, что значительные массы

населения подключились к комментированию актуальной информации, «размывая границу между публичным и частным общением» [Карасик, 2020, с. 26]. С. М. Карпоян отмечает, что «от других видов интернет-коммуникации комментариев можно отличить по признаку наличия комментируемой информации и представления ее анализа и оценки, выражения личного отношения к данной информации» [Карпоян, 2011, с. 115]. Непрофессиональные политические интернет-комментаторы как представители интернет-сообщества «занимают определенную позицию по отношению к тем или иным фактам и событиям жизни общества, например, по отношению к деятельности государства» [Кошарная, 2002, с. 9] или отдельного политического актора. Каждый человек, участвующий в обсуждении политической ситуации, может выразить свое мнение о субъектах политических событий [Шпильная, 2021, с. 113].

Таким образом, общественное мнение приобретает доминирующую роль по отношению к государственным институтам, которые, в свою очередь, становятся подконтрольными обществу [Там же]. Люди склонны обращать внимание на информацию, которая имеет для них значение в соответствии с их картиной мира – концептуальной и языковой [Волков, 2014, с. 13]. Концептуальные знания относятся к нашим представлениям о том, как устроен мир, и нашим убеждениям о том, что является истинным и правильным. Языковые знания связаны с субъективным пониманием языка и тем, как мы используем его для выражения наших мыслей и идей. «Язык выполняет решающую функцию в рамках политического дискурса, поскольку служит генерации одобрения аудиторией политических решений» [Girnth, 2002, p. 2]. Восприятие и интерпретация информации человеком зависят от его картины мира, поэтому люди по-разному воспринимают и интерпретируют одно и то же событие или сообщение.

Публикация политиками актуальных для населения материалов «провоцирует носителей языка к обмену мнением по какому-либо важному для общества вопросу» [Шпильная, 2024, с. 63]. В отличие от дискурса профессиональных политических акторов, в котором институциональность предполагает уход от личностного и в котором преобладает официально-статусное

общение [Савельева, 2021, с. 10], дискурс непрофессиональных политических интернет-комментаторов построен с учетом личных чувств или симпатий акторов. Прагмалингвистическое изучение интернет-комментариев нацелено на «выявление особенностей проявления авторской позиции, то есть субъективного, эмоционального и оценочного отношения, говорящего к содержанию своего высказывания. В различных областях речевой коммуникации экспрессивный компонент может иметь разную значимость и силу, но он присутствует повсеместно: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин, 1996, с. 188].

Поскольку мы изучаем языковые средства субъективной модальности в интернет-публикациях политических акторов, анализ комментариев дает возможность отследить реакцию аудитории на обращения политиков и оценить эффективность выбранных ими способов выражения субъективной модальности. Легитимирующий потенциал комментариев проявляется в зависимости от того, какие политические решения принимаются политиками.

Легитимность власти не является постоянной и неизменной характеристикой, которая может меняться в зависимости от таких факторов, как уровень доверия граждан к власти, эффективность политических институтов, объективность и справедливость политических решений и т. п.

Политические решения играют ключевую роль в политической коммуникации, воздействуя на восприятие граждан и формируя их политическую картину мира. В условиях кризиса политические лидеры сталкиваются с вызовами, требующими гибкости и научного подхода, чтобы учитывать интересы населения и принимать обоснованные решения, а легитимация власти является важной задачей, так как доверие граждан напрямую связано с восприятием решений как справедливых и обоснованных.

Политическая коммуникация и дискурс детерминированы социокультурными, институциональными характеристиками и лингвоперсонологическими особенностями участников коммуникации. Существенным компонентом данного процесса является субъективная

модальность, выполняющая функцию трансляции определенной позиции политика и играющая важную роль в легитимации политических решений.

Рассмотрение субъективной модальности в качестве инструмента легитимации политических решений предполагает анализ функционирования средств ее реализации в политическом дискурсе и реакцию аудитории на них. Конгруэнтность между ценностями аудитории и субъективной модальностью, используемой политическими акторами, оказывает существенное влияние на степень легитимности политических решений. Следовательно, анализ субъективной модальности является необходимым условием для понимания политической коммуникации, ее влияния на процессы легитимации в современном обществе.

1.2. Субъективная модальность в политическом дискурсе

1.2.1. Подходы к рассмотрению субъективной модальности

Модальность представляет собой комплексную многоаспектную категорию, «в сфере которой находится каждое предложение любого языка, независимо от характера его типологии» [Дешериева, 1987, с. 42].

Понятие модальности берет свое начало в философии и формальной логике и считается «самой глубинной философской категорией» [Нечаев, 2006, с. 14]. Выходя за пределы этих дисциплин, модальность переходит в сферу других научных знаний, в том числе в лингвистику. Философская и лингвистическая интерпретация модальности тесно связаны.

Модальность в философии и логике трактуется как «классификация суждений, согласно условиям их истинности, ложности, возможности, невозможности и необходимости» [Мёдова, 2017, с. 13].

Теоретические основы лингвистического изучения модальности были заложены Ш. Балли [Балли, 1955] и В. В. Виноградовым [Виноградов, 1975]. Их работы вносят значительный вклад в понимание модальности как важного

лингвистического явления, раскрывая различные аспекты ее функционирования и выражения в языке.

Ш. Балли отмечает, что «модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Балли, 1955, с. 44]. По убеждению швейцарского ученого, модальность не всегда бывает вербализирована, она может быть имплицитна: «Стилистическая окраска текста должна быть обнаружена не только тогда, когда текст насыщен всевозможными необычными словами или «оригинальными» построениями (в этом случае стилистическая окраска как бы сама дает о себе знать), но и в тех случаях, когда текст внешне кажется совсем нейтральным, а изнутри отмечен «взволнованным» отношением говорящего к самому смыслу высказывания» [Там же, с. 8].

В. В. Виноградов определяет модальность как синтаксическую категорию и связывает ее с разнообразием типов предложений, в которых выражается отнесенность содержания речи к действительности [Виноградов, 1975, с. 55]. Модальность позволяет передать оттенки уверенности, возможности, желательности, необходимости в высказывании. «В современном русском языке категория модальности передается разными средствами, при этом различия в способах выражения этой категории отчасти связаны с внутренними различиями в самих ее синтаксико-семантических функциях, в ее функционально-синтаксическом существе» [Там же, с. 58].

Несмотря на разнообразие трактовок модальности в современной науке, исследователи сходятся во мнении, что модальность – это отдельная категория, проявляющаяся на всех языковых уровнях и характеризующаяся главным образом оценкой описываемых событий или фактов [Гальперин, 2007, с. 114].

Большое значение в рассмотрении модальности имеют труды Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976], Г. А. Золотовой [Золотова, 2004], Т. В. Романовой [Романова, 2004, 2006], Г. Я. Солганика [Солганик, 2016], Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1994] и др. Изучению средств выражения модальности в немецком

языке посвящены работы Б. А. Абрамова [Абрамов, 2004], А. В. Авериной [Аверина, 2020], G. Diewald [Diewald, 2013], E. Leiss [Leiss, 2011], K. Colomo [Colomo, 2011], C. Milan [Milan, 2001] и др.

Феномен модальности рассматривается как категория функционально-семантическая [Бондарко, 1990; Колшанский, 1961; Орехова, 2012; Ватанабэ, 2008; Гатина, 2007; Нечаев, 2006; Краснова, 2002 и др.], понятийная [Ахманова, 1966; Падучева, 2016 и др.], логическая и синтаксическая [Кокова, 2014; Бондарко, 2001 и др.], текстовая [Глухова, 2010; Тураева, 2012; Никонова, 2020 и др.]. Модальность изучается с точки зрения антропоцентричности [Романова, 2004; Баранов, 2007; Темиргазина, 2019].

Наиболее часто в научных трудах встречается разделение модальности на *объективную* и *субъективную*. Такой подход представлен в трудах Б. А. Абрамова [Абрамов, 2004], В. В. Виноградова [Виноградов, 1975], Г. А. Золотовой [Золотова, 1998], В. А. Плунгяна [Плунгян, 1998], Е. В. Падучевой [Падучева, 2016], Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1994] и т. д. Однако современная научная парадигма демонстрирует смещение акцента с традиционного разделения на объективную и субъективную к тотальной субъективности модальности [Солганик, 2016]. Ученые, разделяющие данную точку зрения, полагают, что выделение указанных выше типов модальности является условным, поскольку «элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности» [Дешериева, 1987, Краснова, 2002, Романова, 2006, Солганик, 2016 и др.]. Подобного мнения придерживается Л. Н. Ваулина: «Субъективное так же, как и объективное, является обязательным, а не факультативным аспектом модального отношения. В реальной речевой деятельности любое высказывание, независимо от того, присутствуют ли в нем специальные языковые средства выражения отношения говорящего, передает эти отношения, то есть субъективная модальность представлена в любом предложении» [Ваулина, 2006, с. 56].

Модальность носит объективно-субъективный характер, где субъективное является обязательным элементом. Любое высказывание выражает субъективное отношение говорящего, даже при отсутствии специальных языковых средств.

В антропоцентрической парадигме человек, его мировоззрение и отношение к окружающей действительности выходят на первый план. Личные оценки, предположения, эмоции отражаются в средствах реализации субъективной модальности. Г. Я. Солганик пишет, что субъективная модальность полностью реализуется именно в речи. При этом Я-говорящий присутствует или подразумевается в любом высказывании, которое воспринимается благодаря тому, что оно соотносится с говорящим и выражает его речевое намерение [Солганик, 2016, с. 10–11], а значит, речь становится средством передачи информации и инструментом самовыражения.

Е. Н. Орехова отмечает, что субъективная модальность отражает «способность говорящего критически осмысливать свою речь в отнесении к действительности, к своим знаниям, эмоциям, оценкам, речевой ситуации» [Орехова, 2011, с. 3–12]. Субъективность, по мнению ученого, заключается в оценке ситуации говорящим, в обозначении позиции субъекта речи в отношении описываемого.

Т. И. Краснова считает, что модальность имеет «глобальное значение для понимания субъективности и смыслового анализа предложения (текста) в целом» [Краснова, 2002, с. 109]. Она приравнивает субъективность к сознанию и считает, что субъективную модальность можно рассматривать с таких позиций, как 1) способ выбора картины мира, 2) структура речевого акта, 3) смысловая организация предложения, 4) средства выражения модальности [Краснова, 2002, с. 149].

Е. В. Падучева в субъективной модальности выделяет *эпистемическую*, *деонтическую*, *онтологическую* модальность [Падучева, 2016, с. 64] в зависимости от того, какой аспект человеческой деятельности оценивается с точки зрения говорящего. В нашей работе мы придерживаемся именно этой классификации. «Субъективная модальность выступает самостоятельным центром предложения и становится обязательной единицей, отвечающей за понимание адресатом речевого акта, основанной на аксиологических принципах толкования действительности» [Данилова, 2019, с. 103].

Как отмечает Дж. Лайонз, эпистемическая и деонтическая модальности в стандартной модальной логике и формальной семантике всегда интерпретируются объективно. Однако, независимо от этого, модальность может быть субъективной, а не объективной; иными словами, говорящий, произнося предложение, может выражать свое собственное мнение по поводу того или иного положения вещей или свою волю и наличие полномочий к его осуществлению или неосуществлению, а не просто сообщать как нейтральный наблюдатель о его существовании [Лайонз, 2003, с. 347].

Представленные типы модальности немецкий лингвист К. Коломо связывает с *событийной* и *пропозициональной* модальностью [Colomo, 2011, р. 63]. *Событийная модальность* включает в себя деонтическую и онтологическую модальности и характеризует потенциальное положение дел как соответствующее определенным правилам или целям, разрешенное или запрещенное, задуманное, желательное или нежелательное, или как возможное в принципе с учетом обстоятельств. *Пропозициональная модальность* тесно связана с эпистемической модальностью, так как она передает фактическую оценку говорящего, который маркирует высказывание как предположение, используя эпистемическое модальное выражение, при этом предположение основывается на его знаниях.

В ходе анализа публикаций политиков Германии и России, в соответствии с классификацией Е. В. Падучевой, выделены три вида субъективной модальности: *эпистемическая, деонтическая, онтологическая*.

Эпистемическая модальность связана с выражением степени уверенности, вероятности или возможности в отношении утверждений и знаний, так как в переводе с греческого *ἐπιστήμη* означает *достоверное знание, познание, наука*. В лингвистике понятие *эпистемический* характеризует высказывания с семантикой предположения и вероятности. Следовательно, эпистемическая модальность передает степень уверенности, убежденности в транслируемых адресантом сообщениях. Средства ее реализации помогают говорящему заставить слушателя быть менее осторожным и принять его слова за правду [Marín-Arrese, 2011, р. 791] для того, чтобы более убедительно представить информацию и снизить уровень

скептицизма адресата. Политики не просто предлагают электорату «удобные нарративы», оперируют фактами и цифрами, они формируют нужную им картину мира в сознании адресата. Каждое озвученное политическое решение становится частью знания, частью представления о реальности реципиента.

Термин «деонтический» происходит от древнегреческого *δέον* (-οντος) «должное, необходимое, обязанность»; причастие от *δεῖ* «долженствует, должно, следует». Деонтическая логика «исследует нормы: действия в условиях норм, структуру нормативных высказываний и определяет способы оперирования ими» [Глинчикова, 2015, с. 3]. Понятие, первоначально использовавшееся в философии и теологии, в настоящее время является устоявшимся термином в лингвистике благодаря работе Дж. Райта «*Deontic Logic Mind*» [Wright, 1951]. *Деонтическая*, или, в другой терминологии, *нормативная модальность* [Ивин, 1997] характеризует действие с точки зрения норм, предписаний, правил, «имеет дело с действиями или событиями, контролируруемыми говорящим» [Сафина, 2019, с. 37], идентифицирует способствующие или вынуждающие обстоятельства, внешние по отношению к участнику [Auwera, 1998, с. 81]. Посредством данного типа модальности адресант передает приказ, разрешение, требование соблюдать правила или соблюдать закон, запрет и т. п.

Онтологическая модальность выражает отношение к действию на основе необходимости и возможности, исходя из фактической ситуации. Онтология – учение о бытии, его основах, принципах, структуре и закономерностях [Ефремова, 2006]. Термин происходит от греческого слова *ὄντος* – сущее, то, что существует и *λόγος* – учение, наука, то есть учение о сущем, о бытии как таковом. «Онтологическая и деонтическая модальности часто трудноразличимы и имеют размытые границы, так как реальное положение вещей, например, сохранение здоровья и жизни, часто зависит от соблюдения норм и законов» [Мельник, 2025б, с. 43].

Приведенные выше определения видов модальности позволяют выделить в их сфере модальность необходимости и возможности [Auwera, 1998, р. 80; Падучева, 2016, с. 64]. Субъективная модальность необходимости и возможности

основана на личных оценках и представлениях человека и может отличаться у разных людей, так как она зависит от индивидуального опыта и убеждений. Эти виды модальности выделяются в соответствии с интерпретацией модальных операторов, которые проявляются как эксплицитно, так и имплицитно (Таблица 1).

Таблица 1. Типология субъективной модальности

деонтическая долг		онтологическая существование		эпистемическая знание	
возможность	необходимость	возможность	необходимость	возможность	необходимость
морально-социальная ответственность	моральный долг, обязательство, законопослушное поведение	способность выполнить действие (физическая, умственная)	практическая необходимость (связанная с целью)	неполнота знаний говорящего, вероятность суждения	
мочь = разрешение	должен, обязан, необходимо, требуется, обязательно, следует	может	должен, нужно, надо	мочь, нельзя, возможно, может быть, вероятно	должен

Модальные операторы необходимости (*должен/не должен, следует/не следует, обязан, вынужден, нужно, необходимо и т.п.*) определяют правило или закон, на основе которого действует человек.

Такие правила, законы часто ограничивают поведение. Субъективная модальность необходимости указывает на то, что для достижения цели или решения проблемы некое действие является важным, обязательным или необходимым как с позиции политика, так и с точки зрения адресата.

Модальные операторы возможности (*может/не может, сможет, имеет право и т.п.*) сообщают о том, что разрешено, считается выполнимым в силу человеческих способностей или обстоятельств. Наличие модальности возможности обусловлено способностью, потребностью, долгом участника речевого акта выполнить некое действие.

В нашей работе под субъективной модальностью понимается оценочное отношение политика к предмету речи, отражающее его личную позицию и интенцию, актуализированное с помощью языковых (и неязыковых) средств,

позволяющих оказывать влияние на положительное восприятие реципиентом информации и легитимировать политические решения.

Модальность охватывает все уровни языковой системы и отражает оценку событий и фактов. Существуют различные подходы к ее классификации, включая разделение на объективную и субъективную модальность, однако в современной научной литературе существует мнение, что элемент субъективности присутствует в любом высказывании. В рамках антропоцентрической парадигмы модальность рассматривается как отражение личных оценок и эмоций говорящего. Субъективная модальность характеризуют различные аспекты человеческой деятельности и отношение говорящего к действительности.

1.2.2. Легитимирующий потенциал субъективной модальности

Важным фактором в легитимации политических решений являются средства выражения субъективной модальности в речи политического актора. Для данного исследования интерес представляет персуазивный аспект субъективной модальности [Панфилов, 1977, с. 39], так как средства ее реализации являются действенным инструментом легитимации политической власти. По мнению Ю. Ванга, «язык – это не просто средство общения, но и мощный инструмент, который влияет на власть и социальные отношения» [Wang, 2020, с. 558]. В нашем исследовании под легитимирующим потенциалом мы понимаем совокупность всех языковых средств, оказывающих влияние на положительное восприятие политических решений.

«Субъективное измерение политика связано с миропониманием и мировидением человека, его представлениями о собственном месте и роли в политическом мире, его пониманием значимых субъектов политики, которое определяет характер действий или бездействия в политическом мире» [Самаркина, 2013, с. 15]. Картина мира политика формируется из политических убеждений, ценностей, идеологии, информационного воздействия и институциональной коммуникации и предопределяет формирование картины мира адресата путем

воздействия на его восприятие и понимание политических процессов. Субъективная модальность позволяет репрезентировать интенции, формирующие эмоциональный фон, необходимый для манипулятивного воздействия на адресата.

Выбор средств выражения субъективной модальности обусловлен намерениями адресанта, осмысляющего явления действительности [Орехова, 2011, с. 21], и включают в себя различные грамматические конструкции, модальные глаголы, наречия и частицы и т. п., которые позволяют говорящему выразить свое отношение к сообщаемой информации, подчеркнуть уверенность, неопределенность, желательность или другие модальные значения в речи.

В немецком языке, согласно К. Милану, в семантическое поле субъективной модальности помимо наклонений (конъюнктива и императива) входят глагольные лексемы (модальные глаголы и инфинитивные глаголы, близкие по значению к модальным), модальные слова (модальные частицы, модальные наречия, существительные с модальным значением), конструкции *sein u haben + инфинитив* и словообразовательные морфемы *-bar*, *-lich*, *-wert*, *-pflichtig* и т. д. [Milan, 2001, p.15].

В русском языке к сфере «субъективной модальности относятся лексико-грамматические средства: модальные глаголы, предикативные прилагательные, наречия, адвербиализованные существительные, глагольно-именные сочетания» [Глухова, 2010], «вводные слова, вводные предложения, модальные частицы, междометия, фразеологические единицы во вводной функции, модальные союзы и синтаксические средства (сложноподчиненные предложения; риторические высказывания)» [Орехова, 2011, с.15].

В обеих лингвокультурах субъективная модальность влияет на восприятие и интерпретацию политических процессов в сознании адресата и легитимацию политических решений.

1.2.3. Убеждение и манипуляция – составляющие субъективной модальности

В рамках убеждающей коммуникации можно говорить о межличностном общении, целью которого является влияние на собеседника. Под *убеждением* понимается коммуникация, направленная на формирование, укрепление, изменение поведения или отношения к какому-либо предмету (объекту отношения) у адресата. Эффект убеждения может быть вызван приведением аргументов, изображением людей, обладающих большим авторитетом, сравнением с другими ситуациями и т. д., убеждение осуществляется открыто, а объекту воздействия предоставляется свобода выбора [Тенева, 2016, с. 122].

Основоположник теории убеждающей коммуникации Карл И. Ховланд считал, что коммуникационное воздействие заключается в том, чтобы привлечь внимание к информации, сделать так, чтобы она была воспринята и правильно интерпретирована, а также, чтобы она была сохранена в памяти для дальнейшего использования [Hovland, 1953].

Убеждающая (персуазивная) коммуникация сама по себе не является манипулятивной, когда используется с «чистыми» намерениями, чтобы предложить информацию или улучшить взаимопонимание. Она может быть эффективным инструментом для достижения конструктивных результатов в общении и взаимодействии. Если же речевые приемы убеждения завуалированы, то речь идет о манипулятивном воздействии. Этот вид воздействия представляет собой «двойную игру», где два сценария поведения имеют различные цели: на поверхности манипулирующий стремится убедить другое лицо в своей доброжелательности, в то время как на самом деле он преследует собственные эгоистичные цели [Карасик, 2002, с. 66].

Манипуляцию можно определить как «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно

совпадают с интересами адресата. Цель речевой манипуляции – склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [Чернявская, 2006, с. 19]. Например, когда речь идет о сохранении здоровья, политик может использовать эмоциональное воздействие, чтобы убедить адресата в необходимости принятия политических решений.

А. К. Михальская называет такие действенные средства манипуляции, как «идентификационные формулы, похвала адресату, употребление слов-эпистемиков, представление субъективного мнения в виде объективного факта или истины, не требующих доказательств, в форме категорического суждения» [Михальская, 1996, с. 147]. Манипулятивным потенциалом, по мнению ученого, обладают *стратегия мобилизации* и *стратегия демобилизации общественного мнения*. Первая стратегия применяется с целью изменения существующего положения дел. При этом политические события представляются в драматическом виде, а положение как ужасное, требующее решительных действий. Вторая стратегия помогает представить ситуацию как нормальную, хотя и сложную, а события как естественно идущие своим чередом, требующие терпения от членов общества [Михальская, 1996, с. 147–151].

Р. М. Блакар отмечает, что каждый пользующийся языком осуществляет воздействие, принятие точки зрения и т. п. через собственное использование языка [Блакар, 1987, с. 99]. Язык не является нейтральным инструментом, он формирует наше восприятие мира и влияет на наши мысли и действия. При помощи языка мы не просто передаем информацию, мы выражаем свои ценности, убеждения и точку зрения и даже оказываем влияние на других людей. Политики активно прибегают к убеждающей силе слов, так как «власть осуществляется средствами языка, а речь обладает сильным воздействующим потенциалом» [Чернявская, 2006, с. 7]. Когда человек сталкивается с проблемой, он часто чувствует себя неуверенно из-за недостатка знаний или понимания ситуации, поэтому становится менее критичным и легче воспринимает мнения и аргументы других.

Во время кризиса политический дискурс имеет несколько иное содержание, нежели в периоды относительной стабильности: в политической риторике преобладают сообщения о кризисных ситуациях, мерах по их управлению, подсчете затрат или потерь и т. д. Другие темы отходят на второй план или должны быть связаны с темой кризиса. Все общество вовлечено в решение проблемы, люди не являются «сторонними наблюдателями, а находятся «внутри» кризиса, ожидая его разрешения» [Хабермас, 2010, с. 9]. Нагнетание страха среди населения является действенным политическим инструментом, используемым для поддержания политического порядка и сдерживания протестного настроения населения [Golkar, 2016, p. 138]. Страх – одна из базовых эмоций человека, которая необходима для выживания и благополучия человека [Изард, 1999, с. 8]. Политики могут использовать страх, чтобы привлечь внимание к серьезным проблемам и побудить к действию для их решения. Г. Г. Хазагеров пишет о том, что человек, столкнувшись с какой-то проблемой, испытывает дефицит информации. Чтобы его восполнить, он готов выслушать говорящего и тем самым испытать на себе воздействие его взглядов на проблему. Если реципиент находит эти взгляды убедительными, он их принимает» [Хазагеров, 2002, с. 217].

Политическая манипуляция основывается на использовании языковых средств для воздействия на сознание и поведение адресата. Как отмечает И. Н. Мелихов, «за историю своего существования человек изобрел множество способов влиять на поведение и мысли себе подобных [Мелихов, 2003, с. 3]. Ссылаясь на специалистов в области коммуникации, автор пишет, что «между тем, чтобы убедить людей воевать за свою страну, покупать стиральный порошок определенной марки или влюбиться в кого-то, нет никакой технологической разницы» [Мелихов, там же]. Использование тех же самых приемов в политике, что и в рекламе, позволяет манипулировать эмоциями, действиями людей, эффективно легитимировать политическую власть, создавая у граждан ощущение поддержки и одобрения существующего порядка. «Эмоции при продуцировании текстов той или иной специфической направленности могут быть инструментом для мотивации или инспирации» [Попова, 2020, с. 89].

В политической манипуляции широко используется обращение к авторитетам и экспертам. Политики часто ссылаются на мнения других политиков или ученых, авторитетные исследования, чтобы подтвердить свои утверждения и убедить аудиторию в правильности своей позиции. Такой прием убеждения рассчитан на чувства слушателей, так как вместо обоснования истинности или ложности рассматриваемого тезиса с помощью объективных аргументов, доказательство сводится к положительной или отрицательной характеристике личности человека, утверждение которого поддерживается или оспаривается. Поэтому считается, что он может применяться в качестве дополнения доказательства «к истине» [Зарецкая, 2007, с. 199].

Апелляция к публике как метод убеждения основана на воздействии на чувства людей. Один из способов – обратиться к аудитории, заявить о понимании и сопереживании. Политик как бы говорит аудитории: «Смотрите, как я близок вам, как я понимаю вас, я разделяю все ваши нужды, все ваши стремления, я такой же, как и вы, верьте мне». Например, министр-президент Баварии в одном из первых обращений, в которых он обнародует вводимые меры, заявляет: *Das ist die größte Veränderung des öffentlichen Lebens in Bayern, die ich persönlich erlebt hab* '. – *Это самая большая перемена в общественной жизни Баварии, которую я лично пережил*. Политик дает понять слушателю, что и ему приходится менять привычный уклад жизни, соблюдать меры предосторожности. Часто такой метод заменяет прямые аргументы на обещания выгоды. Убеждение в выгодности тезиса автоматически воспринимается как истина, основанная на представлении о том, что полезное есть истинное [Зарецкая, 2007, с. 199].

Кроме того, политики активно употребляют эмоционально окрашенные выражения, чтобы привлечь внимание адресата, вызвать у него определенные чувства и реакции. Например, использование слов «кризис», «угроза», «опасность» пугает людей, что оправдывает необходимость принятия мер, предлагаемых политиком.

Политическая манипуляция не всегда приводит к негативным последствиям. В таком случае «манипуляция рассматривается как социальный акт коммуникации,

который является заменой авторитарно-принудительной власти» [Строганов, 2020, с. 136] и используется для достижения положительных целей, например, для убеждения людей в необходимости принятия мер по защите здоровья населения.

Речевая деятельность политика, проявляющаяся в его высказываниях, имеет персуазивный характер, направлена на убеждение аудитории с помощью логических и риторических приемов, а также манипуляции. Оптимальный выбор форм и средств убеждения повышает результативность политической коммуникации [Цуциева, 2018, с. 163].

Политики используют средства убеждающей коммуникации и манипулятивного воздействия, чтобы легитимировать свои политические решения и обеспечить поддержку со стороны общественности.

1.2.4. Речевые акты в политическом дискурсе

Одной из задач политического дискурса является легитимация решений политика, поэтому ее решение предполагает манипулятивное воздействие на электорат, которое реализуется языковыми средствами выражения субъективной модальности в речевых актах.

В периоды кризисов язык становится орудием политики, воздействующим на общество для достижения определенных политических целей [Кузнецов, 2007], поэтому «вполне оправданным является изучение языка как инструмента действия» [Кобозева, 2003]. М. Фуко подчеркивает важность анализа высказывания в контексте, чтобы выявить коммуникативную цель говорящего [Фуко, 2004, с. 74]. С помощью языковых средств передается информация, формируется общественное мнение. «Если легитимация определяется как закрепление права политического оратора на повиновение и языковое оправдание действий, следующих за этим повиновением, то самый сильный прагматический вклад легитимации, проявляющийся на языковом уровне, исходит от акта утверждения» [Сар, 2013, р. 32]. Поэтому для того, чтобы интерпретировать

намерения, манифестируемые адресантом (политиком/комментатором), и определить их перлокутивный эффект, обратимся к теории речевых актов.

По мнению А. Вежбицкой, живая речь состоит из речевых актов, которые образуются не словами и предложениями, а высказываниями, тесно связанными с действительностью [Вежбицкая, 1997, р. 99]. В речевом акте сочетаются объективная реальность и отношение к ней говорящего.

Семантический подход к изучению предложения фокусируется на содержании предложения. По справедливому замечанию З. Я. Тураевой, «семантика должна быть дополнена прагматикой, так как прагматический аспект высказывания содержит информацию об условиях коммуникации, учитывает фактор ролевых отношений, отражает разнообразные данные, концентрирующиеся вокруг говорящего субъекта» [Тураева, 1994, с. 112], который присутствует в любом высказывании [Солганик, 2016, с. 27]. Присутствие говорящего связано с выражением его желаний, эмоций, оценок и т. д. в отношении к сообщаемому.

Как отмечает Г. Я. Солганик, субъективная модальность – это «общезыковая категория, проявляющая себя на всех уровнях языка, но прежде всего в синтаксисе предложения и текста, в речи. Полная семантика синтаксической конструкции складывается из ее семантики и субъективно-модального значения. Без субъективно-модального значения семантика синтаксической единицы оказывается неполной, недостаточной» [Солганик, 2016, с. 14–15].

Понимание смысла высказывания, созданного в контексте речевого акта, часто обусловлено коммуникативной ситуацией [Макеева, 2020, с. 72; Падучева, 2010; с. 29, Stalnaker, 1972], словами, произнесенными говорящим, невербальными сигналами, а также эмоциональным состоянием субъекта речевой деятельности.

«В теории речевых актов субъект речевой деятельности понимается как абстрактный индивид, являющийся носителем ряда характеристик, психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института)» [Кобозева, 1986, с. 12]. В нашем исследовании в роли субъектов речевой деятельности, адресанта и адресата,

выступают политик и комментатор. В ходе анализа речевого акта можно выявить интенции адресанта, обусловленные, в том числе, его социальным статусом. В процессе коммуникации также может произойти смена субъектов речевой деятельности, что позволяет адресату занять ответную позицию [Федосюк, 1997, с. 104].

«Речевой акт – основная единица коммуникации, отдельное целенаправленное речевое действие личности, оказывающее влияние на речевого партнера» [Матвеева, 2010, с. 391]. В теории речевых актов выделяют три составляющие речевого акта: локуцию (акт произнесения), иллокуцию (реализацию коммуникативного намерения) и перлокуцию (осуществление того или иного воздействия на адресата).

Основным понятием теории речевых актов является «иллокутивный акт как минимальная единица языкового общения» [Серль, 1986, с. 152], в котором реализуется коммуникативное намерение говорящего, следовательно, отличительной особенностью иллокутивного акта является его целенаправленность, интенция. «Иллокуция – это высказывание, произнесенное с целью воздействия на адресата» [Блюм, 2022, с. 85]. Иллокуция определяет, зачем говорящий произносит то или иное высказывание – чтобы проинформировать, попросить, приказать, пообещать, извиниться и так далее. «Поскольку иллокутивной функции отдается приоритет при характеристике того или иного речевого акта, то в принципе любая типология речевых актов в конечном счете сводится к классификации различных иллокутивных функций, которые могут реализовываться в речи» [Сусов, 2006, с. 89]. Таким образом, иллокутивная составляющая является определяющей при характеристике и дифференциации речевых актов. «Для активного воздействия на личность предназначаются диалогически ориентированные предложения» [Золотова, 1998, с. 230], предполагающие наличие адресата. Диалогичность речи подразумевает наличие субъективности, так как именно в речевом акте проявляются индивидуальные черты говорящего. «Правила успешности речевых актов являются

конститутивными: они не просто регулируют, а создают и определяют новые формы поведения» [Сусов, 2006, с. 89].

По мнению П. Грайса, субъективное значение высказывания заключается в намерении говорящего получить с его помощью определенный результат благодаря тому, что слушающий распознает намерение говорящего и принимает его во внимание при интерпретации высказывания [Grice, 1975].

В работе мы придерживаемся классификаций речевых актов, предложенных Дж. Остином и Дж. Серлем. Классификация Дж. Остина базируется на перформативных глаголах, которые при употреблении в первом лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога выступают в качестве ядерных элементов эксплицитных перформативных высказываний (высказываний-действий).

Перформативная часть высказывания содержит в себе перформативный глагол и местоимения, относящиеся к говорящему и адресату. Пропозициональная часть вводится либо в форме придаточного предложения, либо инфинитива и может оставаться имплицитной. В перформативной части высказывания возможно опущение как отдельных элементов, так и всей части: *Вместе мы все преодолеем* → *Я обещаю, что вместе мы все преодолеем*. Индикаторами перформатива могут служить модальные слова и конструкции, императивы, эмфатические предложения, пунктуация, курсив и т.п. [Сусов, 2006, с. 73].

Согласно классификации Дж. Остина, перформативные глаголы группируются в пять классов: вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы [Остин, 1986, с. 119]. Выделенным классам соответствуют пять типов иллокутивных актов.

Дж. Серль выделяет пять типов иллокутивных актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы [Серль, 1986, с. 181].

В анализируемых нами текстах политиков определены следующие речевые акты: *директивы, репрезентативы, комиссивы, бехабитивы*.

Группа *директивов* объединяет высказывания, посредством которых осуществляются властные функции, реализуются права и авторитет говорящего

(приказ, принуждение, предупреждение, совет, запрещение и т. п.) с целью добиться совершения некоего действия: *Советую оставаться дома.*

Призыв – обращение, в краткой форме выражающее политические требования, оформленные в виде официального распоряжения, приказа; лозунг.

Просьба – обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, желания.

Запрет – отсутствие права на совершение чего-либо.

Разрешение – позволение кому-либо что-либо сделать, давая право на что-либо, согласие на совершение чего-либо.

Репрезентативы передают ответственность говорящего за сообщаемую информацию, отражают точку зрения адресанта и т. п.: *Понимаю, что приходится нелегко.*

Комиссивные речевые акты выражают обещания и взятые на себя обязательства: *Вместе мы преодолеем все трудности (= Я обещаю, что трудности будут преодолены).*

В *бехабитивных* речевых актах отражается взаимоотношение людей и их социальное поведение: *Благодарю за понимание.* В словах благодарности адресанта передается значение и ценность того, что было сделано адресатом в определенной ситуации. *Бехабитивы* помогают установить доверие, создать эмпатию и вовлечь граждан в решение проблемы, что особенно важно в условиях кризиса.

Иногда границы между различными типами речевых актов могут быть размытыми, что делает их классификацию сложной и подверженной различным интерпретациям [Сусов, 2006, с. 89]. Одно и то же высказывание может одновременно выполнять функцию утверждения и функцию вопроса, в зависимости от контекста, интонации и других факторов.

Так как иллокутивный акт направлен на достижение коммуникативной цели, поставленной адресантом, то важную роль в теории речевых актов играет «перлокуция – эффект, достигаемый в результате совершения речевого акта, то есть единственный из уровней высказывания, осуществление которого зависит от адресата» [Остин, 1986, с. 100]. Перлокуция не является собственно речевым актом

[Падучева, 2010, с. 23], а, скорее, результатом или эффектом, который производит высказывание на слушателя. Например, в политической коммуникации таким эффектом может стать выполнение действий, требуемых политиком. «Перлокуция состоит в воздействии на информационное состояние адресата, на его настроение, планы, желания и волю. А вот ответит ли адресат либо не сочтет нужным ответить, находится уже за рамками инициативного речевого акта говорящего» [Сусов, 2006, с. 85].

«Перлокутивная задача одной иллокуции может выступать как практическое следствие другой: например, перлокутивная задача *предупреждения* – насторожить человека – может оказаться практическим следствием перлокутивного акта, имеющего целью *возбуждение тревоги*» [Там же, с. 97].

Посредством перлокутивных актов «происходит интеграция речевых действий в структуру стратегических действий; таким образом, осуществляется вмешательство и интервенция в мир адресанта» [Яременко, 2008, с. 191]. Перлокутивный эффект достигается посредством персуазивных и манипулятивных техник, которые реализуются средствами разных языковых уровней в структуре текста и подлежат лингвостилистической интерпретации.

Речевые акты могут быть прямыми или косвенными. Прямой речевой акт выражает иллокутивную цель высказывания (*Прошу Вас оставаться дома*). Косвенным речевым актом называют иллокутивный акт, «иллокутивная цель которого не находит прямого отражения в языковой структуре употребленного высказывания» [Кобозева, 1986, с. 19], в этом случае «говорящий использует предложение в нехарактерной для него функции, придает ему совсем другое или какое-то дополнительное значение» [Лайонз, 2004, с. 153]. Косвенный речевой акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого иллокутивного акта, при этом происходит «иллокутивное вынуждение» [Баранов, 1992, с. 86]. Используя в речи не прямой, имплицитный способ выражения своего намерения, политик/комментатор учитывает также экстралингвистические знания адресата о ситуации. «Не все, что слушатель извлекает для себя в том или ином высказывании в контексте речевого акта, входит в смысл предложения. Некоторые компоненты

содержания не заложены в смысле, а восстанавливаются слушателем, притом достаточно однозначно, исходя из контекста и коммуникативных постулатов» [Падучева, 2010, с. 43]. В обращениях политика можно встретить такой пример косвенного речевого акта: *Побудьте с близкими. Почитайте книгу. Посмотрите интересный фильм.* Формально эти высказывания являются рекомендацией, советом уделить время себе и своей семье. В контексте ситуации COVID-19 они означают просьбу со значением предостережения. Высказывая просьбу (в отличие от приказа или команды), политик выражает свое волю, чтобы что-то произошло определенным образом, но при этом эксплицитно показывает, что допускает ее невыполнение [Лайонз, 2003, с. 271]. Наличие маркеров вежливости (этикетное обращение к адресату) в речевом акте *просьба* позволяет распознать намерение политика – убедить людей оставаться дома.

В политическом дискурсе речевые акты используются для передачи политических сообщений и достижения конкретных политических целей, так как обладают персуазивным воздействием на аудиторию. Речевые акты в политическом дискурсе часто перформативны и зависят от контекста.

1.3. Методика проведения исследования

Анализ средств выражения субъективной модальности предполагает комплексный подход, основная задача которого заключается в выявлении и классификации языковых единиц, сигнализирующих о личном отношении адресанта к содержанию высказывания. Методы, описанные ниже, позволили сформулировать и обосновать выводы относительно легитимирующего потенциала языковых средств реализации субъективной модальности в дискурсе региональных политиков Германии и России.

Рассмотрим методику проведения исследования, состоящего из трех этапов: анализа профессионального политического дискурса, анализа непрофессионального политического дискурса, лингвистического эксперимента.

1.3.1. Методика анализа профессионального политического дискурса

Основополагающим в нашей работе является метод лингвистического моделирования. Данный метод применен с целью реконструкции лингвоперсонологической модели легитимного политического дискурса.

Для достижения цели исследования на первом этапе проведен анализ профессионального политического дискурса. Для этого методом целевой выборки был отобран эмпирический материал. Основой для изучения послужили интернет-публикации политических акторов регионального значения Германии и России в период эпидемии COVID-19. В дискурсах политиков выявлены модальные операторы субъективной модальности, в соответствии с которыми определены ее прагматические разновидности: эпистемическая, деонтическая. В ходе отбора материала и предварительного анализа было установлено, что в текстах политиков обеих лингвокультур, помимо указанных типов модальности, зафиксированы единичные случаи реализации онтологической модальности, однако она не является предопределяющей, поэтому дальнейшее ее рассмотрение в работе считаем нецелесообразным.

Установлены типы речевых актов, в которых реализуется тот или иной тип модальности в соответствии с иллокутивной целью адресанта. Методом контекстного анализа проанализированы языковые средства реализации субъективной модальности в политическом интернет-дискурсе министра-президента Баварии М. Зёдера и губернатора Кемеровской области С. Е. Цивилева. Для исследования содержательной стороны языковых единиц, реализующих субъективную модальность, применен метод компонентного анализа. Проведен сопоставительный анализ полученных результатов.

1.3.2. Методика анализа непрофессионального политического дискурса

Институциональный фактор оказывает существенное влияние на формирование дискурса адресата [Мартьянов, 2023, с. 248], в том числе непрофессионального. В связи с этим на втором этапе исследования проведен лингвопрагматический анализ интернет-комментариев. Методом интроспекции и целевой выборки к публикациям политиков Германии и России отобрано 3 204 и 2 036 легитимирующих комментариев соответственно. Определено прагматическое содержание высказываний комментаторов и выявлены основные языковые средства с позитивной и нейтральной оценкой действий политика, используемые в процессе легитимации политического дискурса региональных политиков. В результате декодирования полученной информации [Савельева, 2024б, с. 45] установлено, что комментаторы продуцируют отклики, которые зависят от текста-стимула и проявляют эту зависимость на различных уровнях: синтаксическом, семантическом, прагматическом и графическом.

В процессе выявления комментариев с положительной тональностью перед нами встал вопрос о существовании корреляционной связи между легитимирующими и нелегитимирующими комментариями. Чтобы определить, существует ли линейная связь между количеством легитимирующих и нелегитимирующих комментариев к политическим текстам, был произведен расчет коэффициента корреляции Пирсона в программе *Excel*. Коэффициент корреляции Пирсона (r) принимает значения от -1 до $+1$, где $r = +1$: идеальная положительная корреляция; $r = -1$: идеальная отрицательная корреляция, $r = 0$: отсутствие линейной корреляции. Значения, близкие к $+1$ или -1 , указывают на сильную связь, а значения близкие к 0 – на слабую или ее отсутствие.

Для расчета коэффициента в программу были внесены количественные данные по легитимирующим и нелегитимирующим комментариям к анализируемым публикациям политика. Программа автоматически рассчитала коэффициент корреляции (*Рисунок 1, Рисунок 2*).

Рисунок 1. Расчет коэффициента Пирсона (немецкоязычные комментарии)

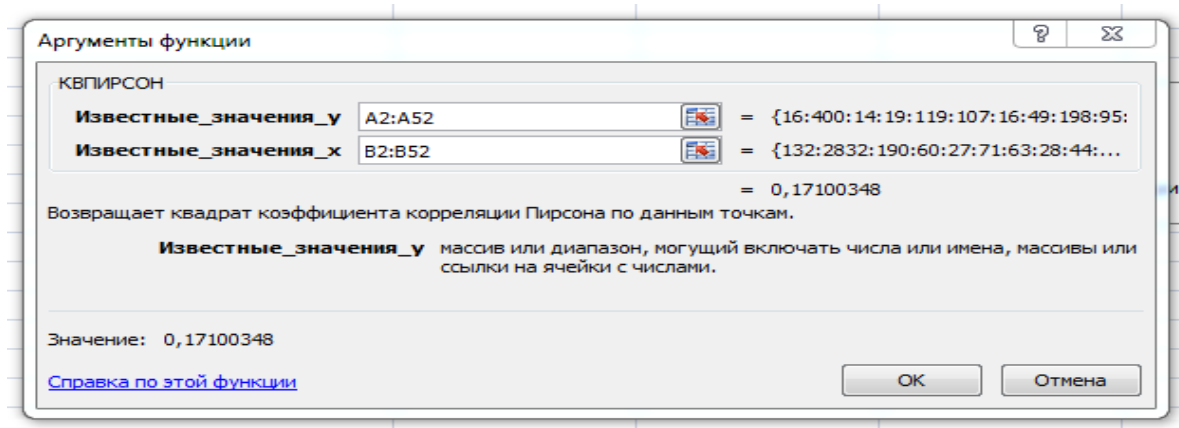
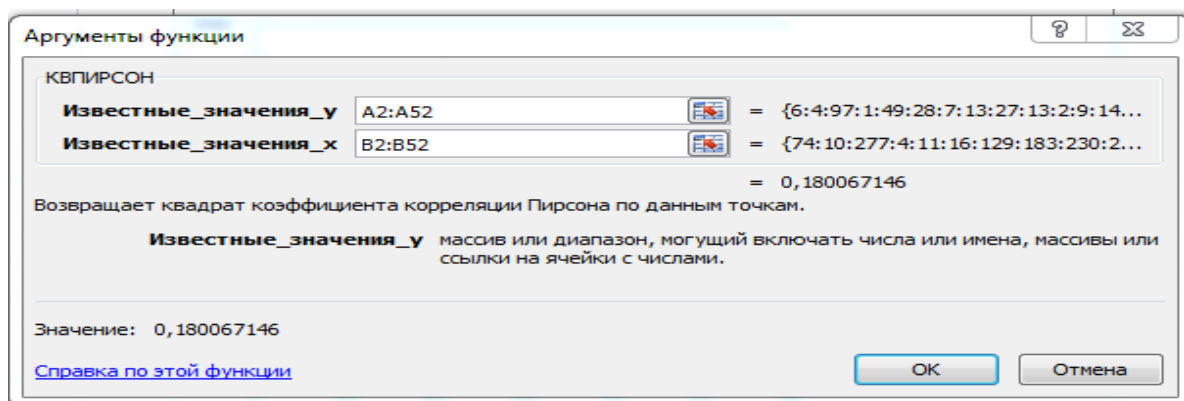


Рисунок 2. Расчет коэффициента Пирсона (русскоязычные комментарии)



Для наглядности данные визуализированы с помощью диаграммы рассеяния, которая позволяет увидеть, насколько точки, отражающие полученные данные, соответствуют линейной тенденции (Диаграммы 1, 2).

Диаграмма 1. Визуализация корреляции между легитимными и нелегитимными комментариями (немецкоязычные комментарии)

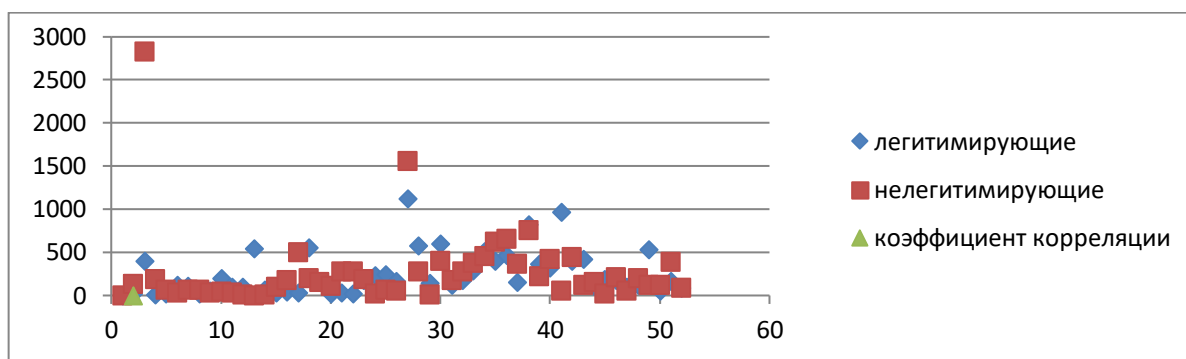
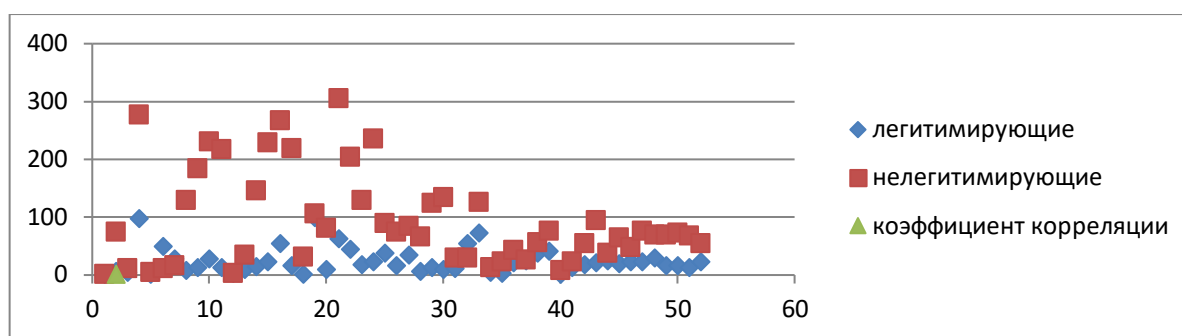


Диаграмма 2. Визуализация корреляции между легитимными и нелегитимными комментариями (русскоязычные комментарии)



Полученный коэффициент корреляции Пирсона, равный 0,17 (немецкоязычные комментарии) и 0,18 (русскоязычные комментарии), указывает на слабую положительную линейную связь между легитимирующими и нелегитимирующими комментариями. Такой результат не позволяет прогнозировать изменения в одной категории на основании данных о другой, поэтому наша работа сфокусирована на исследовании легитимирующего непрофессионального политического дискурса.

Представленные методики анализа профессионального и непрофессионального политического дискурса позволяют реконструировать и описать лингвоперсонологическую модель легитимного политического дискурса (Схема 1).

Схема 1. Модель легитимного политического дискурса

профессиональный политический дискурс	- личная ответственность политика - манипуляция ценностями - использование количественных данных - обещания - апелляция к авторитетному источнику	- похвала-поддержка - похвала-оценка - апелляция к интернет-сообществу	непрофессиональный политический дискурс
ЛЕГИТИМНОСТЬ			

Данная модель является инвариантно-вариативной, имеет дуальную форму (блок 1 – профессиональный политический дискурс и блок 2 – непрофессиональный политический дискурс) и отражает процесс политической коммуникации, участниками которой являются профессиональные и непрофессиональные акторы. Легитимация политических решений зависит от успешного взаимодействия между участниками коммуникации.

Политик реализует свои интенции в речевых актах с помощью языковых средств выражения субъективной модальности. В ходе анализа профессионального политического дискурса выявлены компоненты / составляющие дискурсивной доминанты *легитимность*: *личная ответственность политика, манипуляция ценностями, использование количественных данных, обещание, апелляция к авторитетному источнику*. Каждый из компонентов эксплицируется с помощью лексических единиц со схожей семантикой. Лексические единицы, образующие компоненты дискурсивной доминанты, представлены в главах 2 и 3.

Интернет-комментатор воспринимает эти языковые средства и интерпретирует высказывание политического актора. Отбор положительных комментариев происходил по следующим критериям: отсутствие критики, выражение благодарности, употребление оценочных лексем с положительной семантикой, призыв комментаторов к интернет-сообществу поддержать вводимые меры. На основе перечисленных параметров выделены компоненты / составляющие дискурсивной доминанты: *похвала-оценка, похвала-поддержка, апелляция к участникам интернет-коммуникации*, которые выступают экспликаторами легитимного отношения интернет-комментаторов к политическому актору. Каждая составляющая репрезентируется соответствующими смысловыми единицами. *Похвала-оценка* вербализуется посредством оценочной лексики с положительной семантикой, лексическими и синтаксическими повторами, парцелляцией, восклицательными конструкциями, параграфемными средствами. Компонент *похвала-поддержка* реализуется лексическими единицами с семантикой благодарности, благопожелания, согласия;

копиальностью лексических и синтаксических конструкций из текстов политика; лексическими и синтаксическими повторами, парцелляцией, экскламативными конструкциями, параграфемными средствами. *Апелляция к участникам интернет-коммуникации* находит языковое воплощение в императивных конструкциях, употреблении антропонимов, лексических и синтаксических повторях. Позитивная интерпретация комментаторов служит показателем легитимации политических решений.

Дискурсивная доминанта *легитимность* аккумулирует инвариантную часть модели, сформированную компонентами *личная ответственность политика, манипуляция ценностями, использование количественных данных, обещание, апелляция к авторитетному источнику; похвала-оценка, похвала-поддержка, апелляция к участникам интернет-коммуникации*, и вариативную часть, представленную лексическими единицами, репрезентирующими данные компоненты. Модель представлена в главах 2 и 3.

1.3.3. Методика проведения лингвистического эксперимента

На заключительном этапе исследования проведен лингвистический эксперимент, посредством которого были верифицированы полученные результаты. Цель эксперимента – установить, какой из текстов, с точки зрения носителя языка, является наиболее убедительным, то есть какой из типов модальности способствует легитимации решений политического лидера. Гипотеза экспериментального этапа исследования состояла в предположении о том, что наибольшим легитимирующим потенциалом обладают тексты политиков, в которых преобладает эпистемическая модальность.

Материалом для эксперимента послужили тексты, созданные на основе аутентичных текстов политиков, с учетом преобладающей в них субъективной модальности: деонтической, эпистемической. Тексты пронумерованы: первый текст содержит эпистемическую модальность, второй – деонтическую. Высказывания, отражающие ту или иную модальность, в экспериментальных

текстах выделены курсивом. Испытуемым тексты представлены без выделений. В качестве связующих элементов использованы предложения из исходных интернет-публикаций политиков. Эти предложения позволяют объединить фрагменты, содержащие определенный тип субъективной модальности в единый смысловой контекст.

Опрос проводился как с использованием бумажного носителя (формулировка задания и тексты были распечатаны и предложены реципиентам), так и в электронном виде (электронная почта). Время ответа ограничено не было. Таргетные конструкции участники эксперимента выписывали, подчеркивали или выделяли.

В представленных текстах содержится информация о принимаемых политиками решениях для предотвращения распространения вирусной инфекции. Политики оповещают население о введенных ограничениях, дают рекомендации по поведению в рамках этих мероприятий, сообщают о мерах поддержки граждан, информируют людей о текущем положении дел, призывают к выполнению и соблюдению установленных правил.

В эксперименте участвовали жители Кемеровской области – Кузбасса в возрасте от 18 до 72 лет (232 человека) и жители Германии в возрасте от 18 до 70 лет (185 человек). Испытуемым предложены тексты, отличающиеся модальной доминантой. Участникам следовало указать возраст и пол. После прочтения текста респонденты должны были ответить на вопросы: 1) Все ли тексты, по Вашему мнению, убедительны? 2) Какой текст, по Вашему мнению, обладает наибольшей убеждающей силой? Почему? Отметьте ключевые слова или словосочетания, которые повлияли на Ваш выбор. *Примечание:* возможно, ни один из текстов не убедил Вас. В этом случае просто напишите «нет/неубедительно».

По окончании эксперимента все ответы были распределены в зависимости от выбранного испытуемыми текста.

Методология проведенного исследования и полученные эмпирические данные изложены в главах 2 и 3.

Выводы по главе 1

Политическая коммуникация характеризуется институциональностью и диалогичностью, при этом важна обратная связь, позволяющая политическим акторам оценивать эффективность своих сообщений. Современные интернет-платформы предоставляют рядовым гражданам широкие возможности для участия в политических процессах, что приводит к выделению непрофессиональной политической коммуникации. Индивиды могут свободно выражать свои мнения и влиять на политический дискурс. Коммуникация между властью и гражданами играет решающую роль в формировании легитимации политических решений в кризисной ситуации. Легитимация не является постоянной величиной, а может изменяться в зависимости от факторов, таких как доверие граждан и эффективность политических институтов.

Антикризисный политический дискурс направлен на обеспечение информационной прозрачности, мобилизацию общественной поддержки, легитимацию решений, создание доверия к власти и предотвращение социальных потрясений. Для достижения этих целей используются медийные ресурсы и формирование языкового пространства, включающего стратегии убеждения, манипуляции и апелляцию к эмоциям, особенно к страху. Посредством манипулятивных языковых средств политические акторы стремятся укрепить свою позицию и получить общественную поддержку в кризисных ситуациях.

Исследование языковой личности актуально для анализа политического интернет-дискурса, в котором проявляются как институциональные характеристики конкретного политика, так и особенности групповой идентичности интернет-комментатора. Лингвоперсонологический подход к изучению языковой личности позволяет установить связи между языковыми средствами и характеристиками конкретного политика, а также понять, каким образом политический дискурс воспринимается непрофессиональным политическим интернет-сообществом.

При изучении языковой личности с позиции коммуникативного поведения значительную роль играет теория речевых актов, в которой центральным элементом выступает иллокуция как способ речевого воздействия. Субъект речи является неотъемлемым компонентом любого высказывания и определяет его семантическую структуру, поэтому иллокутивный акт политика и интернет-комментатора можно рассматривать через призму семантического синтаксиса, сфокусированного на субъективно-модальном значении высказывания, которое определяется присутствием говорящего и его отношением к сообщаемому.

В условиях кризиса эффективная коммуникация укрепляет легитимность и доверие общества к политическому актору. Язык используется как средство, чтобы объяснить причины кризиса, предложить решения и продемонстрировать ответственность политиков.

Одним из языковых средств легитимации является субъективная модальность, так как именно она отражает отношение политика и степень его вовлеченности в решение проблемы. В анализируемых публикациях региональных политиков Германии и России выделяются следующие ее разновидности: эпистемическая, деонтическая и онтологическая. Актуальными для нашего исследования являются эпистемическая и деонтическая типы субъективной модальности. Так как примеры онтологической модальности в анализируемом профессиональном политическом дискурсе встречаются редко, в работе данный тип модальности не рассматривается.

Анализ языковых средств реализации эпистемической и деонтической модальности в политическом дискурсе помогает установить, как политический актор легитимирует принятые им решения в кризисный период и как их интерпретирует интернет-сообщество. В публикациях немецкоязычного политика выделены следующие экспликативные субъективной модальности: модальные глаголы, предикативные слова, лексемы с семантикой ответственности, просьбы, запрета, разрешения, благодарности, уверенности, сомнения, совместности, метафоры; глаголы в настоящем времени с футуральной семантикой, футуральные формы глагола, императивные конструкции, конструкции *haben+zu+Infinitiv* /

hätte+Infinitiv+Infinitiv, лексические и синтаксические повторы, инверсия, придаточные цели, условия и т. п.

Субъективную модальность в публикациях русскоязычного политика передают подобные языковые средства: модальный глагол (*мочь*), предикативные слова; лексемы с семантикой ответственности, просьбы, запрета, разрешения, благодарности, уверенности, сомнения, совместности, глаголы в настоящем времени с футуральной семантикой, футуральные формы глагола, императивные конструкции, инверсия, придаточные цели, условия и т. п.

С учетом теоретических положений, изложенных в первой главе, разработана и представлена методика анализа субъективной модальности в профессиональном и непрофессиональном политическом интернет-дискурсе.

ГЛАВА 2. ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Глава посвящена рассмотрению легитимирующего потенциала средств реализации эпистемической модальности в публикациях политических акторов Германии и России. Анализу подверглись интернет-комментарии к публикациям региональных лидеров. Количество легитимирующих комментариев к высказываниям немецкоязычного политика составило 2501. 1522 отклика русскоязычных интернет-пользователей отражают положительную реакцию на публикации регионального политика России, в которых репрезентирована эпистемическая модальность. В главе описаны данные, полученные в ходе лингвистического эксперимента.

2.1. Эпистемическая модальность в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России

Эпистемическая модальность представляет собой модальность вероятностной возможности, вербализует отношение к пропозиции, выраженной остальной частью высказывания [Milkovich, 2017, p. 76]. Данный вид модальности семантически сходен с онтологической модальностью, поскольку используется для выражения уверенности говорящего в том, что действие может быть совершено не как «физически возможное», а как «вероятно возможное» [Черноклинов, 2021, с. 7–8].

Как отмечает А. Р. Сафина, в отличие от деонтической, эпистемическая функция модальных глаголов передает степень ответственности говорящего за квалификацию информации как достоверной или недостоверной. Модальные глаголы в эпистемической функции выражают субъективное мнение говорящего, отражающее степень сомнения или уверенности в истинности утверждения. К значениям модальных глаголов в этой функции относятся вероятность,

возможность и предположение [Сафина, 2019, 36]. Модальные глаголы во вторичном (субъективном) значении «кодируют внутреннюю перспективу говорящего» [Аверина, 2020, с.14] и передают эпистемическую семантику в сочетании с эвиденциальной. Модальные наречия и модальные частицы маркируют, как правило, эпистемические и/или эвиденциальные значения.

С прагматической точки зрения, политики прибегают к языковым средствам выражения эпистемической модальности, чтобы убедить адресата в правильности и разумности своих действий, даже если отсутствуют доказательства, подтверждающие их слова.

Эпистемическая модальность тесно связана с категорией эвиденциальности, так как одним из семантических параметров высказывания, отражающего субъективное восприятие сообщения, является указание на источник информации, передаваемой говорящим [Козинцева, 1994, с. 92, Чепурная, 2015, с. 5, Milcovich, 2017, р.75]. Принятие адресатом утверждений, содержащих эпистемическую модальность, в значительной степени зависит от доверия к политику как надежному источнику представлений о реальности. По мнению Х. И. Марин-Арресе, использование в речи маркеров доказательности помогает адресанту представить информацию таким образом, будто реципиент может «проверить сам» и убедиться в ее достоверности, что в реальности является заблуждением [Marín-Arrese, 2011, р. 792].

Как отмечает Х. И. Марин-Аррес, эмпирическая шкала эвиденциальности (насколько слова политика подкреплены доказательствами) и шкала субъективной уверенности (насколько политик уверен в транслируемой им информации) не всегда совпадают. В качестве иллюстрации такого расхождения можно привести следующий интернет-пост политика:

Große Zustimmung zum Lockdown in Deutschland. 63 Prozent der Deutschen halten die beschlossenen Maßnahmen für genau richtig, 22 Prozent könnten sich sogar strengere Maßnahmen vorstellen. Nur 14 Prozent halten die Maßnahmen für zu streng. Die Lage ist ernst. – Одобрение локдауна в Германии. 63 процента немцев считают принятые меры правильными, а 22 процента могли бы представить себе и более

жесткие меры. Только 14 процентов считают меры слишком строгими. Ситуация серьезная [Instagram², 2020, URL: <https://www.instagram.com/p/CI20bfECaSn/>].

Политик, делая такое заявление, не предоставляет адресату никаких ссылок на исследования, подтверждающие его утверждение. Возможно, данные, которые он использует, устарели или неправильно интерпретированы. Тем не менее политик говорит об этом с большой уверенностью, манипулируя цифрами, чтобы убедить аудиторию в своей правоте. Следовательно, уверенность не всегда является показателем правдивости или точности информации.

В легитимирующем политическом дискурсе «маркирование эпистемической ответственности может быть связано не со стремлением к эпистемически ответственному представлению информации, а с попыткой манипулирования сознанием аудитории» [Чепурная, 2017, с. 37]. Эвиденциальные высказывания могут эксплицировать субъективное подтверждение предлагаемой информации, которая в зависимости от контекста (экспертный источник и т.д.) будет принята адресатом в большей или меньшей степени как достоверная [Marín-Arrese, 2011, там же]. Например, фраза политика *Ich habe das selbst erlebt* – *Я тоже испытал это* (демонстрация личного опыта адресанта) будет восприниматься иначе, чем, если он скажет *Ich glaube, das es so ist* – *Я думаю, что это так*. Эвиденциальные высказывания транслируют личную вовлеченность политика в ситуацию. Чем больше политик демонстрирует свою причастность к решению проблемы, тем больше степень вовлеченности аудитории в политический контекст. Чем чаще политик вербализует послание «*я лично – вы со мной – мы вместе*», тем активнее отклик электората «*ты здесь – ты с нами – мы вместе*».

Кроме того, если слова политика подкреплены экспертным мнением со ссылкой на имя источника, то они воспринимаются адресатом как более убедительные, даже если адресант использует такие менее категоричные формулировки, как *Ich glaube* / *Ich denke* / *Vielleicht* – *Я думаю* / *Вероятно* и т. п. В

² Instagram – запрещен в РФ.

итоге авторитетность источника может компенсировать недостаток уверенности в высказываниях, повышая общую убедительность сообщения. Это связано с тем, что утверждения, подкрепленные некими фактами, традиционно ассоциируются с более высокой степенью достоверности [Willet, 1988], в то время как высказывания, основанные на рассуждениях, предполагают меньшую степень доверия со стороны адресата.

В связи с этим можно говорить об эпистемической ответственности, которая с помощью языковых средств отражает степень ответственности субъекта речемыслительной деятельности за достоверность передаваемой информации [Чепурная, 2017, с. 36]. Вводные предложения типа «я думаю» или «я уверен» демонстрируют субъективное отношение к пропозиции высказывания и указывают на личную ответственность говорящего за оценку. Фразы «мы все знаем» или «мы видели» подчеркивают общую ответственность группы, а слова, выражающие разную степень уверенности, такие как «кажется» или «очевидно», показывают, что ответственность за правдивость информации делится между адресантом и адресатом. Последние два примера «непрозрачны» в том смысле, что с одной стороны, они указывают на говорящего как автора высказывания (возможно их «расширение» путем экспликации субъекта высказывания: *мне кажется, для меня очевидным является...*), с другой стороны, они оставляют открытой возможность потенциального разделения оценки с другими участниками дискурса [Marín-Arrese, 2011, p. 796]. Использование в речи политиков слов-эпистемиков *как известно, совершенно очевидно, как мы все знаем, нет сомнения в том, что и пр.* придает высказыванию характер безусловной истины, не подлежащей сомнению [Сагайдачная, 2007, с. 123].

Как отмечает А. И. Чепурная, «эпистемическая ответственность находится в прямой зависимости от выражаемой говорящим степени уверенности в достоверности пропозиционального содержания высказывания: чем выше уверенность, тем выше эпистемическая ответственность» [Чепурная, 2017, с. 36–37]. Когда говорящий использует выражения, указывающие на возможность или вероятность, например, *может быть, вероятно*, он дистанцируется от полной

ответственности за истинность утверждения. Напротив, использование таких выражений, как *я уверен, я убежден* повышает ответственность за достоверность слов. Эпистемическая модальность оказывает влияние на принятие решений и действий, основанных на осведомленности или уверенности в определенных фактах или событиях: именно в таком мире субъект познания и живет, и таким он этот мир «знает». Следовательно, данная категория тесно связана с эпистемической ответственностью и эвиденциальностью.

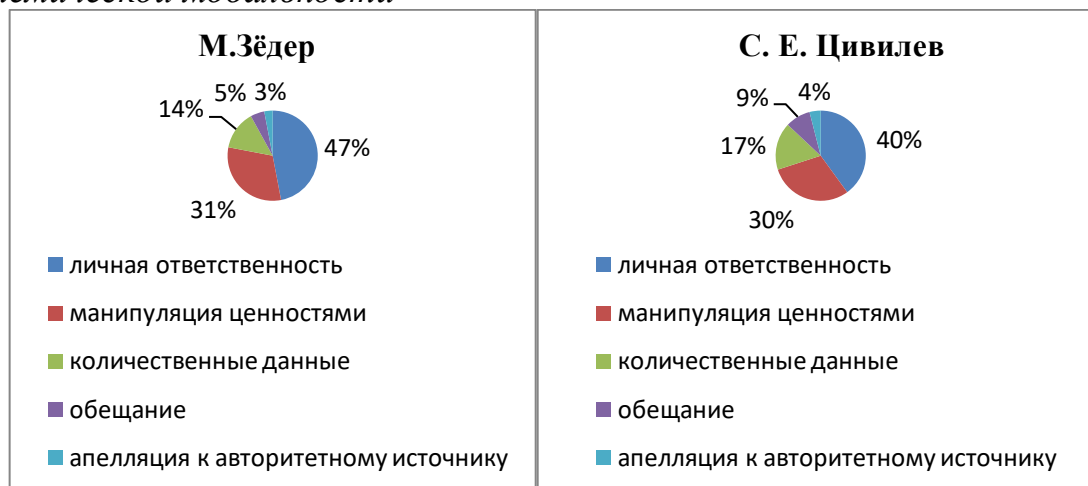
В группу анализируемых высказываний, транслирующих эпистемическую модальность, объединены фрагменты текстов политиков, содержащие *репрезентативный, комиссивный и бехабитивный* речевые акты, связанные с коммуникативно-прагматической сферой *уверенность*, так как в них отражается степень владения адресантом информацией (Схема 2).

Схема 2. Реализация эпистемической модальности в речевых актах

эпистемическая модальность
коммуникативно-прагматическая сфера <i>уверенность, знание</i>
репрезентативный, комиссивный, бехабитивный

В публикациях М. Зёдера и С. Е. Цивилева эпистемическая модальность воплощается в компонентах дискурсивной доминанты легитимного политического дискурса (Диаграмма 3).

Диаграмма 3. Количественное выражение лексических единиц, формирующих компоненты легитимного политического дискурса в эпистемической модальности



Личная ответственность в дискурсах министра-президента Баварии и губернатора Кемеровской области вербализована посредством слов-эпистемиков: *wissen* (30) / *знать* (39), *denken* (34) / *думать* (35), *glauben* (35) / *считать* (30), *Verständnis haben, verstehen* (43) / *понимать* (35), *sicher sein* (36) / *быть уверенным* (34);

акциональных глаголов и перформативов: *arbeiten* (36) / *работать* (38), *tun* (36), *machen* (41) / *делать* (43), *Maßnahmen aufheben* (33) / *отменить ограничения, меры* (31), *Entscheidungen treffen* (30) / *принимать решение, меры* (33), *Maßnahmen ergreifen, treffen, beschliessen, verkünden* (49) / *вводить меры* (32), *Maßnahmen verlängern* (35) / *продлевать (меры)* (28), *Maßnahmen lockern* (36) / *смягчать меры* (30), *an die Regeln halten* (42), *Entscheidungen folgen* (32) / *соблюдать меры* (33), *правила* (29), *требования* (27), *sehen* (37) / *видеть* (30), *danken* (58) / *благодарить* (49);

метафор: *eine Linie haben, halten* (16) / *иметь план* (14), *unter Kontrolle bekommen* (8) / *контролировать* (19);

вводных слов и предложений: *natürlich* (30) / *конечно* (23), *wahrscheinlich* (12), *vielleicht* (17) / *может быть* (12), *ich hoffe* (13) / *надеюсь* (8);

личных местоимений: *ich* (121) / *я* (42), *wir* (384) / *мы* (252);

лексических единиц, отражающих профессиональную идентичность политика: *Als Ministerpräsident des Freistaats Bayern* – *как министр-президент Баварии* (12) / *глава региона* (14), *meine Grundphilosophie* – *моя позиция* (1) / *моя главная задача* (1);

лексем с семантикой уверенности: *wollen* (16), *möchten* (22) / *хотеть* (15); лексем с оценочной семантикой: *ganz ehrlich* (1) / *напрямую* (1), *offen* (1), *wichtig* (29) / *важно* (15), *klar* (18) / *понятно* (8), *usw.* / *и т. п.*

Речи М. Зёдера присущи лексические единицы, свидетельствующие о том, что политик понимает проблему, действует согласно общепринятой системе ценностей, готов к принятию сложных решений и открытому общению: *Hoffnung* (19), *Demokratie* (16), *für mich* – *для меня* (5), *ich habe erlebt* (2) – *я пережил*; *ich bin betroffen* – *меня задело* (1), *es tut mir weh* (1) – *мне больно*; *mein dringender Wunsch*

(2) – моя настоятельная просьба; *ein tägliches Ringen mit sich selbst* (1) – ежедневная борьба с самим собой, *ein tägliches Abwägen* (1) – ежедневно просчитывать, *Im Hintergrund sehen Sie grade, dass ich in einem großen Verteilzentrum bin* (1) – На заднем плане вы видите, что я нахожусь в крупном распределительном центре.

В ходе исследования выделены лексемы, свойственные дискурсу С. Е. Цивилева: *обеспечить* (21), *советоваться* (7), *предлагать* (7), *проводить (совещание)* (5), *приглашать* (5), *заверять* (5), *спрашивать* (4), *добиваться* (4), *пошли на самые серьезные шаги* (1). Также для русскоязычного политика характерно употребление *определенно-личных предложений* (118). Приведенные лексические единицы позволяют заключить, что русскоязычный политик в своем дискурсе демонстрирует ответственность и ориентированность на достижение результатов, готовность работать в команде.

Манипуляция ценностями в эпистемической модальности представлена лексическими единицами, репрезентирующими общепринятую систему ценностей (*семья, жизнь, безопасность и т. п.*): *Menschen* (50) / люди (46), *Familie* (28) / семья (24), *Freunde* (20) / друзья (22), *Kollegen* (13) / коллеги (16), *Nachbarn* (10) / соседи (9), *Verwandtschaft* (18) / близкие (25), *родные* (13), *родственники* (6), *Eltern* (24) / родители (13), *Großeltern* (21) / бабушки и дедушки (19), *Gesundheitssystem* (16) / здравоохранение (11), *Gesundheit* (25) / здоровье (34), *Sicherheit, sicher* (19) / безопасность (26), *Freiheit* (19) / свобода (3), *Geduld* (8) / терпение (8); лексемами с семантикой совместности: *mitmachen* (41), *mitarbeiten* (33), *Rückendeckung geben* (1), *(mit)helfen* (28), *Mithilfe* (19) / помощь (47), *помогать (кому-либо)* (12), *solidarisch sein* (5), *unterhaken* (2), *gemeinsam* (15) / вместе, *zusammen* (31) / вместе (38), *überleben* (11), *zusammenstehen* (13), *gemeinsam bestehen* (9) / вместе мы справимся (14); модальными глаголами: *können* (33) / можем, сможем (29); лексикой, описывающей пандемию COVID-19: *Corona, Virus* (75) / (корона) вирус (74), *Gefahr, Gefährlichkeit* (19) / опасность (16), *schwierig* (17), *Herausforderung* (17) / трудный, тяжелый (18), *Toten* (13), *sterben* (9) / умершие (7), *умирать* (7), *ernst* (9) / серьезно, серьезный (18), *Intensivbetten* (9) / койки для больных (8), *schlimm*

(9) / ухудшаться (15), быстрый рост заболеваемости (5), Italien (5) / другие регионы (страны и мира) (6), Überlastung (7) / перегружать (9), Rückfall (6) / откат, придется вернуться (6), anstecken (9) / заражение (6), spannend (8) / напряженный (5), usw. / и т. п.

Использование количественных данных в дискурсе региональных политиков Германии и России объединяет лексические единицы с семантикой количества и реализуется количественными числительными (65 и 86 случаев употребления соответственно), а также лексемами с размытой семантикой количества: jeder (59) / каждый (39), die Zahl(en) (38) / количество (27), число (9), цифры (8), viel(e) (54) / многие (29), alle (76) / все (89), Prozent (9), hundertprozentig (2) / процент (2), usw. / и т. п.

Компонент *обещание* преимущественно состоит из футуральных форм глаголов: werden (tun, kommen, überstehen, überwinden, überkommen, durchkommen, fokussieren, nicht allein gelassen, nachlassen, ignorieren usw.) (59), können (erhalten, führen, sichern) (35), wir lassen niemanden allein (4), usw.; сможем (смягчить, избежать, спасти и т.п.) (39), откроют(ся) (12), преодолеем (11), начнем (7), справимся (7), обеспечим (7), возобновится (4), сделаем (4), рассмотрим (3), будет / будут / будем (действовать, консультировать, принимать меры и т. п.) (62), станет возможным, доступно (7), можно будет (гулять, выходить из дома, встречаться с родными и т.п.) (22), удастся удержать (1), потребуется (1), отпразднуем (1), задействуем (1), usw. / и т. п.

Апелляция к авторитетному источнику представлена антропонимами, институциональными номинациями, номенклатурными наименованиями. Глава Баварии обращается к субъектам информации: Staat (13) – государство, die Bayerische Staatsregierung – баварское правительство (8), im Bund – на федеральном уровне, auf nationaler Ebene – на национальном уровне (3), was in anderen Ländern schon passiert – что уже происходит в других странах (3), Robert-Koch-Institut – Институт им. Р. Коха (3), Koalition – коалиция (3), Staatsregierung – правительство (2), alle Ministerpräsidenten – все министры-президенты (1), Klaus Holetscheck (председатель партии CSU в Баварии) (1).

Губернатор Кемеровской области ссылается на институционально-правовые источники информации: *специалисты (15), президент Российской Федерации / России (14), Владимир Владимирович Путин (12), министерство здравоохранения (5), предприниматель (5), федеральный (бюджет, округ, уровень) (4), другие регионы (4), Министерство промышленности (1), все регионы Сибирского федерального округа (1), Роспотребнадзор (1).*

Количественный подсчет лексических единиц, реализующих эпистемическую модальность и образующих компоненты модели легитимного политического дискурса, позволил выявить их статистическую корреляцию в дискурсе региональных политиков Германии и России.

Эпистемическая модальность политического актора играет важную роль в манипуляции общественным мнением, позволяя политикам поддерживать стабильность, создавать иллюзию контроля над ситуацией, даже если реальное положение дел остается неопределенным.

2.2. Эпистемическая модальность в речевых актах регионального политика Германии М. Зёдера

2.2.1. Речевой акт *репрезентатив* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

Покажем реализацию эпистемической модальности в дискурсе немецкоязычного политика.

В высказывании главы Баварии можно выделить репрезентативные речевые акты, в которых политик излагает свою точку зрения:

Wir bekommen das Virus langsam unter Kontrolle. Man kann sagen: Es ist ein Glück, dass wir bislang solche schlimmen Zustände wie in anderen Ländern nicht erleben mussten. Aber ganz ehrlich, es ist ein zartes Pflänzchen, das sich bei uns in der Sicherheit entwickelt. Solange es keinen Impfstoff gibt, solange es kein Medikament gibt und solange die Zahl der Toten steigt – und das tut sie, so lange ist absolute Vorsicht

geboten. Sonst droht ein erheblicher Rückfall, sonst drohen schwierigere Maßnahmen, sonst droht eine Überlastung des Gesundheitssystems und deswegen – und das ist meine Grundphilosophie... – Мы постепенно берем вирус под контроль. Можно сказать, что нам повезло, что мы не столкнулись с такими ужасными условиями, как в других странах. Но, честно говоря, это хрупкое маленькое растение, которое набирает силу в безопасных условиях. Пока нет вакцины, пока нет лекарств и пока число смертей растет – а оно растет, – необходима абсолютная осторожность. Иначе есть риск значительного рецидива, иначе есть риск принятия более сложных мер, иначе есть риск перегрузить систему здравоохранения, и поэтому – и это моя основная философия... .[Facebook³, 2020, URL: <https://www.facebook.com/366343133439370/videos/218662995896613>].

Приведенное высказывание эмоционально насыщено. Данный пост обладает легитимирующим потенциалом, о чем свидетельствует употребление словосочетания *unter Kontrolle bekommen* (брать под контроль). Глагол *bekommen* указывает на то, что ситуация становится управляемой, а лексема *Sicherheit* использована для внушения адресату мысли о безопасной эпидемической обстановке на территории Баварии. Лексема *langsam* (постепенно) и метафорическое выражение *ein zartes Pflänzchen* свидетельствуют об осознанном, взвешанном принятии решений. Безличное предложение *Man kann sagen* и лексема *Glück*, значение которой определяется как *zufälliges Zusammentreffen günstiger Umstände in einer Situation, die man selbst nicht beeinflussen kann* [DWDS] – случайное совпадение благоприятных обстоятельств в ситуации, на которую нельзя повлиять самостоятельно, указывает на то, что положительный эффект от вводимых ограничений напрямую не зависит от главы региона. Тем не менее, даже неполный контроль над вирусом подразумевает снижение рисков для здоровья и безопасности населения, что способствует снижению паники и тревоги в обществе. Признание министром-президентом того факта, что процесс сокращения числа

³ Facebook – запрещен в РФ.

заболевших не быстрый, может быть воспринято аудиторией как честность со стороны политика и побудить адресата принять предлагаемые им меры.

Помимо этого, для убеждения аудитории М. Зёдер использует словосочетание *ganz ehrlich*, обладающее высокой эпистемической ответственностью и убеждающей силой. Наречие *ganz* усиливает значение прилагательного *ehrlich*, в семантической структуре которого содержатся компоненты *ohne Falsch, aufrichtig, redlich* (без фальши, искренне, честно) [DWDS]. Эпистемическая ответственность политического актора повышается за счет употребления фразы, отражающей личные убеждения и ценности министра-президента: *das ist meine Grundphilosophie*. Посредством данного словосочетания М. Зёдер пытается заручиться поддержкой аудитории и показать личную заинтересованность в решении проблемы.

Глава Баварии прибегает к лексическим и синтаксическим повторам. Политический обозреватель Т. Мозли приводит слова Лэнс Прайс, бывшего политтехнолога премьер-министра Великобритании: «Нужно повторять [одни и те же слова] снова и снова. И неважно, что журналистам до смерти надоело их слушать, – главное в том, что избиратели должны услышать одну и ту же формулировку много раз, прежде чем она проникнет к ним в подсознание и начнет находить какой-то отклик» [Мозли, <https://www.bbc.com/russian/features-39744261>]. Парцелляция высказывания делает речь экспрессивной и понятной. Трехкратное повторение союза *solange*, наречия *sonst* «устанавливает противительные отношения на уровне сложносочиненного предложения» [Заварзина, 2021, с. 135]. Прием градации в речи политика служит персуазивному воздействию на аудиторию. Повторное употребление лексемы с семантикой угрозы *drohen: droht, sonst drohen, droht eine Überlastung* усиливает чувство страха за жизнь в сознании адресата, выделяет потенциальные угрозы и последствия от неразумных действий, высказывает опасения при поспешном снятии мер *Rückfall*. По мнению Г. Г. Хазагеров, «повтор неизбежно возникает в речи уверенного человека, охваченного неизменным чувством, которое он хочет донести до других»

[Хазагеров, 2024, с. 95]. Кроме того, множественные повторы обладают суггестивным потенциалом.

Комментарии отражают сложную палитру эмоций интернет-сообщества, связанных с текущей ситуацией. Поддержка мер и призывы к терпению сочетаются с личным опытом и переживаниями авторов. Интернет-пользователи прибегают к рациональным и эмоциональным доводам, чтобы повлиять на отношение общества к вынужденным ограничениям, введенным в условиях кризиса:

Nadine Fischer: Immer diese Meckerer! Seit doch froh das es voran geht. Langsam und gezielt! Es ist vollkommen richtig so! (Здесь и далее орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены) – *Вечно эти нытики. Просто радуйтесь тому, что все идет своим чередом. Медленно и целенаправленно. Это абсолютно правильное решение!*

Признавая «хрупкость» ситуации и соглашаясь, что надо действовать медленно (*Langsam*), целенаправленно (*gezielt*), комментатор призывает других членов интернет-сообщества поддержать политика. Использование экспрессивных средств языка создает эффект непосредственного общения с другими членами интернет-сообщества.

Renate König: Ich finde es gut man muss das Schritt für Schritt langsam machen – *Я думаю, что это правильно. Надо действовать медленно, шаг за шагом.*

Копиальность содержания публикации политика, наречие оценки с положительной семантикой *gut* указывает на то, что автор комментария принимает политический курс министра-президента.

Edith Baumann: Lieber langsam öffnen, um zu sehen was passiert, das man gegebenenfalls sofort wieder handeln kann. Es ist richtig wie Bayern es gerade macht. Sicherheit und Menschenleben stehen am erster Stelle. – *Лучше открываться медленно, чтобы посмотреть, что произойдет, и в случае необходимости сразу же действовать снова. Бавария сейчас поступает правильно. Безопасность и человеческие жизни превыше всего.*

Легитимация решений политика проявляется в совпадении ценностей комментатора и регионального лидера. Посредством лексем *Sicherheit, langsam*,

richtig автор комментария вербализует свою положительную оценку действиям М. Зёдера и всего населения Баварии.

Möller Steffi: *Ich finde die Maßnahmen super. Herr Söder, dass sie sich so für unser Bayern einsetzen. Und somit auch für jeden einzelnen von uns. – Я считаю, что это отличные меры. Спасибо вам, господин Зёдер, за вашу преданность Баварии. А значит, каждому из нас.*

Одобрительная тональность комментария передается посредством лексем с положительной коннотацией: *super, Danke, sich einsetzen*.

Sandra Weinknecht Schnepf: *Ich bin Intensivschwester und ich finde die Maßnahmen gut auch wenn es mich persönlich sehr schmerzt so allein auf mich gestellt zu sein mit meiner 3-jährigen Tochter. – Я работаю медсестрой в реанимации и считаю, что меры хороши, хотя лично мне очень больно оставаться одной с трехлетней дочерью.*

Обоснованность решений политика обладает высоким легитимирующим потенциалом, так как подтверждается человеком, который находится в эпицентре событий. Оценочное суждение *ich finde die Maßnahmen gut* отражает положительную реакцию автора комментария на публикацию политика. Презентные формы глаголов *sein, finden* подчеркивают актуальность высказывания, что делает сообщение прямым, личным и эмоциональным.

Francesca Belcastro: *Hört auf zu meckern! Seit doch froh das es uns noch gut geht. Stellt euch vor ihr wärt in italien. Habt doch Verständnis und ein bisschen Geduld. – Прекратите жаловаться! Радуйтесь, что у нас все еще хорошо. Представьте, что вы находитесь в Италии. Отнеситесь с пониманием и проявите немного терпения.*

Комментатор обращается к участникам интернет-сообщества с призывом *Hört auf zu meckern!*, *Habt doch Verständnis*, используя императивные конструкции, лексемы *Verständnis und Geduld*. Свою позицию автор аргументирует, приводя в пример итальянский сценарий (*Stellt euch vor ihr wärt in italien*).

Проанализированные выше комментарии отражают реакцию аудитории на высказывания политика, по ним можно судить о восприятии обращения министра-

президента к населению. Копиальность содержания, использование лексических единиц (*langsam, Maßnahmen*) из текста политика «создает эффект эха и указывает на деривационную связь» с исходным высказыванием [Савельева, 2024б, с. 51]. Призыв комментаторов к интернет-общественности поддержать меры, введенные главой региона, отражает степень легитимности действий политического актора. В качестве аргумента также приводится личный опыт участников интернет-коммуникации.

Следующее высказывание министра-президента иллюстрирует эвиденциальность и эпистемическую ответственность адресанта.

Es gibt für mich persönlich immer einen Moment des Tages, der ein entscheidender aber auch gleichzeitig der bewegendste ist. Das ist der Moment, in dem ich die aktuellen Zahlen bekomme, in dem ich genau hinschaue, in dem ich betroffen bin und es mir wehtut, die Zahl der Toten zu sehen und in dem ich dann hoffe, dass bei der Zahl der Infektionen Bewegung ist. Das ist ein tägliches Ringen mit sich selbst, ein tägliches Abwägen, was wir tun. Wir haben jetzt alles versucht aufzustellen, was geht. – Для меня лично всегда есть один момент дня, который является решающим и одновременно самым трогательным. Это момент, когда я получаю последние данные, когда я внимательно смотрю на них, когда меня задевает и ранит количество смертей и когда я надеюсь, что количество инфекций уменьшится. Это ежедневная борьба с самим собой, ежедневное взвешивание того, что мы делаем. Сейчас мы попытались определить, какие меры работают [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/366343133439370/videos/211306313461254>].

Лексические единицы *persönlich, Moment, entscheidend, bewegend, betroffen, hoffen* в речи политика, отражают его личное восприятие ситуации. Словосочетание *aktuelle Zahlen* показывает, что министр-президент не просто выражает свои чувства, но и связывает их с реальными данными, подкрепленными конкретными цифрами и фактами. Политик, опираясь на личный опыт, признает сложность процесса принятия решений (*Das ist ein tägliches Ringen mit sich selbst, ein tägliches Abwägen, was wir tun*), демонстрирует готовность к ответственности за последствия своих действий. Эпистемическая ответственность перед обществом и

готовность действовать в интересах граждан вербализована в высказывании *Wir haben jetzt alles versucht aufzustellen, was geht*. Данные слова свидетельствуют о том, что министр-президент и его команда делают все возможное для решения проблемы. При этом эпистемическая ответственность политика проявляется в использовании перфектной формы лексемы *versuchen*, в семантической структуре которой содержится компонент действия: *etw. probieren, ob es möglich ist, ob man es kann, sich um etw. bemühen* – *пробовать что-л., возможно ли это, можно ли это сделать, пытаться сделать что-л.*[DWDS].

Комментарии, оставленные интернет-пользователями к приведенному выше высказыванию, содержат положительную оценку действий политического актора:

Helga Roth: Sehr bewegende Ansprache...geht auch dem stärksten mal an die Substanz ...halten wir zusammen ... bleibt gesund und nervenstark ...Danke an alle die positiv die schwierige Zeit bewältigen ...Danke Herr Söder und Danke dem kompletten Team bayrisches Ministerium! – *Очень трогательная речь... даже самым сильным из нас приходится трудно... давайте держаться вместе... сохранять здоровье и крепкие нервы... спасибо всем, кто позитивно справляется с этими трудными временами... спасибо господину Зёдеру и спасибо всей команде министерства Баварии.*

Комментатор признает значимость эмоциональной открытости политика, используя оценочное словосочетание *Sehr bewegende Ansprache*. Синтагма *halten wir zusammen* вербализует апелляцию автора к общественности сплотиться для решения проблемы. Анафорические повторы лексемы *Danke* подчеркивают позитивный настрой адресанта и усиливают доверие к словам и действиям политика.

Christine Zadranowitz: Super Hr. Söder sie machen guten Job, ihre Ansprache war sehr bewegend, alles Gute für Sie und ihre Familie – *Отлично, господин Зёдер, вы делаете хорошую работу, ваша речь была очень трогательной, всего наилучшего вам и вашей семье.*

Как и предыдущий комментатор, автор одобряет искренность политика посредством эпитета *bewegend*. Пользователь положительно отзываясь о работе

главы региона, оценивая ее как хорошую (*gut*), *превосходную* (*super*). Легитимация также находит отражение в этикетной формуле *alles Gute*, которая, в контексте анализируемой ситуации, указывает на то, что автор желает и дальше видеть М. Зёдера во главе региона.

Pfeifer Carmen: Vielen Dank Herr Söder für ihr Engagement, sie lassen Worte, Tate folgen und geben Sicherheit die solange fehlte 🍀 – Спасибо вам, господин Зёдер, за вашу вовлеченность, ваши слова не расходятся с делом, и вы обеспечили безопасность, которой так долго не хватало; Oliver Liersch: Wie immer sehr guter Auftritt! Danke! 🍀 – Как всегда отличное выступление! Спасибо!

Позитивное эмоциональное отношение комментаторов к политику передается лексемами благодарности *Danke, Vielen Dank* и подкрепляется эмодзи. Автор *Pfeifer Carmen* обращает внимание адресата на то, что политик держит свои обещания *sie lassen Worte, Tate folgen*.

Анализ приведенных комментариев позволяет выделить несколько аспектов, указывающих на легитимацию решений политического актора. Копиальность (*bewegend*), лексические единицы с семантикой благодарности (*vielen Dank*), совместности (*halten wir zusammen*), мелиоративная лексика (*super, sie lassen Worte, Tate folgen, sie machen guten Job*) способствуют формированию общественного мнения о политике как о надежном и ответственном лидере, что особенно важно в условиях кризиса. Перечисленные языковые средства, использованные в текстах откликов интернет-пользователей, отражают легитимность действий регионального политика.

В репрезентативных речевых актах немецкоязычного политика используются лексические единицы, отражающие личное восприятие и опыт политика (лексемы с семантикой уверенности, личностной идентификации; метафоры); лексические и синтаксические повторы. Анализ комментариев показывает, что положительная реакция аудитории и использование определенных лексических средств способствуют формированию доверия и признанию легитимности действий политика, особенно в условиях кризиса. Легитимность

политических решений проявляется в выражении благодарности, копипальности содержания и лексических единиц из высказываний политика, употреблении оценочных лексем с положительной семантикой, призыве комментаторов к интернет-общественности поддержать вводимые меры.

2.2.2. Речевой акт *комиссив* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

В приведенном ниже высказывании эпистемическая модальность выражается в комиссивном речевом акте политика:

Aber das Versprechen steht: wir werden zu 100 Prozent darauf fokussieren und alles tun was in unseren Möglichkeiten steht. Das sind die medizinischen Maßnahmen, die wir derzeit treffen. Das sind die wirtschaftlichen Maßnahmen, wo wir einen großen Schutzschirm spannen, damit viele, viele kleine Betriebe und Arbeitnehmerin und Arbeitnehmer nicht allein gelassen werden. – Но обещание остается в силе: мы сосредоточимся на происходящих событиях на 100 процентов и сделаем все, что в наших силах. Это и медицинские меры, которые мы сейчас принимаем. Это и экономические меры, когда мы устанавливаем защиту, чтобы многие, многие малые предприятия, работодатели и работники не остались в стороне [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/>].

Обещание политика вербализовано иллокутивным глаголом *fokussieren* в форме будущего времени. Значение данного глагола – сосредоточить внимание на чем-либо [DWDS]. Высокая эпистемическая ответственность министра-президента передается устойчивым сочетанием, *на 100 %*, означающим «целиком, полностью» [Евгеньева, 1999]. Так как люди склонны верить цифрам, то у населения появляется возможность узнать, «насколько масштабным, интенсивным является конкретный процесс, протекающий на определенной территории в определенное время» [Денисенко, 2014]. Легитимирующий потенциал действий политика проявляется в его заявлении о том, что в данный момент принимаются меры по борьбе с коронавирусной инфекцией *Maßnahmen, die wir derzeit treffen*, и внушении адресату

мысли о том, что глава региона несет ответственность за их реализацию. Кроме того, министр-президент считает своим долгом оказать помощь небольшим предприятиям, понимая, что это и рабочие места, и налоги, поступление которых в сложной экономической ситуации не должно прерываться. Интенцию политика можно выявить в придаточном предложении цели путем преобразования в конструкцию с модальным глаголом: ...damit viele, viele kleine Betriebe und Arbeitnehmerin und Arbeitnehmer nicht allein gelassen werden = viele, viele kleine Betriebe und Arbeitnehmerin und Arbeitnehmer **müssen nicht allein gelassen werden**. Использование метафоры *Schutzschirm spannen* акцентирует внимание на создании условий безопасности на территории Баварии.

Приведенный выше пост получил следующие отклики:

Barbara Ertel: *Die Ausgangssperre in Bayern ist die einige Möglichkeit um die Bayern zu Hause zu halten! Siehe Tegernsee, Schliersee, Garmisch, München...warum sind vor allem die Münchner so ignorant? So lange den Bayern nichts verboten wird, ignorieren sie Bleiben Sie Zuhause... – Комендантский час в Баварии – единственный способ удержать баварцев дома! Посмотрите на Тегернзее, Шлирзее, Гармиш, Мюнхен... Почему жители Мюнхена так безответственны? Пока баварцам не запретить, они не будут сидеть дома...*

Автор признает обоснованность введения строгих мер и требует еще более жесткого ограничения (*Ausgangssperre*), следовательно, легитимирует курс политика. Используя риторический вопрос *warum sind vor allem die Münchner so ignorant*, автор побуждает участников интернет-сообщества задуматься и убедить аудиторию в необходимости и оправданности введения комендантского часа.

Sabine Kohl: *Es ist gerade die schwierigste Zeit meines Lebens, aber Sie haben in allen Ansprachen und Entscheidungen uns Hoffnung gegeben, dass es irgendwie weitergeht. Ich weiß gar nicht wie man sich dafür bedanken kann, das auch wir kleinen Betriebe nicht vergessen werden. Vielen vielen Dank, sie haben mir gerade die Chance gegeben das es weiter gehen kann. Dankeschön... – Сейчас самое трудное время в моей жизни, но всеми своими речами и решениями вы даете нам надежду на то, что все как-то продолжится. Я даже не знаю, как вас благодарить за то, что вы*

не забываете о нас, малых предприятиях. Спасибо вам большое, вы просто дали мне шанс жить дальше. Спасибо вам... Положительная оценка стратегии поведения политика вербализована комментатором повторением лексических единиц с семантикой благодарности (*vielen Dank, Dankeschön, bedanken*), уверенности (*Hoffnung*), благоприятной возможности (*Chance*). Комментатор признателен за то, что политик проявляет внимание к малому бизнесу и оказывает ему поддержку *kleine Betriebe werden nicht vergessen*.

Kathy B.: Wir haben für unseren Kleinbetrieb, der aktuell auch schliessen musste, heute schon die Soforthilfe erhalten. Ich, meine Angestellten und meine Familie möchten uns dafür **ganz herzlich bedanken!** Jetzt können wir relativ beruhigt davon ausgehen, dass der Betrieb, **nach der Ausgangsbeschränkung, wieder normal weiter gehen kann!** **Ein herzliches!! Danke Schön!! Herr Söder, für die schnelle Unterstützung des kleinen Mannes!** – Мы уже получили сегодня экстренную помощь для нашего небольшого бизнеса, который также пришлось закрыть. Я, мои сотрудники и моя семья хотели бы сказать вам большое спасибо! Теперь мы можем быть спокойны, что после закрытия бизнес будет работать в обычном режиме! От всего сердца!!! спасибо!!! господину Зёдеру за оперативную помощь простому человеку!

Комментатор подтверждает эффективность мер (*nach der Ausgangsbeschränkung, wieder normal weiter gehen kann*), благодарит политика за быстрое выполнение обещаний (*haben.. heute schon die Soforthilfe erhalten, die schnelle Unterstützung*). Позитивный эмоциональный настрой автора отклика передается экспрессивным синтаксисом в форме парцелированных предложений **Ein herzliches!! Danke Schön!!** Двойной восклицательный знак визуализирует чувство восхищения действиями политика.

Комментарий пользователя **Thomas Adam: Vielen Dank für Ihre Arbeit und Ihre konsequenten und schnellen Entscheidungen.** – Большое спасибо за вашу работу и последовательные и быстрые решения свидетельствует о том, что

министр-президент оперативно, взвешенно принимает решения. Оценочное суждение комментатора реализовано лексемами *konsequent, schnell*.

Doro Brüggendick: Ganz herzlichen Dank, Herr Ministerpräsident Söder, dass Sie in diesen herausfordernden Tagen als *Landesvater* unglaublich häufig in den Medien präsent sind. Diese Ansprachen und Interviews sind *kleine Leitplanken* auf dem unsicheren Weg, den wir alle zu bewältigen haben. *Gott schütze und segne* Sie und unser ganzes Land! – Большое спасибо, премьер-министр Зёдер, за ваше невероятно частое присутствие в СМИ в это непростое время в качестве отца Баварии. Эти выступления и интервью – поддержка на зыбком пути, который нам всем предстоит преодолеть. Да благословит Господь вас и нашу землю!

Автор комментария подчеркивает близость баварского лидера к электорату благодаря регулярному «присутствию» в средствах массовой информации (*Unglaublich häufig in den Medien präsent*). Данный отклик является ярким примером использования мелиоративной лексики с высокой степенью интенсивности, что способствует созданию положительного образа министра-президента и укреплению общественного доверия к его действиям в кризисный период. Номинация *Landesvater* указывает на уважение к министру-президенту как защитнику и лидеру. Предложение *Gott schütze und segne Sie und unser ganzes Land!* обладает легитимирующим потенциалом, так как обращение к Богу придает дополнительную значимость словам и действиям министра-президента. Метафора *Kleine Leitplanken* создает образ надежного политика, готового взять на себя ответственность.

Автор следующего комментария использует мелиоративную лексику для создания легитимного образа политика:

Thomas Schlegl: Von allen Ministerpräsidenten der Länder der einzige, der sich der Krise stellt und aktiv etwas tut! Da kann sich sein Kollege Kretschmann von den Grünen in Baden-Württemberg eine dicke Scheibe abschneiden!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! – Из всех премьер-министров земель он единственный, кто противостоит кризису и активно что-то делает! Его коллега Кречманн из партии «Зеленых» в Баден-Вюртемберге мог бы взять с него пример!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Посредством обобщающего утверждения *Von allen Ministerpräsidenten der Länder* автор подчеркивает значимость баварского лидера в преодолении кризисной ситуации. При помощи лексемы *einzig* комментатор выделяет М. Зёдера среди других руководителей регионов (*Da kann sich sein Kollege Kretschmann von den Grünen in Baden Württemberg eine dicke Scheibe abschneiden!*). Использование акциональных глаголов *stellt sich, tut* свидетельствует об активных и решительных действиях политика. Множественные восклицательные знаки выступают в роли интенсификатора эмоций. Такие невербальные сигналы помогают авторам легитимирующих сообщений передать положительное отношение к политику.

Приведенные комментарии вписываются в модель легитимации политического дискурса. Одобрительная оценка деятельности министра-президента выражается лексическими единицами с семантикой благодарности (*Vielen Dank, Ganz herzlichen Dank, Danke, bedanken*), оценочными лексемами с положительной коннотацией (*konsequent und schnell*), сравнением с другими главами регионов (*Von allen Ministerpräsidenten der Länder der einzige, der sich der Krise stellt und aktiv etwas tut!*). Поддержка решений политика вербализуется копияльностью ключевых слов (*Möglichkeit, kleine Betriebe usw.*) и языковыми средствами, синонимичными словам министра-президента (*nicht vergessen werden*).

В следующем высказывании можно выделить комиссивные речевые акты, в которых министр-президент обещает принимать меры по сохранению здоровья жителей Баварии:

Die Bayerische Staatsregierung wird keine Experimente mit der Gesundheit oder mit Corona machen. Deswegen, werden wir jetzt in der Umsetzung der Beschlüsse, die auf nationaler Ebene getroffen sind, den Rahmen ausschöpfen und die vorsichtigere, die umsichtigere Strategie zu machen und an einigen Stellen später als andere Maßnahmen zu ergreifen. – Правительство земли Бавария не будет экспериментировать со здоровьем или с короной. Поэтому при реализации решений мы будем в полной мере действовать в рамках, принятых на национальном уровне, и примем более осторожную, более осмотрительную

стратегию, а в некоторых областях примем меры позже других [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/366343133439370/videos/218662995896613>].

Заявление министра-президента о том, что решения будут приниматься на национальном уровне *auf nationaler Ebene*, подчеркивает единство действий в масштабе всей страны и легитимирует меры, принимаемые на территории Баварии, как часть более широкой стратегии. Такая тактика представления информации снижает вероятность критики со стороны граждан, так как действия соответствуют общепринятым стандартам. Позитивный настрой политика передается будущим временем: *werden ausschöpfen, ... machen, ... ergreifen*. Думая о последствиях своих решений, политик сосредоточивается на тех действиях, которые приведут к наилучшим результатам. Прилагательные с семантическим компонентом *besonnen* – *вдумчиво и спокойно* в словосочетании *die vorsichtigere, die umsichtigere Strategie* указывают на то, что политик принимает решение обдуманно, взвешенно.

Легитимация действий политика прослеживается в комментариях к его заявлению:

Cornelia Hager: Es sind schwierige Zeiten und die Entscheidungen die zu treffen sind nicht leicht. Natürlich akzeptiere und befolge ich alles. – Сейчас трудные времена, и решения, которые приходится принимать, даются нелегко. Конечно, я принимаю все решения и следую им.

Комментатор полностью легитимирует слова политика (*Natürlich akzeptiere und befolge ich alles*). Важную роль при этом играет лексема *natürlich*, при помощи которой автор подчеркивает, что согласие с решениями политика не вызывает альтернативных мнений. Ее употребление создает ощущение единства между адресантом и адресатом, способствует укреплению социального согласия и солидарности в период кризиса. Слово *alles* в контексте комментария свидетельствует о неоспоримости политических решений. Лексемы *schwierig, nicht leicht* указывают на сложность ситуации и служат оправданием для принятия жестких, непопулярных решений.

Ju Vo: Find die Entscheidung richtig! Aber die Kontrollen müßten versterckt werden, es gibt immer noch Leute die sich einfach nicht dranhalten können! – Я

считаю, что решение правильное! Но контроль должен быть ужесточен, есть люди, которые просто не могут придерживаться его!

Приведенный комментарий является легитимным по двум параметрам: согласие с действиями политика (*richtig*), призыв к усилению контроля за соблюдением ограничительных мер (*die Kontrollen müßten versterckt werden*). Использование позитивной лексики в сочетании с конструктивной критикой помогает легитимировать решение министра-президента, подчеркивая его правильность и необходимость дополнительных мер для достижения успеха.

Авторы следующих высказываний воспринимают действия власти как успешный ответ на тревожную для всего мира ситуацию: ***Nina Risch: Alles richtig gemacht*** 👍 🙌🙌 ***klasse job machen sie u ihr team hut ab*** 👍 – *Все сделано правильно* 👍 🙌🙌🙌🙌 *классная работа вас и вашей команды снимаю шляпу* 🙌;

Ja Pa: Alles richtig gemacht super, bin froh in Nürnberg zu sein n besseren als Herrn Dr. Söder gibt es nicht 👍 ☐ – *Все сделано супер, я рад, что нахожусь в Нюрнберге и нет лучше господина д-ра Зёдера* 🙌 🙌.

Комментаторы акцентируют внимание адресата на успешности предпринятых политическим актором шагов (*Alles richtig gemacht, klasse job, super*). Метафора *hut ab*, мелиоративное высказывание *besseren als Herrn Dr. Söder gibt es nicht* свидетельствуют о восхищении и признании заслуг всего правительства Баварии и лично министра-президента. Авторы прибегают к эмодзи для добавления эмоциональной окраски к высказыванию. Такие вербальные и невербальные языковые средства в речи комментаторов способствуют укреплению легитимации политических решений.

Приведенный далее комментарий представляет собой имплицитную похвалу баварскому политику путем сравнения с другой территориальной единицей Германии. Автор намекает, что Бавария лучше справляется с кризисом:

André Terp: Daran sollte sich NRW mal ein Beispiel nehmen... – *Северной Рейн-Вестфалии следует взять пример...*

Следующий комментатор легитимирует политические решения, связанные с преодолением кризиса:

Daniela Wenger: Danke Sie machen einen super Job und führen uns aus der Corona Krise. Die Gesundheit ist das wichtigste was man Schutzen muss!! Bleiben Sie gesund. – Спасибо вам за отличную работу и за то, что вывели нас из кризиса. Здоровье – это самое важное, что нужно беречь! Оставайтесь здоровым.

Автор подчеркивает правильность позиции регионального лидера посредством употребления лексемы благодарности *Danke*, акционального глагола *machen* и оценочной лексемы *super*. Значимость слов политика для комментатора подтверждается копиальностью основного тезиса М. Зедера – сохранение жизни (*Die Gesundheit ist das wichtigste*).

Легитимирующая «рецептивно-продуктивная деятельность субъектов непрофессионального политического интернет-дискурса» [Савельева, 2024б, с. 42] вербализована посредством копиальности, а именно замены ключевых лексических единиц из текста политика синонимичными конструкциями (*die Entscheidungen die zu treffen, Die Gesundheit ist das wichtigste*), оценочными лексическими единицами (*Alles richtig gemacht; klasse job, einen super Job*), лексемами, выражающими благодарность (*Danke*), сравнением с другими региональными политиками (*Daran sollte sich NRW mal ein Beispiel nehmen*), пожеланием здоровья (*Bleiben Sie gesund*). В комментариях выражается поддержка осторожному, обдуманному подходу к снятию ограничений, который декларирует политик (*die vorsichtigere, die umsichtigere Strategie, keine Experimente*).

В приведенных высказываниях эпистемическая модальность политика выражается через комиссивные речевые акты, в которых он обещает принять конкретные меры для борьбы с кризисом, поддержания здоровья и экономики. Субъективная модальность министра-президента передается *футуральными и презентными формами глаголов, модальными конструкциями*. Комментаторы поддерживают политические решения с помощью лексем благодарности,

метафор и сравнений, оценочных лексических единиц, что усиливает легитимность и положительный образ политического актора.

2.2.3. Речевой акт *бехабитив* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

Политические лидеры, чувствующие настроение общества во время кризиса, способны выстраивать свои речи таким образом, чтобы не просто проинформировать население о принятых решениях для преодоления проблемы, но и успокоить людей, создав атмосферу доверия и понимания. Инструментом для укрепления доверия и взаимодействия между политиками и общественностью становятся бехабитивные речевые акты. Наиболее частотными являются бехабитивные речевые акты, транслирующие благодарность политика:

Mein herzliches Dankeschön für alle, die mitgemacht haben und die sich wirklich gut einbringen, anderen Mut zu machen, mitzuhelfen, dass das Land nach wie vor funktioniert, aber trotzdem sich an die Regeln halten. – Спасибо от всего сердца всем тем, кто принял участие и кто делает действительно хорошую работу, подбадривая других, помогая обеспечить дальнейшее функционирование страны, но при этом придерживаясь правил [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/videos/814542119036991>].

Выражая свою признательность, политик выделяет группу людей (*alle, die mitgemacht haben*), которые вносят вклад в улучшение эпидемиологической ситуации, что делает благодарность более персонализированной. Он обращает внимание адресата на то, что нужно поддерживать других людей, помогать другу другу, соблюдать правила, чтобы вернуть жизнь баварцев в прежнее русло.

Реакцией на слова благодарности политического актора стали комментарии, в которых авторы благодарят политика, высоко оценивая его работу:

Christina Heim: Danke für Ihre Entscheidung. Sie gehen mit gutem Beispiel voran. Nörgler gibt es leider immer und überall. – Спасибо за ваше решение. Вы подаете хороший пример. К сожалению, клязуники есть всегда и везде;

NoBird Karrasch: Vielen Dank Markus Söder für in dieser Situation! – *Спасибо Маркусу Зёдеру за быстрые, последовательные и благоразумные действия в этой ситуации!*;

Ute Götz: Danke für den Mut in dieser aktuellen Situation voranzugehen. Sie sind ein. – *Спасибо, что в сложившейся ситуации у вас хватило мужества двигаться вперед. Вы хороший министр-президент.*

Адресность благодарности прослеживается и в комментариях, так как при обращении к политику авторы используют личное местоимение и имя собственное регионального лидера. Свою благодарность комментаторы выражают, обращая внимание на институциональные качества М. Зёдера, высоко оценивая их (*Sie gehen mit gutem Beispiel voran; ihr schnelles konsequentes und umsichtiges Handeln; Mut in dieser aktuellen Situation voran zugehen; guter Ministerpräsident*). Таким образом, лексемы благодарности в приведенных комментариях выражают признательность и создают легитимный образ политика.

Представленный далее фрагмент речи политика представляет собой пример бехабитивного речевого акта, иллюкутивная сила которого заключается в выражении благодарности и позитивной оценке поведения адресата. Данный акт, согласно классификации Дж. Остина, относится к категории перформативов, вербализующих действие в момент произнесения [Остин, 1986].

Danke, wie vorbildlich Sie alle mitmachen. Großartig, wie unser Land zusammenhält, wie jeder einzelne mitmacht und seinen Beitrag erbringt. – *Спасибо всем за ваше образцовое участие. Здорово, что наша страна держится вместе, что каждый задействован и вносит свою лепту.* [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/videos/159472851894353>].

Благодарность политика эксплицирована этикетной лексемой *Danke*. Признательность министра-президента имплицирована в оценочных предикатах *vorbildlich*, *großartig* и метонимии *unser Land zusammenhält*. Анафорическое повторение синтагмы *wie...mitmacht* задает ритмичность высказыванию и создает эффект эмоционального нарастания.

Sabine Hi: *Danke für Ihre tolle Arbeit für die Menschen.* – *Спасибо за Вашу отличную работу на благо людей.* В данном комментарии сочетается эксплицитная форма благодарности и позитивная оценка деятельности адресата. Высокая степень признания и удовлетворения качеством работы политика вербализована синтагмой *Ihre tolle Arbeit*, содержащей оценочную лексему *toll*, в семантической структуре которой имеется компонент *Begeisterung* (восхищение). Кроме того, лексема *toll* является синонимом оценочного прилагательного *großartig*, использованного в тексте политика. Автор комментария в своем отклике эксплицирует семантику лексических единиц *unser Land, alle, jeder* из высказывания главы Баварии посредством лексемы *Menschen*.

Положительная реакция на бехабитивный речевой акт политика прослеживается и в комментарии автора **Katja Scheiderer:** *Ein toller Ministerpräsident unser Markus Söder!!! Richtig gehandelt! Wir und das in ganz Bayern! Bitte machen Sie weiter so! Ausgangsbeschränkungen werden hier bei uns super eingehalten, den älteren wird toll geholfen und auch die Teenies haben es begriffen!!! – Отличный премьер-министр наш Маркус Зёдер!!! Правильные действия! Мы держимся вместе и это во всей Баварии! Пожалуйста, продолжайте в том же духе! У нас очень хорошо соблюдаются ограничения на выезд, пожилые люди получают большую помощь, и даже подростки это поняли!!!*

В отклике также наблюдается копияльность лексических единиц из текста министра-президента: *toll, zusammenhalten*. Комментатор легитимирует деятельность политика, применяя разноуровневые языковые средства: оценочные лексемы *richtig, super, toll*, средства экспрессивного синтаксиса – императивные конструкции и синграфемные знаки. Императивная конструкция *Bitte machen Sie weiter so!* отражает степень доверия политическому актору.

Бехабитивный речевой акт в дискурсе политика, реализованный *формулами речевого этикета*, направлен на укрепление доверительных взаимоотношений между властью и электоратом. В ответ на иллокутивный акт министра-президента авторы комментариев используют *лексические единицы с семантикой*

благодарности и положительной оценки, что соответствует доминантам модели легитимации политического дискурса.

2.3. Эпистемическая модальность в речевых актах регионального политика России С. Е. Цивилева

2.3.1. Речевой акт *репрезентатив* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

С точки зрения легитимации, слова политика передают ответственность институционального лица за принятие правильных решений, что является показателем высокой требовательности к себе и усиливает легитимирующий потенциал его высказываний, например:

В условиях коронавируса бизнесу приходится очень непросто. Чтобы понимать, какая поддержка будет наиболее эффективной, поговорил с самими предпринимателями по видеосвязи. Мне было важно посоветоваться о принимаемых решениях для защиты людей, им «на местах» виднее, как можно усилить меры безопасности [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/2829905957295548/>].

В приведенном высказывании содержится оценочный предикат *было важно*, употребление которого направлено на убеждение населения в том, что политик принимает решения взвешенно, обдуманно. С. Е. Цивилев демонстрирует свое равнодушное отношение к проблеме. При помощи синтагмы *им на местах виднее* он подчеркивает, что жители обладают правом совещательного голоса, чтобы выстроить с ними доверительные отношения и заручиться их поддержкой. Репрезентативный речевой акт позволяет эксплицировать перформативную часть высказывания политика посредством глагольной лексики *признавать*: ***Я знаю/понимаю, что в условиях коронавируса бизнесу приходится очень непросто; Я признаю, что мне было важно посоветоваться....***

Приведенные далее реакции на высказывание политика можно рассматривать как поддержку его инициатив: *Маргарита Петренко: Самое приятное, что и власть, и предприниматели понимают друг друга. Прогресс наметился. Скоро пойдём в ресторан; Ольга Чибеева: Все меры безопасности, лучшие – соблюдать, короновирусной инфекции – беречь себя, своих близких и остальных людей, и медиков тоже! Всем – здоровья, терпения, все будет хорошо!* Высказывание *власть и предприниматели понимают друг друга*, отражает мнение автора о правильности действий политика. В то же время комментатор *Ольга Чибеева* акцентирует внимание адресата на важности соблюдения предосторожностей и социальной ответственности, что является актуальным в условиях пандемии. Комментарии подтверждают готовность людей следовать рекомендациям власти и считают их адекватными, следовательно, поддерживают решение политика «защитить людей». Легитимирующий потенциал комментариев заключается в использовании лексики с положительной семантикой *прогресс, беречь себя, все будет хорошо*.

Коммуникативное намерение губернатора Кемеровской области – ознакомить население с вопросами, которые обсуждались на совещании, посвященном состоянию здравоохранения, сообщается в репрезентативных высказываниях:

Продолжаю работать из дома. В режиме ВКС провел аппаратное совещание, главная тема – коронавирус. Коротко о ситуации в здравоохранении на сегодня: койки для лечения больных COVID-19 и пневмониями есть: на сегодня их 4745, постоянно увеличиваем количество мест. Часть нагрузки с врачей сняли благодаря студентам-медикам: на помощь к специалистам пришли почти две тысячи ребят из КемГМУ и нашего медколледжа; количество тестирований увеличили до 9 тысяч в сутки. В начале пандемии делали около 120 тестов; чтобы уменьшить очереди в поликлиниках, рядом с самыми загруженными устанавливаем комфортные модульные пункты для ожидания. Установили их в Кемерове, Новокузнецке и Чебулинском районе. Важнейший вопрос сейчас – наличие лекарств в аптеках. Министерство промышленности и

министерство здравоохранения работают круглосуточно. Вчера получили крупную партию медикаментов самолетом, на неделе ожидаем следующую [Instagram, 2020, https://www.instagram.com/p/CHFVu0wHjbs/?img_index=1].

Высказывания находятся в контексте актуальной темы – борьбы с COVID-19, что делает их особенно значимыми для аудитории. Легитимирующий потенциал реализован посредством лексических единиц, транслирующих высокую степень эпистемической ответственности, основанную на конкретных статистических данных, фактуальной информации, ссылке на авторитетные органы управления. *Койки для лечения больных COVID-19 и пневмониями есть: на сегодня их 4745; почти две тысячи ребят из КемГМУ и нашего медколледжа; количество тестирований увеличили до 9 тысяч в сутки; В начале пандемии делали около 120 тестов; Установили их в Кемерове, Новокузнецке и Чебулинском районе; работают круглосуточно; получили крупную партию медикаментов; ожидаем следующую; Министерство промышленности и министерство здравоохранения.* Глаголы в прошедшем времени (*провел, сняли, пришли, увеличили, делали, установили, получили*) подчеркивают результат предпринимаемых губернатором действий.

Публикация политика получила множество положительных откликов. Авторы комментариев проявляют эмпатию к политику, так как ранее губернатор опубликовал пост о том, что он и его супруга также стали жертвами коронавирусной инфекции:

ave.natasha: Сергей Евгеньевич, рада видеть вас. Надеюсь, состояние, как говорят врачи, «удовлетворительное». **Поправляйтесь!** Здоровья всем!;
aleksandraashaeva: Выздоровливайте; **martyniuk776:** Держитесь, здоровья и благополучия. 🙌; **ludmila__riv:** Здоровья Вам, держитесь!; **margaritis.puma:** 😊.

Эмоциональная поддержка является важным элементом легитимации, особенно когда речь идет о здоровье. Авторы комментариев обращаются к политику посредством лексем с семантикой благопожелания (*Поправляйтесь, Выздоровливайте, здоровья, Здоровья Вам*), используют смайлы, которые помогают снять языковые границы и создать диалог с политиком [Фролов, 2020,

с. 118]. Для минимизации последствий, вызванных пандемией, необходима стабильность в управлении регионом, поэтому критически важно, чтобы руководитель был здоров. Атмосфера солидарности и сопереживания, выражение заботы о здоровье другого человека способствуют легитимации высказываний политика.

Репрезентативный речевой акт губернатора Кемеровской области вербализован *оценочными предикатами, статистической и фактуальной информацией, ссылками на авторитетные источники*. Легитимирующий потенциал комментариев заключается в использовании *мелиоративной лексики и средств экспрессивного синтаксиса*, отражающих положительные эмоции авторов откликов.

2.3.2. Речевой акт *комиссив* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

Представим анализ высказываний, содержащих комиссивные речевые акты, в политических интернет-постах губернатора Кемеровской области.

Наиболее частотным средством реализации эпистемической модальности, реализованной в комиссивных речевых актах, является будущее время.

Только так мы сможем уберечь себя и своих близких. Уверен, что мы справимся с этим, вместе преодолеем все [Instagram, 2020, URL: https://www.instagram.com/tv/B_ZrlQXIBo2].

Футуральные формы глаголов тесно связаны с модальной семантикой, поскольку здесь на первый план выходят такие модальные значения, как вероятность ситуации, ее желательность, способность к совершению действия. Как отмечает Е. В. Петрухина, «будущее соприкасается с моментом речи и настоящим временем, но не является полностью принадлежащим реальности» [Петрухина, 2015, с. 72]. По мнению Т. Б. Радбиля, любое суждение о будущем носит вероятностный характер [Радбиль, 2011, с. 255], поэтому неясно, будет ли обещание выполнено. Модусная часть первого предложения реализована

посредством обстоятельства образа действия *только так*, подчеркивающего единственно возможный путь к достижению цели. Данное словосочетание усиливает семантику обещания. Второе высказывание вводится кратким причастием *уверен*, указывающим на высокую эпистемическую ответственность политика. Согласно толковому словарю, данная лексема имеет следующее значение: *не сомневающийся в своих силах, в своих возможностях и т. п.; убежденный в чем-либо, твердо верящий в кого-либо, что-либо* [Кузнецов, 1998]. Комиссивный речевой акт содержит лексемы с семантикой уверенности, которые придают убедительность словам политика (*сможем уберечь, справимся, преодолеем*). В данном контексте высказывания, реферирующие к плану будущего, выполняют прагматическую функцию обещания [Чуйкова, 2017, с. 237]. Использование инклюзивного местоимения *мы* и наречия с семантикой совместности *вместе* способствует повышению уровня доверия к политическому лидеру и расширению базы его сторонников.

Положительная реакция на приведенное высказывание политика отражена в следующих комментариях:

korolik42: *Дело говорит. Оперативно сработано. Молодец. Соблюдайте режим самоизоляции и противопожарный тоже.* 👍 Комментатор легитимирует действия политика посредством лексических единиц с мелиоративной оценочной семантикой (*Дело говорит, Оперативно сработано, Молодец*). Кроме того, автор обращается к другим пользователям сети с призывом поддержать введенные меры (*Соблюдайте*).

Evgenia Seletkova: *Земляки, всем доброго дня и крепкого иммунитета! Соглашусь с большинством, поскольку лично я тоже считаю, что раздача масок населению была бы гораздо актуальнее, и воспринималась бы как реальная забота и посильная помощь со стороны региональной власти. К тому же это такой прекрасный шанс для Кузбасса подать пример всей стране в плане того, как должно и можно проявлять заботу о своих гражданах не на словах, а на деле. Народ сейчас напуган и обозлён. Судя по мониторингу СМИ – инициатора введения электронных пропусков – Собянина – люди откровенно ненавидят. Причем не*

*только в Москве. Комментарии в соц. сетях как лакмусовая бумажка – наглядно отражают отношение граждан к нему. Некоторые просто пугают. Но **нашего ведь губернатора** за последнее время народ **принял и полюбил**. Большинство понимает, что как человек военный Сергей Евгеньевич **умеет быстрее других четко оценивать обстановку, оперативно реагировать и самое главное – самостоятельно принимать решения по обстановке! А этими навыками может похвастаться на сегодня далеко не каждый чиновник.***

Иллокутивная сила комментария заключается в намерении автора легитимировать решения политика посредством обращения к интернет-сообществу. Обращение земляки создает чувство общности, принадлежности к одной группе. Комментатор положительно оценивает деятельность губернатора (*умеет быстрее других четко оценивать обстановку, оперативно реагировать и самое главное – самостоятельно принимать решения по обстановке*), сравнивает политика с другим региональным лидером. Использование лексемы *военный* отражает общественный стереотип образа ответственного, дисциплинированного, компетентного человека, умеющего собраться в кризисной ситуации. Такие ассоциации, закрепленные в сознании индивида, обладают манипулятивным воздействием на адресата и влияют на достижение перлокутивного эффекта.

Приведем еще одно высказывание губернатора Кемеровской области, демонстрирующее функционирование средств реализации эпистемической модальности в комиссивном речевом акте:

*Новокузнецкие **предприниматели** попросили дополнительные налоговые льготы и единые пропуски для предприятий, которым можно сейчас работать. Их просьбы и предложения мы **рассмотрим в кратчайшие сроки и разработаем в нашем регионе дополнительные меры поддержки*** [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=525415041491305>].

Помимо будущего времени высказывание политика содержит превосходную степень прилагательного, которая в политическом дискурсе «имеет большую значимость с точки зрения влияния на массы, становясь инструментом политического взаимодействия <...> с целью убеждения человека в правоте своих

высказываний, своих взглядов [Зубкова, 2022, с. 118]. Вместе с тем словосочетание *в кратчайшие сроки* имплицитно подразумевает неопределенные временные рамки, что указывает на сниженную эпистемическую ответственность.

Комментарии к данному высказыванию политика направлены на поддержку намерения регионального лидера оказать помощь предпринимателям:

Артур Покатилов: *Спасибо. Хочется верить, что правительство не бросит нас в трудную минуту.*

Автор комментария выражает признательность политику посредством лексемы с семантикой благодарности (*спасибо*), следовательно, одобряет его политический курс. Для комментатора губернатор является единственным, кто может помочь в кризисной ситуации.

Положительное отношение комментатора к мерам, предлагаемым политиком, передается в следующем отклике:

Инга Селиванова: *У меня сестра предприниматель, маленький магазинчик одежды. Грустно это конечно, но мы ведь и не из такого выбирались.* Посредством лексемы *предприниматель*, заимствованной из текста губернатора, автор подчеркивает свою принадлежность к обсуждаемой теме. Частица *ведь* в сочетании с глаголом *выбираться* используется для того, чтобы успокоить других пользователей, подчеркивает уверенность комментатора в том, что трудности будут преодолены.

Автор поддерживает идею политика о разработке дополнительных мер поддержки малого бизнеса:

Александр Седунов: *Для малого и среднего бизнеса актуально это отмена аренды и кредитные каникулы.*

Копиальность содержания текста политика и лексема *актуально* служит аргументом в пользу легитимации решения губернатора.

Проанализированные комментарии отражают беспокойство авторов о судьбе малого бизнеса в условиях кризиса. Интернет-пользователи выражают благодарность губернатору за вовлеченность в проблемы бизнеса (*Спасибо*),

транслируют позитивный настрой (*Хочется верить; правительство не бросит нас в трудную минуту; мы ведь и не из такого выбирались*).

Комиссивный речевой акт губернатора Кемеровской области вербализован футуральными формами глагола, лексемами с семантикой уверенности и сомнения. Комментаторы легитимируют политические решения посредством лексических единиц с мелиоративной оценочной семантикой, семантикой благодарности, императивными конструкциями, при помощи которых авторы откликов призывают других членов интернет-сообщества поддержать принимаемые меры.

2.3.3. Речевой акт *бехабитив* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

Публичное выражение благодарности способствует укреплению имиджа политика как человека, который ценит мнения других и готов к конструктивному диалогу, о чем свидетельствует бехабитивное высказывание губернатора Кемеровской области:

Благодарен представителям бизнеса за этот диалог. <...> Без преувеличения был *благодарен* Ивану за его четкую и грамотную позицию [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/2829905957295548/>].

Для вербализации иллокутивной цели политик использует лексему *благодарен*. Как отмечает О. В. Запрудская, «коммуникативные акты благодарности – это акты позитивной оценочности, и при их реализации ожидается повышенный уровень внимания и доверия со стороны адресата, таким образом становится проще осуществлять речевое воздействие, внушая основные идеи, и проще манипулировать сознанием» [Запрудская, 2022, с. 69]. Искренность и выразительность высказывания политика подкрепляется словосочетанием *без преувеличения*, в семантической структуре которого содержатся компоненты

искренне, правдиво [Ефремова, 2006]. Отсутствие явного субъекта в предложении фокусирует внимание на акте благодарности, а не на личности говорящего.

Авторы приведенных комментариев выражают признательность и поддержку губернатору, что свидетельствует о высоком уровне доверия к политику и его действиям:

olgaallyanova: *Спасибо, мы чувствуем вашу поддержку, Кузбасс самый лучший!;*

olegbelenskii: *Сергей Евгеньевич, спасибо за то, что неравнодушен к проблемам кузбассовцев. Как важно всем нам чувствовать себя защищенными, знать, что власть не оставит нас наедине с бедой;*

verniki42: *Тут федералам надо «спасибо» сказать за помощь. Губернатор итак у них что может **выгрызает**, но один в поле не воин. Сил вам, Сергей Евгеньевич, в работе;* **medvedevalilija1946:** *Сергей Евгеньевич, спасибо Вам за ваши усилия удерживать такую сложную ситуацию по охране здоровья кузбассовцев! И одновременно выполнять все хозяйственные заботы Кузбасса! Здоровья, здоровья и жизненных сил.*

Легитимирующий потенциал комментариев заключается в том, что интернет-пользователи видят в политике защитника интересов граждан (*важно всем нам чувствовать себя защищенными, знать, что власть не оставит нас наедине с бедой*). Авторы используют в адрес губернатора такие мелиоративные лексемы, как *неравнодушен, выгрызает, удерживает сложную ситуацию*, употребление которых подчеркивает оправдание возложенных на политика надежд в решении социальных и экономических проблем. Осознание важности коллективного подхода к решению проблем вербализовано синтагмами *мы чувствуем вашу поддержку* и *один в поле не воин*. Использование антропонима *Сергей Евгеньевич* укрепляет доверие, улучшает восприятие решений, транслируемых политиком, что способствует сближению граждан и регионального лидера.

Следующее высказывание также демонстрирует функционирование бехабитивного речевого акта в дискурсе политика:

Прямая линия помогает мне напрямую узнавать о реальном положении дел на местах, будем продолжать. Спасибо всем за вопросы и неравнодушное отношение к проблемам региона.

[https://www.instagram.com/p/CTCsDw8tHlA/?img_index=1].

Посредством лексемы *спасибо* губернатор выражает признательность аудитории. *Спасибо* в политическом дискурсе значительно выходит за рамки простого выражения вежливости или благодарности, оно используется для легитимации власти, укрепления авторитета политического актора. Использование кванторного местоимения *всем* создает ощущение инклюзивности, усиливает эффект *мы-группы*, подчеркивает важность общественной позиции и участия граждан в решении региональных проблем. При помощи словосочетания *неравнодушное отношение* повышается суггестивный потенциал высказывания, так как глава региона апеллирует к эмоциональной составляющей сознания реципиентов. Отрицательный префикс *не-* в прилагательном *неравнодушный* усиливает эффект контраста, акцентируя внимание на противоположном состоянии – безразличии.

В реактивных текстах интернет-комментаторов также можно проследить функционирование компонентов легитимации политического дискурса:

basskuz42: Сергей Евгеньевич ***большой молодец!***;

tatt_misherikova: Дай Бог Вам здоровья, терпения и сил в вашем нелёгком труде, всех благ!;

g.irina19: А мне нравится наш губернатор!!! ***Молодец!!!!***

В комментарии авторов ***basskuz42*** и ***g.irina19*** компонент *похвала-оценка* вербализован оценочной лексемой с положительной коннотацией *молодец*, интенсифицирующим прилагательным *большой* и средствами синграфемии. *Похвала-поддержка* выражается императивной конструкцией высказывания автора ***tatt_misherikova:*** Дай Бог Вам! Компонент *апелляция к интернет-сообществу* имплицирован в синтагме *А мне нравится наш губернатор!!!*

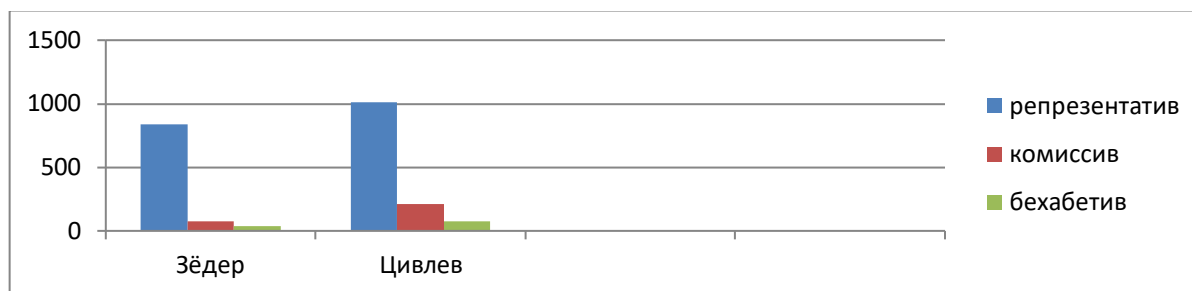
Бехабитивный речевой акт в дискурсе С. Е. Цивилева вербализован средствами речевого этикета. Легитимирующий потенциал комментариев

заключается в использовании авторами откликов *мелиоративных лексических единиц*, лексем с семантикой благодарности, антропонима *Сергей Евгеньевич*, средств экспрессивного синтаксиса.

2.4. Сопоставительный анализ средств реализации эпистемической модальности в речевых актах региональных политиков Германии и России

В ходе анализа фактического материала было установлено, что эпистемическая модальность обоих политиков отражена в следующих речевых актах: *репрезентатив*, *комиссив*, *бехабитив*. В количественном соотношении преобладает репрезентативный речевой акт (*Диаграмма 4*).

Диаграмма 4. Количественное соотношение типов речевых актов, реализующих эпистемическую модальность в дискурсе политиков



Эпистемическая модальность, реализованная в репрезентативных речевых актах министра-президента Германии и губернатора Кемеровской области, отражается в эпистемической ответственности глав регионов и представлена количественными данными, ссылками на авторитетные источники, местоименными конструкциями. Оба политика манипулируют аксиологическими категориями, вербализованными лексическими единицами с оценочной семантикой. При этом речь немецкоязычного политика более эмоциональна. Для усиления выразительности высказывания министр-президент Баварии использует метафоры, эмоционально окрашенные лексемы, лексические и синтаксические повторы, стилистический прием градации. Для персуазивного воздействия на адресата политик оперирует количественными данными, апеллирует к чувствам и

личным переживаниям реципиента. Сочетание рациональных и эмоциональных доводов отражает позицию и персональный взгляд политика на ситуацию. Речь русскоязычного политика сдержанна, так как строится на фактуальной информации и лексических единицах с семантикой завершенности действия.

В комиссивных речевых актах обоих региональных лидеров эпистемическая модальность выражена футуральными и презентными формами глаголов, модальными конструкциями. Политики подчеркивают важность единства для достижения общих задач и преодоления трудностей, стремясь таким образом убедить и консолидировать электорат, заручиться его поддержкой и укрепить свою политическую позицию.

Бехабитивные речевые акты обоих политиков отражают благодарность и признание вклада граждан в борьбу с пандемией. Эпистемическая модальность в бехабитивных речевых актах используется как способ укрепить образ «своего» политика и заботливого лидера.

Интернет-комментарии выполняют роль «обратной связи» в политической коммуникации и служат инструментом легитимации власти. Согласие с действиями политиков вербализуется оценочными лексическими единицами, которые носят мелиоративный характер, лексемами с семантикой благодарности, средствами экспрессивного синтаксиса. Деривационная связь текстов политиков и текстов откликов проявляется в копиальности содержания, фраз, отдельных слов политических акторов и свидетельствует о поддержке их решений. Комментаторы обеих лингвокультур прибегают к использованию императивных конструкций для обращения к политикам и согражданам. Использование антропонимов передает лояльное отношение аудитории к региональным лидерам и свидетельствует о формировании их положительного имиджа в сознании авторов комментариев.

Эпистемическая модальность, реализованная в репрезентативном, комиссивном, бехабитивном речевых актах, обладает высоким легитимирующим потенциалом, так как политические акторы посредством данного типа модальности передают информацию, подкрепленную аргументами, фактами и личным опытом, что создает у аудитории образ уверенного и компетентного лидера. Манипуляция

общими ценностями и выражение благодарности также играют важную роль в создании связи между политиком и электоратом.

2. 5. Интерпретация данных, полученных в ходе лингвистического эксперимента (эпистемическая модальность)

Для верификации полученных данных группе испытуемых предложены тексты политиков, которые представляют собой высказывания, содержащие эпистемическую модальность. Тексты политиков демонстрируют разные языковые средства выражения эпистемической модальности, которые отражают уверенность политиков, их высокую эпистемическую ответственность и направлены на мобилизацию общества.

2. 5. 1. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов немецкоязычных респондентов

Речь министра-президента Баварии, посвященная продлению локдауна в связи с продолжающейся пандемией COVID-19, представляет собой пример использования эпистемической модальности для убеждения аудитории в необходимости принимаемых мер. Результаты эксперимента, проведенного с участием немецкоязычных респондентов, позволили выделить языковые средства в дискурсе политика, оказывающие влияние на процесс легитимации его решений.

Текст 1.

Wir können leider zu Beginn des neuen Jahres keine Entwarnung von Corona geben! Die Lage ist weiter sehr ernst. Es braucht höchste Sorgfalt. Aufgrund der Tatsache, dass es keine belastbare Situation gibt für die Zahlen, derzeit! Aufgrund der Tatsache, dass es mutierte Viren jetzt auch in Deutschland verstärkt gibt, müssen wir ganz klarmachen, dass die Linie von Vorsicht und Umsicht absoluter Maßstab bleiben muss! Weil es aber so ist, dass wir bei weitem nicht durch sind, müssen wir die jetzigen Maßnahmen verlängern und an einigen Stellen vertiefen. Das heißt ganz klar auch für

Bayern, wie im Bund beschlossen, der Lockdown wird bis Ende Januar, Anfang Februar verlängert und an einigen Stellen vertieft. Vertiefen, Sie haben es gestern gehört! Die beiden Bereiche, die vertieft werden, es sind die zwei zentralen Bereiche, die für die Verbreitung des pandemischen Geschehens entscheidend sind. Das sind die Parameter Kontakte und es sind die Parameter Mobilität! Schule und Kita, es ist ein wie immer extrem sensibler Bereich. Wir haben eine klare Linie, bis zum 31.01.! Ich will noch mal ausdrücklich zum Impfen sagen.... Impfen ist die einzige echte Langzeitstrategie, die es gibt! Es gibt keine andere wirkliche. Corona kommt sonst in alle Bereiche hinein. Es gibt kein wirklich hundertprozentig sicheres anderes Konzept. Die Impfung ist das Beste, was auf dem Markt ist! Deswegen ist es Hoffnung! Man soll sich aber keine falschen Hoffnungen machen, was die Zeitdauer betrifft. Das ist eine Langzeitstrategie! Wir werden es überstehen! Natürlich werden wir das überwinden, Corona! Die Frage ist nur wie?! Und ich will, dass wir so gut wie möglich überstehen! – К сожалению, в наступившем году мы не можем сказать, что коронавирусу отступил! Ситуация все еще очень серьезная. Она требует самого пристального внимания. В связи с тем, что в настоящее время нет достоверной информации о цифрах! В связи с тем, что мутировавшие вирусы теперь все чаще встречаются и в Германии, мы должны четко заявить, что линия осторожности и осмотрительности должна оставаться абсолютной нормой! Поскольку мы еще далеки от завершения, мы должны расширить существующие меры и углубить их в некоторых областях. Для Баварии это означает, что согласно решению, принятому на федеральном уровне, локдаун будет продлен до конца января – начала февраля, а в некоторых районах усилен, об этом говорили вчера! Две области, которые будут усилены – это две центральные области, которые имеют решающее значение для распространения пандемии. Это контакты и мобильность! Школы и детские сады, как всегда, являются чрезвычайно чувствительными зонами. У нас есть четкая стратегия до 31 января! Я хотел бы еще раз подчеркнуть важность вакцинации.... Вакцинация – это единственная реальная долгосрочная стратегия! Другой реальной стратегии не существует. Корона проникает во все сферы. Нет другой концепции, которая была бы действительно на сто процентов безопасной.

Вакцинация – это лучшее, что есть! Вот почему это наша надежда! Но не стоит строить иллюзий относительно того, сколько времени это займет. Это долгосрочная стратегия! Мы пройдем через это! Конечно, мы справимся! Вопрос только в том, как! И я хочу, чтобы мы прошли через это как можно лучше!

Сложность ситуации отражается в высказываниях министра-президента Баварии с помощью средств реализации эпистемической модальности. Политик прибегает к эмотивной лексике: *leider, keine Entwarnung geben, absoluter Maßstab, klarmachen, vertiefen*. Лексико-синтаксические повторы *Aufgrund der Tatsache, das heißt, es sind die Parameter* усиливают персуазивное воздействие высказываний регионального лидера. Текст насыщен высказываниями с высокой эпистемической ответственностью. О степени ее интенсивности можно судить по употреблению модальных конструкций *können... keine, müssen ... ganz klarmachen, muss... bleiben*, слов-интенсификаторов *klar, ausdrücklich*, наречия с семантикой уверенности *natürlich*, с семантикой победы *überwinden*, словосочетания со значением истины *aufgrund der Tatsache* и др.

В Таблице 2 приведены результаты эксперимента. Показано суммарное количество слов и словосочетаний (лексических единиц), которые выделили испытуемые в высказываниях политического актора. Данные лексические единицы совпадают с компонентами модели легитимного политического дискурса.

Таблица 2. Визуализация результатов эксперимента (М. Зедер)

<i>компоненты дискурсивной доминанты легитимность</i>	<i>личная ответственность политика</i>	<i>манипуляция ценностями</i>	<i>количественные данные</i>	<i>обещание</i>	<i>апелляция к авторитетному источнику</i>
<i>суммарное кол-во ЛЕ</i>	20	209	56	67	8

Личная ответственность политика важна с точки зрения участников опроса
Ich will noch mal ausdrücklich zum Impfen sagen ... (20) – Я хотел бы еще раз сказать о вакцинации...

Обращение политика к базовым ценностям является решающим при выборе ответа у большинства испытуемых. Такие высказывания, подкрепленные

моральными принципами, вызывают более сильный эмоциональный отклик и, следовательно, более высокую степень доверия. Поэтому к тематической группе *манипуляция ценностями* отнесем следующие «реакции» реципиентов: *Impfen ist die einzige echte Langzeitstrategie, die es gibt! Es gibt keine andere wirkliche* (58). – *Вакцинация – это единственная реальная долгосрочная стратегия, которая существует! Другой реальной стратегии не существует; Corona kommt sonst in alle Bereiche hinein* (56). – *Иначе корона проникнет во все области; Es gibt kein wirklich hundertprozentig sicheres anderes Konzept. Die Impfung ist das Beste, was auf dem Markt ist! Deswegen ist es Hoffnung!* (35) – *Нет другой концепции, которая была бы действительно на сто процентов безопасной. Вакцинация – это лучшее, что есть на рынке! Вот почему на нее возлагаются надежды!*; *Aufgrund der Tatsache, dass es mutierte Viren jetzt auch in Deutschland verstärkt gibt, müssen wir ganz klarmachen, dass die Linie von Vorsicht und Umsicht absoluter Maßstab bleiben muss!* (25) – *В связи с тем, что мутировавшие вирусы теперь все чаще появляются и в Германии, мы должны четко заявить, что линия осторожности и благоразумия должна оставаться абсолютным стандартом!*; *Das sind die Parameter Kontakte und es sind die Parameter Mobilität!* (13) – *Это контакты и мобильность; Man soll sich aber keine falschen Hoffnungen machen* (11) – *Но не стоит строить иллюзий; Die Lage ist weiter sehr ernst. Es braucht höchste Sorgfalt* (11) – *Ситуация все еще очень серьезная. Она требует самого пристального внимания.*

Использование количественных данных, отражающих объективность принимаемых решений, находит поддержку у участников эксперимента: Die beiden Bereiche, die vertieft werden, es sind die zwei zentralen Bereiche, die für die Verbreitung des pandemischen Geschehens entscheidend sind (56) – *Две области, которые усиливаются – это две центральные области, которые имеют решающее значение для распространения пандемии.*

Высказывания политика, содержащие обещание успешного выхода из ситуации и социальной поддержки, респонденты считают убедительными: *Wir werden es überstehen!* (44) – *Мы справимся!*; *Distanzunterricht plus Notbetreuung für Kita und für Grundschule. Notbetreuung, wer es braucht!* (23) – *Дистанционное*

обучение плюс группы помощи для детских садов и начальных школ. Группы помощи для тех, кто в ней нуждается!

Апелляция к авторитетному источнику в дискурсе министра-президента также находит отклик среди участников эксперимента: *Das heißt ganz klar auch für Bayern, wie im Bund beschlossen, der Lockdown wird bis Ende Januar, Anfang Februar verlängert und an einigen Stellen vertieft (8).* – Это означает, что и для Баварии, в соответствии с решением федерального правительства, локдаун будет продлен до конца января – начала февраля и в некоторых местах ужесточен.

61 (23 %) немецкоязычный участник эксперимента отметил текст с эпистемической модальностью. Выявлено, что немецкоязычные респонденты реагируют на высказывания, содержащие высокую эпистемическую ответственность политика. С точки зрения немецкоязычных участников наиболее значимыми являются фразы политика *Impfen ist die einzige echte Langzeitstrategie, die es gibt! Es gibt keine andere wirkliche (58)* – Вакцинация – это единственная реальная долгосрочная стратегия, которая существует! Другой реальной стратегии не существует; *Die beiden Bereiche, die vertieft werden, es sind die zwei zentralen Bereiche, die für die Verbreitung des pandemischen Geschehens entscheidend sind (56)* – Две области, которые усиливаются – это две центральные области, которые имеют решающее значение для распространения пандемии; *Wir werden es überstehen! (44)* – Мы справимся!

В приведенном выше тексте респонденты обратили внимание на высказывания, содержащие модальные глаголы *müssen*, *wollen*, прилагательное *absolut*, наречие *ausdrücklich*. Семантическое наполнение этих лексем передает твердость, отсутствие колебаний, сомнений в принятии решений и их исполнении. Данные лексические единицы входят в сферу высокой эпистемической ответственности политика.

2. 5. 2. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов русскоязычных респондентов

Русскоязычным респондентам предложен текст аналогичного содержания, отражающий эпистемическую модальность губернатора Кемеровской области. В ходе экспериментального исследования были определены ключевые слова, обладающие, по мнению участников эксперимента, наибольшим убеждающим воздействием.

Текст 1.

Дорогие жители Кузбасса! Новая коронавирусная инфекция – это огромная угроза для всего человечества. Мы видим, как растет заболеваемость во многих развитых странах. В Кузбассе ситуация относительно благополучная: у нас вирус распространяется не так быстро, как в большинстве регионов страны или в мире. У нас, как Вы знаете, коронавирусом пока заболели три человека. Двое из них успешно выздоровели и уже выписаны домой. Еще один продолжает лечение в больнице. Несколько человек лежат в больницах с подозрением на коронавирус и ждут результатов исследований. Мы используем все доступные ресурсы, инструменты и возможности. Как Вы уже знаете, Президент России Владимир Владимирович Путин и Правительство Российской Федерации пошли на самые серьезные шаги, чтобы обеспечить безопасность людей. Наступившая неделя объявлена нерабочей. Общественный транспорт будет работать в режиме выходного дня. Это не отпуск и не каникулы. Знаю, что на выходных многие гуляли, общались с друзьями, ездили на природу и даже в другие регионы. Если мы все будем слушаться врачей, то сможем избежать тяжелых последствий эпидемии. Люди уже начали получать выплаты. В течение двух недель помощь получают все, кому она полагается, за апрель и до конца месяца – за май. Мы готовимся к введению пропускного режима. Система уже работает в тестовом режиме. Хорошо понимаю людей, которые недовольны этим решением. И в обычной рядовой ситуации такая реакция, конечно, была бы вполне разумной и оправданной. Но мы сейчас находимся в особых, исключительных условиях. Нам

всем угрожает опасная болезнь, от которой уже умерли почти 250 тысяч человек. Я не уверен, справимся ли мы с эпидемией без этой меры. Без пропусков мы не справимся. Человеческая жизнь – это высшая ценность. Мы сможем ее спасти. Если найдем в себе силы потерпеть временные неудобства. Прекрасно понимаю, как сложно столько времени сидеть дома. Вместе мы обязательно преодолеем все трудности.

Эпистемическая модальность политика содержится в репрезентативных и комиссивных речевых актах. Политик основывается на эвиденциальности событий, происходящих в регионе и в стране. В высказываниях политика наблюдается акцент на эмпатии и обращении к чувствам аудитории. Наибольшим суггестивным воздействием, по мнению участников эксперимента, обладает фраза *Человеческая жизнь – это высшая ценность*. Ее эффективность обусловлена не только аксиоматичностью утверждения, но и глубоким эмоциональным откликом. При помощи повторяющихся синтаксических конструкций, содержащих перформативные глаголы *видим, используем, готовимся, предоставляем*, повышается степень эпистемической ответственности политика, так как «перформативное высказывание автоматически верифицируется как истинное» [Падучева, 2016, с. 50].

Апелляция к федеральным политическим акторам *Президент России Владимир Владимирович Путин, Правительство Российской Федерации*, статистическим данным *умерли почти 250 тысяч человек*, применение футуральных конструкций *мы сможем, мы обязательно преодолеем, будет работать*, употребление местоимения-квантификатора *вместе* также способствует усилению персуазивного потенциала высказываний политика.

Многократное повторение инклюзивного местоимения *мы* помогает показать сопричастность губернатора к решению проблем. «Употребление “мы” – это внушение народу-адресату мысли о том, что его интересы учитываются, что все, что ни делается в политике – для его блага» [Хасанов, 2018, с. 46]. Для установления контакта и выражения солидарности с адресатом политик прибегает к определенно-личному предложению *прекрасно понимаю*. Наречие *прекрасно*

выступает в качестве интенсификатора глагола *понимаю* и указывает на высокую степень эмпатии политического актора.

Использование лексических единиц с семантикой угрозы (*огромная угроза для всего человечества, тяжелые последствия, умерли, лежат в больницах, мы сейчас находимся в особых, исключительных условиях, нам всем угрожает опасная болезнь*) активизирует механизм страха, который является мощным стимулом для изменения поведения адресата.

В Таблице 3 приведены результаты эксперимента. Представлено суммарное количество слов и словосочетаний (лексических единиц), которые выделили реципиенты.

Таблица 3. Визуализация результатов эксперимента (С. Е. Цивилев)

<i>компоненты дискурсивной доминанты легитимность</i>	<i>личная ответственность политика</i>	<i>манипуляция ценностями</i>	<i>количественные данные</i>	<i>обещание</i>	<i>апелляция к авторитетному источнику</i>
<i>суммарное кол-во ЛЕ</i>	33	408	126	90	9

Выделенные русскоязычными участниками в ходе выполнения задания фрагменты можно соотнести с компонентами модели легитимного политического дискурса [Силкова, 2024, с. 121].

Высказывания губернатора Кемеровской области, содержащие компонент *личная ответственность политика*, отмечены в ответах респондентов: *Прекрасно понимаю, как сложно столько времени сидеть дома (11); Хорошо понимаю людей, которые недовольны этим решением (11); Мы готовимся к введению пропускного режима (11).*

Наибольшее количество реакций среди русскоязычных участников эксперимента так же, как и среди немецкоязычных испытуемых, получили высказывания политика, которые можно отнести к тематической группе *манипуляция ценностями*: *Человеческая жизнь – это высшая ценность (132); Новая коронавирусная инфекция – это огромная угроза для всего человечества (94); Нам всем угрожает опасная болезнь (62); Мы сможем ее спасти, если*

найдем в себе силы потерпеть временные неудобства (21); *Если мы все будем слушаться врачей, то сможем избежать тяжелых последствий эпидемии (21); Мы видим, как растет заболеваемость во многих развитых странах (17), пошли на самые серьезные шаги, чтобы обеспечить безопасность людей (11); Без пропусков мы не справимся (10); В Кузбассе ситуация относительно благополучная: у нас вирус распространяется не так быстро, как в большинстве регионов страны или в мире (9); Но мы сейчас находимся в особых, исключительных условиях (9); Я не уверен, справимся ли мы с эпидемией без этой меры (8); Дорогие жители Кузбасса! (7); Вместе мы обязательно преодолеем все трудности (7).*

В ответах респондентов встречаются высказывания политика, содержащие количественные данные: *...уже умерли почти 250 тысяч человек (67); пока заболели три человека (22); Мы используем все доступные ресурсы, инструменты и возможности (21); пока заболели три человека, двое выздоровели, один продолжает лечение, несколько лежат с подозрением на коронавирус (8); Двое из них успешно выздоровели и уже выписаны домой (8).*

Обещание материальной поддержки и указание сроков выплат, информирование населения о запланированных действиях также находят отклик у аудитории: *Люди уже начали получать выплаты. В течение двух недель помощь получают все, кому она полагается, за апрель и до конца месяца – за май (73); Общественный транспорт будет работать в режиме выходного дня (17).*

Высказывания, направленные на сплочение общества и апеллирующие к авторитету, соответствуют тематической группе *апелляция к авторитетному источнику*: *Президент России Владимир Владимирович Путин и Правительство Российской Федерации (9).*

По мнению русскоязычных респондентов, легитимирующим потенциалом обладают следующие фразы: *Человеческая жизнь (132), Новая коронавирусная инфекция – это огромная угроза для всего человечества (94), начали получать выплаты, помощь получают все (73), 250 тысяч человек (67), нам всем угрожает опасная болезнь (62).* Как следует из количественного выражения, для российской

аудитории важным критерием для легитимации политических рений является «индексация полезности» политического высказывания [Изотов, 2012, с. 18]. Большинство русскоязычных участников опроса, 155 человек (67 %) выбрали текст, содержащий эпистемическую модальность политика. Они обратили внимание на использование количественных данных и упоминание мер по защите населения. Важным, с точки зрения респондентов, является апелляция политика к авторитету.

Выводы по главе 2

Эпистемическая модальность – модальность, отражающая уверенность политиков в сообщаемой информации, передающая вероятность и возможность развития событий. Анализ эмпирического материала показал, что эпистемическая модальность политиков транслируется в *репрезентативных, комиссивных и бехабитивных* речевых актах и отражается во всех компонентах модели легитимного политического дискурса: *личная ответственность политика – манипуляция ценностями – обещание – использование количественных данных – апелляция к авторитетным источникам.*

Преобладание *репрезентативных речевых актов* при реализации эпистемической модальности можно объяснить их манипулятивным потенциалом. Данный тип речевого акта, отражающий аргументированное мнение политика, является инструментом для построения доверия и поддержки среди избирателей, легитимации политических решений.

В ходе анализа публикаций региональных политиков Германии и России выявлено, что региональные политики обеих лингвокультур прибегают к сходным языковым средствам с легитимирующим потенциалом: *лексемам с семантикой оценки, уверенности, сомнения, этикетным лексическим единицам, антропонимам, лексемам с семантикой количества, лексическим и синтаксическим повторам, метафорам, футуральным формам глагола, императивным конструкциям.*

Использование количественных данных, ссылок на авторитетные источники для подкрепления приводимой в политических высказываниях информации демонстрирует осведомленность региональных политиков о текущих событиях, повышает кредит доверия и способствует формированию общественного мнения. Метафоры, лексические и синтаксические повторы позволяют сделать политические высказывания запоминающимися и убедительными.

Сравнивая данные в количественном и качественном отношении, можно отметить, что в политическом дискурсе министра-президента Баварии и

губернатора Кемеровской области принципиальных отличий в употреблении языковых средств реализации эпистемической модальности не выявлено.

Важным параметром для легитимации политических решений является эпистемическая ответственность, которая в рамках эпистемической модальности связана с категорией эвиденциальности. В процентном соотношении высказывания с высокой и низкой степенью ответственности в текстах политиков не имеют значительных расхождений. В дискурсе М. Зёдера высказывания с высокой степенью ответственности составляют 91 %, в речи С. Е. Цивилева – 80%. В то же время у С. Е. Цивилева наблюдается более высокая доля высказываний со сниженной степенью ответственности (20% против 9% у М. Зёдера).

Для выражения высокой степени ответственности политики используют *лексические единицы с семантикой уверенности, оценки, высокой степени вероятности, количественные лексемы, антропонимы.*

Сниженная эпистемическая ответственность обоих политиков проявляется в употреблении *футуральных форм глагола, модальных глаголов в субъективном значении, лексических единиц с семантикой неуверенности и неопределенности.*

Поддержка электоратом политических решений отражается в следующих компонентах модели: *похвала-оценка – похвала-поддержка – апелляция к участникам интернет-коммуникации.* Отсутствие критики, выражение благодарности, копияльность содержания и лексических единиц из высказываний политика, употребление оценочных лексем с положительной семантикой, призыв комментаторов к интернет-сообществу поддержать вводимые меры послужили основными критериями при определении положительной реакции адресата на высказывания региональных лидеров.

Лингвистический эксперимент показал, что при восприятии текста политика, содержащего эпистемическую модальность, немецкоязычные респонденты реагируют на высказывания *с высокой эпистемической ответственностью.* Русскоязычные респонденты также обращают внимание на *личную ответственность политика, использование количественных данных, указание на авторитетные источники.*

Для обеих групп респондентов важным фактором при выборе текста является *обоснование принятых политиками решений на основе приведенных фактов*. Это свидетельствует о том, что обе группы респондентов ценят логическое обоснование и объяснение принятых решений со стороны политиков.

Как следует из полученных в ходе эксперимента данных, выбранные респондентами лексические единицы соотносятся с составляющими модели легитимного политического дискурса, что подтверждает корреляцию между языковыми средствами, реализующими субъективную модальность политика, и восприятием легитимности политического дискурса у аудитории.

ГЛАВА 3. ДЕОНТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

В главе рассматривается легитимирующий потенциал средств реализации деонтической модальности в публикациях политических акторов Германии и России. Анализ немецкоязычного непрофессионального политического дискурса показал, что 703 легитимирующих комментария являются реакцией на высказывания, содержащие деонтическую модальность министра-президента Баварии. В русскоязычном непрофессиональном политическом дискурсе выявлено 514 легитимирующих комментариев к публикациям губернатора Кемеровской области. В данной главе представлены данные, полученные в ходе лингвистического эксперимента.

3. 1. Деонтическая модальность в политическом дискурсе региональных политиков Германии и России

Деонтическая модальность отражает необходимость и возможность выполнения поставленных задач в соответствии с законом, нормами, конвенциональными правилами поведения. Деонтическая модальность напрямую соотносится с такими понятиями, как мораль, право, социальная и институциональная ответственность, оценка и отражает способ, с помощью которого разрешается / запрещается совершать действие [Wright, 1951, p. 5]. Данный тип субъективной модальности характеризуется наличием у говорящего пресуппозиции «законности выдвигаемой им цели» [Григорьева, 2007а, с. 68], права требовать, разрешать, запрещать или предписывать определенные действия. Закон и мораль могут стимулировать общество или требовать его активного участия в решении определенной проблемы, «управлять социальным действием, связывая волю акторов и определенным образом ее ориентируя» [Хабермас, 2001, с. 20].

Деонтическая модальность связана с оценкой, которая соответствует долженствованию и ориентирована на нормативные требования. При этом «субъект высказывания может рассматриваться как источник соответствующих предписаний, определяющих тип оценки «хорошо/плохо», что выявляется в предписывающих высказываниях» [Вольф, 2002, с. 123]. Например, в высказывании *Находиться в местах общественного пользования – опасно для жизни* имплицитно передается совет политика избегать мест скопления людей, потому что это может *плохо* отразиться на здоровье. Оценочный субъект трактуется как источник оценочных предписаний: *Это хорошо = Я это рекомендую*. Совет *рекомендую оставаться дома* имплицитно передает точку зрения политика о том, что пребывать во время пандемии дома – *хорошо* для здоровья населения.

Предписываемое действие может быть оценено адресатом и адресантом по-разному. Действие, которое политик рассматривает как положительное, комментатор может оценить отрицательно. Осознавая это, политик в своей речи заменяет лексемы с семантикой запрета (*запрещаю, нельзя и т. п.*), имеющие негативное воздействие, на лексемы с положительной или нейтральной коннотацией (*рекомендую, советую*).

В группу анализируемых высказываний, выражающих *деонтическую модальность*, объединены фрагменты текстов политиков, содержащие директивные речевые акты с семантикой *призыва, просьбы, разрешения, запрета*, так как «семантика речевого акта определяется иллокутивной целью высказывания» [Красина, 2010, с. 30]. Директивный речевой акт соотносится с облигаторностью действия, предписываемого для выполнения адресату. В условиях повседневной деятельности, не связанной с необходимостью беспрекословно подчиняться приказам, перлокутивный эффект директивного речевого акта во многом зависит от тональности высказывания. Поэтому политические акторы часто подменяют один речевой акт другим. Например, политик, обращаясь к населению, имплицитно требует или приказывает нейтральными лексемами и синтаксическими конструкциями, поэтому запрет в речи политика оформлен речевым актом *совет/рекомендация*. Названные выше

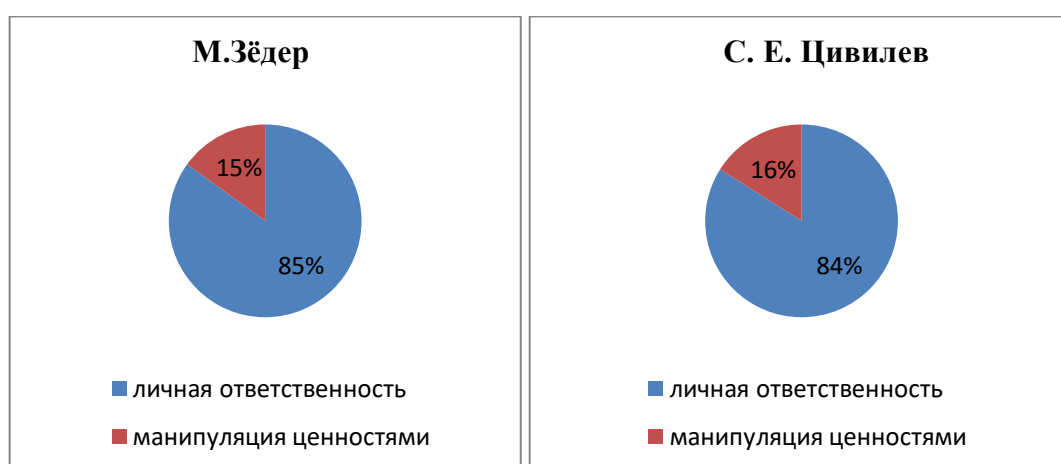
речевые акты соотносятся с коммуникативно-прагматической сферой *обязанность* (Схема 3). Согласно Большому толковому словарю русского языка, «*обязанность* – это то, что является обязательным для выполнения в соответствии с законом, какими-либо инструкциями, правилами; то, что необходимо сделать в соответствии с договоренностью, традицией, сложившимися обстоятельствами, внутренними побуждениями; то, выполнение чего является частью служебной работы, входит в круг действий, связанных с исполнением какой-либо должности» [Большой толковый словарь русского языка, 1998].

Схема 3. Реализация деонтической модальности в речевых актах

деонтическая модальность			
коммуникативно-прагматическая сфера <i>обязанность</i>			
призыв	просьба	разрешение	запрет

В рамках *деонтической модальности* модель легитимного политического дискурса представлена двумя компонентами модели легитимного политического дискурса: *личная ответственность* и *манипуляция ценностями* (Диаграмма 5).

Диаграмма 5. Количественное выражение лексических единиц, формирующих компоненты модели легитимного политического дискурса в деонтической модальности



Личная ответственность реализуется через перформативные глаголы *bitten* (35) / *просить* (18), *Appell* (7) / *призывать* (9);

лексические единицы с семантикой запрета, разрешения: *wichtig* (26) / *важно* (15), *müssen* (65), *haben + zu + Infinitiv* (17) / *необходимо* (39), *должны* (27), *нужно* (25), *надо* (18), *erlaubt* (28) / *разрешено* (24), *können* (18), *dürfen* (11), *möglich* (11) / *можно* (26), *Empfehlung* (12) / *рекомендовано* (10), *verboten* (9) / *нельзя* (7), *запрещено* (2), *Ausgangssperre* (4), *Lockdown* (14).

Манипуляция ценностями выражена лексическими единицами, объединенными общей тематикой: *schützen* (9) / *защитить* (10), *bleiben Sie zu Hause* (15) / *оставаться дома* (23), *Empfehlungen folgen* (14), *an die Regeln halten* (12) / *соблюдать меры* (12), *Verantwortung* (13) / *ответственность* (18), *Vernunft* (16) / *разумно* (9).

Представленные лексические единицы, реализующие деонтическую модальность, являются языковым инструментом, помогающим политическим акторам выстраивать легитимный дискурс.

3.2. Деонтическая модальность в речевых актах регионального политика Германии М. Зёдера

3.2.1. Директивный речевой акт *призыв* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

Речевой акт *призыв* выступает в роли иллокутивного акта, при котором говорящий явно или неявно побуждает слушателя к выполнению определенного действия [Корзова, 2024, с. 1892–1893]. Покажем результаты анализа фрагментов публикаций немецкоязычного политика, содержащих речевой акт *призыв*, и интернет-комментариев к ним.

В приведенном высказывании деонтическая модальность необходимости выражена имплицитно:

*Deswegen **hat jeder eine Verantwortung**, auf diese Herausforderung **zu reagieren**.*

– Поэтому каждый обязан реагировать на этот вызов [Facebook,⁴ 2020, URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/>].

Легитимация действий власти в условиях кризиса зависит от уровня ответственности как со стороны граждан, так и со стороны политиков. В семантике конструкции *hat jeder eine Verantwortung ... zu reagieren* отражено требование политика участвовать в мероприятиях по предотвращению распространения эпидемии. Он апеллирует к моральному и общественному долгу каждого жителя Баварии.

В условиях неопределенности политическим лидерам важно чувствовать поддержку и одобрение для легитимации своих действий. Реакцией на приведенное высказывание политического актора явились следующие тексты интернет-комментаторов, в которых авторы полностью одобряют действия политика:

Rafael Sebastian: Ein Mann ein Wort, Söder (Bundeskanzler) – Человек слова, Зёдер (канцлер).

Согласно немецкоязычному толковому словарю, идиома *Ein Mann ein Wort* характеризует человека, на слово которого можно положиться (*auf die Ankündigung, Aussage dieses Mannes ist Verlass*) [DWDS]. Данное выражение вербализует положительную оценку действий политика и способствует формированию у реципиента мысли о том, что региональный лидер заслуживает доверия, а значит, может и должен претендовать на более высокую должность.

В комплиментарном высказывании пользователя под ником *Armin Dörfler* создается образ компетентного лидера: **Klasse Herr Ministerpräsident Dr. Söder, sehr sachlich und professionell. Machen Sie weiter so – Отлично, г-н министр-президент д-р Зёдер, очень профессионально. Продолжайте в том же духе.**

Автор использует этикетное обращение к политику в форме антропонима с указанием социального статуса (*Herr Ministerpräsident Dr. Söder*), тем самым признает авторитет министра-президента, поддерживает и оправдывает его

⁴ Facebook – запрещен в РФ.

политические решения. Субъективная оценка комментатора выражается через лексемы *klasse*, *sachlich*, *professionell*, которые указывают на совпадение ценностей автора отклика и ценностей, транслируемых министром-президентом.

В следующем комментарии автор копирует лексему *Verantwortung*, которая является ключевой в высказывании политика, и вкладывает в нее другой смысл: он хвалит политика за его ответственность и обоснованность принимаемых решений. Комментатор положительно оценивает действия М. Зёдера, используя мелиоративную оценочную лексику:

Andreas Maurer: *Sie sind zurzeit einer der wenigen Politiker denen man abnimmt was sie sagen auch Hand und Fuß hat. Sie sind für mich der einzig würdige Nachfolger als Kanzler für unser Land, in einer Krise merkt man erst wer der Richtige für solch eine Verantwortung ist. Ich hoffe sie bleiben gesund und uns lange erhalten –* На данный момент вы один из немногих политиков, которым можно верить в то, что они говорят. Для меня вы – достойный преемник на посту канцлера нашей страны, ведь в условиях кризиса только тогда понимаешь, кто подходит для такой ответственной должности. Надеюсь, вы будете здоровы и останетесь с нами надолго.

Автор комментария выделяет министра-президента Баварии из числа других региональных лидеров (*einer der wenigen Politiker*), оценивая его профессионализм. Положительное отношение к политику передается синтагмой *denen man abnimmt was sie sagen auch Hand und Fuß hat*.

Авторы откликов *Sa Lü* и *Melli Schmidt* едины во мнении, что политик не только призывает к ответственности, но и сам является образцом для подражания:

Sa Lü: *Einfach nur verantwortungsbewusstes Handeln. Vielen Dank! – Просто ответственное поведение. Большое спасибо!;*

Несмотря на лаконичность, комментарии содержат значимую для легитимации положительную оценку. Посредством лексики *verantwortungsbewusst* создается образ ответственного политика, так как значение данной лексики – действие, которое человек совершает, учитывая последствия своих поступков и принимая на себя ответственность за них [DWDS]. Автор обращается к министру-

президенту со словами благодарности *Vielen Dank*, использование данного этикетного выражения свидетельствует о признании усилий главы Баварии и эффективности принятых им решений.

Melli Schmidt: Vielen Dank Herr Söder. Sehr gut und verantwortungsvoll reagiert. Wir stehen hinter Ihnen und Ihren Entscheidungen. Großes Lob an unsere bayerische Regierung! – Большое спасибо господину Зёдеру. Вы отреагировали очень хорошо и ответственно. Мы поддерживаем вас и ваши решения. Высокая оценка нашего баварского правительства!

Наречие *verantwortungsvoll* так же, как и в предыдущем комментарии, указывает на ответственное поведение политика, связанное с принятием решений. Идиоматическое выражение *Wir stehen hinter Ihnen* транслирует поддержку политическому актору. Предлог *hinter* имеет значение *за, позади*. Таким образом, фразеологическая единица транслирует следующий смысл: мы не просто поддерживаем Вас, но и чувствуем себя в безопасности. Использование коллективного местоимения *wir* указывает на то, что комментатор выражает мнение группы людей или считает, что его мнение разделяют другие. Словосочетание *Großes Lob* вербализует похвалу действиям администрации региона.

Автор следующего комментария одобряет действия политика, но выражает недовольство по поводу безответственного поведения людей, игнорирующих введенные меры:

Irmgard Hoffmann: Ich finde das sorglos und nicht gerade verantwortungsvoll wie viele Menschen noch draußen herumlaufen. Lernt man denn nichts aus den Ländern wo das Virus wütet? Keiner möchte zuhause eingeschlossen sein, aber wenn es Menschen rettet ist das doch eine Notwendigkeit. – Я думаю, что это беспечно и совсем не ответственно, что многие люди все еще гуляют на улице. Неужели нас ничему не учат страны, где бушует вирус? Никто не хочет быть запертым дома, но если это спасает людей, то это необходимо.

Комментатор, подобно политику, призывает членов интернет-сообщества вести себя ответственно. В своем отклике он поддерживает призыв главы региона

нести коллективную ответственность за здоровье всего населения Баварии. Используя оценочную лексему *sorglos* и дериват от лексемы *Verantwortung*, заимствованной из речи политика, пользователь Сети *Irmgard Hoffmann* указывает на несоблюдение согражданами введенных мер. Автор приводит в пример другие страны, используя риторический вопрос *Lernt man denn nichts aus den Ländern wo das Virus wütet?* Он апеллирует к чувству страха реципиента посредством метафоричного употребления лексемы *wütet*, которая представляет вирус как нечто, обладающее мощной разрушительной силой. Комментатор прибегает к таким экспрессивным лексическим единицам, как *eingeschlossen sein*, *Menschen retten*. С помощью противительного союз *aber* автор противопоставляет нежелание быть запертым дома и необходимость спасти человеческую жизнь, что усиливает эмоциональное воздействие на адресата.

Среди комментариев к публикации политика выделены отклики с легитимирующим потенциалом, в которых авторы требуют более решительных мер от политического актора и выражают готовность поддержать даже крайние ограничения:

Robert Wolf: *Verhängen Sie die Ausgangssperre! Sofort! – Введите комендантский час! Немедленно!*

Директивность высказывания заключается в уверенности автора в необходимости введения решительных мер и передается средствами экспрессивного синтаксиса: парцелляцией предложений, императивными конструкциями, параграфемными знаками. Лексема *somit* выражает, что действие следует выполнить в кратчайшие сроки [DWDS]. В отклике прослеживается копиальность речевого акта *призыв*. Комментарий создает впечатление массового запроса на ужесточение уже принятых мер, что в данном контексте подразумевает наличие у политического актора так называемого «социального мандата».

В следующем директивном высказывании модальность политика выражена модальным глаголом *müssen*:

Wir müssen jetzt alle eines bewahren: Geduld. Wir müssen jetzt alle eines zeigen: Verständnis. Und wir müssen alle eines mitbringen: Kraft. Kraft, in dieser Zeit auch

denen besonders Mut zu **machen**, die sich nicht so leicht mit dieser Situation anfreunden können. – Мы все должны сохранить одно: терпение. Сейчас мы все должны проявить одно: понимание. И все мы должны иметь одно: силу. Силу, чтобы поддержать в это время тех, кому нелегко в этой ситуации [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/366343133439370/videos/211306313461254>].

М. Зёдер прибегает к деонтической модальности с прагматической целью: сохранять спокойствие, проявлять терпение, а значит, соблюдать введенные ограничения. Высказывание политика построено на лексических единицах, репрезентирующих положительные качества человека: *Geduld, Verständnis, Kraft, Mut*. Лексические и синтаксические повторы, парцелированные предложения передают эмоциональный заряд речи политического лидера Баварии и усиливают суггестивное воздействие на сознание реципиента. В данном высказывании модальный глагол *müssen* не только служит для указания на необходимость действий, но и создает ощущение единства и общей ответственности, что особенно важно в контексте политических обращений. Конвергенция указанных языковых средств направлена на то, чтобы адресат безапелляционно принял точку зрения политика.

Приведенное высказывание политика не получило большой поддержки среди интернет-пользователей. Тем не менее выявлены комментарии, в которых авторы одобрительно оценивают работу политика, например:

Angelique Gampper: Wir Deutschen haben in der Vergangenheit viel geschafft, wir schaffen auch jetzt viel. Wir sind eine Nation, und jetzt halten wir alle zusammen. Allen hier viel Kraft. Am Ende wird alles gut wir schaffen das, nur alle müssen tun was geht. Das muss und wird uns zusammen schweißen. Wir müssen positiv denken. – Мы, немцы, со многим справились в прошлом и со многим справляемся сейчас. Мы – одна нация, и теперь мы все держимся вместе. Всем присутствующим – много сил. В конце концов, все будет хорошо, мы пройдем через это, мы просто должны сделать все, что в наших силах. Это должно и будет сплачивать нас. Мы должны мыслить позитивно.

Комментарий обладает выраженным легитимирующим потенциалом. Автор обращается к интернет-сообществу, используя глагол *schaffen* в трех временных формах с референцией к прошлому, настоящему и будущему (*haben in der Vergangenheit viel geschafft, wir schaffen auch jetzt viel, wir schaffen das*). Такой прием придает экспрессивность высказыванию и обладает суггестивным потенциалом. Коллективное местоимение *wir*, указание на национальную принадлежность *Wir Deutschen, Wir sind eine Nation* способствуют формированию у адресата чувства сплоченности. Уверенность в положительном результате передается на лексическом и грамматическом уровнях глагольными формами в настоящем (*zusammenhalten*) и будущем времени (*zusammenschweißen*). Кроме того, модальный глагол *müssen* в субъективном значении отражает высокую степень уверенности в словах адресанта.

Следующее высказывание политика, произнесенное в контексте небольшого ослабления ограничительных мер, также содержит директивный речевой акт *призыва*:

Öffnen statt Sturheit! Aber doch eben vernünftig anpassen und Schritt für Schritt gehen. – *Открытость вместо упрямства, но при этом необходимо разумно адаптироваться и идти шаг за шагом* [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3758585160881800>].

Политик прибегает к синтаксическим конструкциям с глаголом в повелительном наклонении *öffnen*. «Императив обладает прямой коммуникативной направленностью, предписывающей адресату активное действие» [Корзова, 2024, с. 1893]. Разумная адаптация, постепенность и последовательность действий – это универсальные принципы выживания. К тому же при изменении предложения путем подстановки модального глагола *müssen* вскрывается значение необходимости: *Wir müssen offen sein, vernünftig anpassen und Schritt für Schritt gehen*.

Приведенные ниже комментарии отражают положительную реакцию интернет-пользователей на решение политика открыть некоторые социально значимые места.

Angelika Teich: *Danke Herr Söder für Ihren vorsichtigen Weg. Jedoch würde ich Familien jetzt offiziell wieder erlauben sich zu sehen/besuchen – Спасибо, господин Зёдер, за осторожный подход. Однако теперь я бы официально разрешила семьям снова видаться/навещать друг друга.*

Комментатор одобряет последовательный, постепенный курс политика, используя этикетную формулу благодарности *Danke* и лексему *vorsichtig*, обращается к политику с просьбой снять еще больше ограничений, прибегая к противительному союзу *jedoch* и сослагательному наклонению *würde ... erlauben* для вербализации просьбы.

Комментаторы обращаются и к другим пользователям:

Melanie Kühnert: *Wer jetzt noch nicht verstanden hat, warum wir so gut dastehen im Gegensatz zu anderen Ländern, wird es auch nicht mehr verstehen. Es kommen doch Lockerungen und das nächste sind Familien. Aber mit Plan. **Gebt ihm die Chance ein Konzept aufzustellen, welches dann auch funktioniert.** Nicht wie Herr Laschet! Schulen planlos öffnen und nach ein paar Tagen wieder schließen zu müssen. Es wird auch Vorgaben geben, an die man sich halten muss, wenn man seine Familie trifft. Aber dann dauerhaft. Was hilft es mir, wenn ich meine Familie zwei Wochen sehen darf und dann alles wieder runter gefahren wird. **GEDULD** ist leider eine Eigenschaft, die nicht jeder hat. Ja, es ist jetzt eine lange Zeit und ja auch mir fehlt meine Familie. **Aber er wird schon wissen, wie er vorzugehen hat!** Das nächste sind Familien und da bin ich schon gespannt, **wie er das umsetzt.** – Тот, кто еще не понял, почему у нас все так хорошо по сравнению с другими землями, уже не поймет. Грядет послабление мер, и на очереди – семьи. Но по плану. Дайте ему возможность разработать концепцию, которая действительно работает. Не то что г-н Лашет! Бессистемно открывать школы и через несколько дней снова их закрывать. Кроме того, будут правила, которых нужно будет придерживаться при встрече с семьей. Но тогда постоянно. Что толку, если я смогу увидаться с семьей на две недели, а потом все снова закроется? К сожалению, терпение – это качество, которое есть не у всех. Да, прошло много времени, и да, я тоже скучаю по своей семье. Но он будет знать,*

как действовать дальше! Следующее – это семья, и я с нетерпением жду, когда он это реализует.

Выразительность отклика передается конвергенцией стилистических средств: восклицательными предложениями, парцелляцией, супраграфемикой, императивными конструкциями. Автор обращается к пользователям интернет-сообщества с призывом проявить терпение (*Geduld*), апеллирует к ценностям сообщества (*Familie*), призывает дать министру-президенту Баварии время, чтобы он смог принять правильное решение. Комментатор сравнивает положение дел в других землях Германии и приводит в пример непоследовательные действия главы земли Северный Рейн-Вестфалия, которые ведут к возобновлению ограничительных мер.

В директивном речевом акте *призыв* отражается стремление политика к диалогу и совместным действиям с гражданами. Политик оперирует модальными глаголами с семантикой долженствования и синонимичными конструкциями, лексическими единицами, отражающими общечеловеческие ценности, лексическими и синтаксическими повторами, парцелляцированными предложениями, императивными конструкциями.

Анализ интернет-комментариев к публикациям баварского регионального лидера показал, что авторы поддерживают и критикуют политические призывы, отражая общественные настроения. При этом они копируют содержание политических высказываний министра-президента, используют лексемы с семантикой похвалы, апеллируют к ценностям членов интернет-сообщества, делятся персональным опытом.

3.2.2. Директивный речевой акт *просьба* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

Адресант, обращаясь с просьбой к аудитории, не просто передает информацию, но и ожидает от нее определенной реакции. Приведем высказывание министра-президента Баварии, реализованное в речевом акте *просьба*. Основная

интенция обращения к гражданам: не ослаблять бдительность, помнить о рисках, проявлять ответственность:

***Eine große Bitte habe ich:** Wenn man rausschaut, das Wetter ist super. Und ich hab ‘Verständnis, dass es einen rausdrängt. Aber **bitte auf die Regeln achten**, die dabei gelten! <...> **Bitte nicht vergessen:** Es sterben jeden Tag viele Menschen. Und es liegen sehr viele Menschen auf den Intensivbetten. Und unser Gesundheitssystem, das wir täglich ertüchtigen, ist auch jetzt schon an der Kapazitätsgrenze. Deswegen: **Bitte, bitte darauf achten!** – У меня есть большая просьба: если вы посмотрите в окно, погода отличная. И я понимаю, что вы чувствуете желание выйти на улицу. Но, пожалуйста, соблюдайте действующие правила! <...> Пожалуйста, не забывайте: Каждый день умирает много людей. И многие люди лежат в реанимации. А наша система здравоохранения, которую мы модернизируем каждый день, уже находится на пределе своих возможностей. Поэтому: Пожалуйста, пожалуйста, соблюдайте правила!* [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3676326722440978>].

В анализируемом тексте субъективная модальность политика выражается через многократное повторение лексемы *bitte*, актуализирующей намерение главы региона побудить жителей Баварии придерживаться установленных в период пандемии предписаний. М. Зёдер обращается к населению с просьбой следовать определенным правилам, подчеркивая важность их соблюдения в контексте текущей ситуации. В своей речи региональный лидер демонстрирует эмпатию, признавая естественное желание людей проводить время на свежем воздухе *Und ich hab ‘Verständnis, dass es einen rausdrängt*. Для воздействия на адресата он апеллирует к эмоции страха, прибегая к следующему аргументу: *Bitte nicht vergessen: Es sterben jeden Tag viele Menschen*. Политик манипулирует статистикой *Und es liegen sehr viele Menschen auf den Intensivbetten*. Фактуальная информация о текущем положении дел придает достоверность сказанному и, вероятно, помогает добиться нужного перлокутивного эффекта.

Данное высказывание политика нашло отклик у большого числа реципиентов. Жители Баварии готовы выполнить просьбу министра-президента:

Renate Längl: Herr Söder Sie werden mir immer sympathischer. Man hat das Gefühl Sie leiden mit uns! Danke nochmal für die erneute Erinnerung. Jeder, der sich nicht an die Regeln hält, sollte doch bitte eine Verzichtserklärung für Pflege, intensivbett, Beatmung unterschreiben. – Господин Зёдер, Вы становитесь мне все более симпатичным, возникает такое чувство, что Вы страдаете вместе с нами! Еще раз спасибо за напоминание. Всем, кто не соблюдает правила, просьба подписать отказ от медицинского ухода, реанимационных коек и ИВЛ.

Автор поддерживает позицию главы региона (*Danke nochmal für die erneute Erinnerung*). Посредством высказывания *man hat das Gefühl Sie leiden mit uns* комментатор реагирует на выражаемую политиком эмпатию. Симпатизируя министру-президенту, автор легитимирует его решения (*Herr Söder Sie werden mir immer sympathischer*). Слова поддержки и благодарности в адрес политика сменяются критикой в адрес жителей Баварии и других регионов, которые игнорируют введенные ограничения. Автор отклика выдвигает предложение по борьбе с нарушителями (*Jeder, der sich nicht an die Regeln hält, sollte doch bitte eine Verzichtserklärung unterschreiben*). Требование комментатора звучит достаточно жестко вследствие использования конструкции с модальным глаголом *sollen* (*sollte doch bitte*). Частица *doch* в данном контексте усиливает выражение недовольства поведением сограждан.

В следующем комментарии, апеллируя к высшей ценности для любого человека – жизни, автор показывает на личном примере, что можно и нужно соблюдать рекомендации:

Jennifer Meier: Ich weiß nicht warum manche hier meckern ich bin froh über Herr Söders Entscheidung... Jeder kann dazu was beitragen einfach mal hören! Mir und meiner Familie ist das Leben sehr wichtig deswegen halten wir uns daran und bleiben soweit es geht zuhause 👍 – Я не знаю, почему некоторые люди здесь жалуются, я рада решению господина Зёдера... Каждый может внести свой вклад, просто послушайте! Для меня и моей семьи жизнь очень важна, поэтому мы придерживаемся правил и остаемся дома пока это возможно.

Приведенный отклик не только подтверждает ответственное поведение комментатора (*halten wir uns daran und bleiben soweit es geht zuhause*), но и легитимирует действия власти, подчеркивая, что такие меры нужны для защиты здоровья населения. По мнению американского антрополога Эдварда Холла, одной из национальных черт, присущих немецкому народу, является уважение правового порядка [Hall, 1990]. Фраза *Jeder kann dazu was beitragen einfach mal hören!* является призывом к социальной ответственности, указывает на возможность для каждого жителя Баварии внести свой вклад.

Комментатор **Ralph Lux** также считает решения министра-президента легитимными:

Lieber Herr Dr. Söder, sie sind für mich der einzige der es Begriffen hat und danke das sie es so schnell umgesetzt haben. Wenn sie es jetzt noch schaffen das die Berufsgruppen mehr Geld bekommen sind Sie der absolute Hero für uns. Danke und gesund bleiben. – Дорогой г-н Зёдер, для меня вы единственный, кто это понял, и спасибо, что вы так быстро это реализовали. Если теперь вам удастся сделать так, чтобы представители некоторых профессий получили больше денег, вы станете для нас абсолютным героем. Спасибо и будьте здоровы.

По мнению автора отклика, глава Баварии – единственный, кто действует быстро и решительно (*der einzige der es Begriffen hat und so schnell umgesetzt hat*). Пользователь готов продлить кредит доверия политику. Интенция автора реализована в условном придаточном предложении (*Wenn sie es jetzt noch schaffen das die Berufsgruppen mehr Geld bekommen sind Sie der absolute Hero für uns*). Также автор отклика использует этикетное обращение с указанием докторской степени М. Зёдера и эпитет *der absolute Hero*, что, несомненно, повышает авторитет политика в глазах других интернет-пользователей.

Комментатор **Jürgen Krätschmer-Wuchterl** поддерживает главную интенцию обращения министра-президента: «оставайтесь дома и соблюдайте правила, а кто не соблюдает – должен быть наказан», и выступает за жесткие санкции по отношению к нарушителям:

Schönes Wetter, es werden die Straßen voll sein von Motorradfahrern – **ich würde alle zur Kasse ziehen – ohne ausnahmen!** Es weiß jeder dass man **zu Hause bleiben soll!** – Хорошая погода, на улицах будет полно мотоциклистов – я бы всех заставил платить – без исключения! Все знают, что нужно сидеть дома!

Автор копирует содержание высказывания политика, уточняя категорию граждан, которая не следует введенным рекомендациям (*Schönes Wetter, es werden die Straßen voll sein von Motorradfahrern*). Он возмущен поведением сограждан – все знают, что надо сидеть дома (*Es weiß jeder, dass man zu Hause bleiben soll!*), но сознательно нарушают. Поэтому он предлагает штрафовать всех без исключений (*alle zur Kasse ziehen – ohne Ausnahmen!*).

Автор следующего отклика обращается к согражданам с призывом оставаться дома:

Michael Czech: Nehmen Sie bitte mehr Einfluss mit dieser Haltung auf die Bundesregierung. Ostern kommt – **das schöne Wetter** bleibt. Die Menschen sind egoistisch und unterschätzen das Risiko. **Viele reisen** aus Langeweile durch die Republik. Täglich sehe auf den Autobahnen fremde Kennzeichen. **BLEIBT ENDLICH ALLE DAHEIM!!!** Tun wir es nicht, bringen wir unsere Wirtschaft immer mehr in Gefahr... – Пожалуйста, повлияйте на федеральное правительство. Скоро Пасха – погода хорошая. Люди – эгоисты и недооценивают риск. Многие от скуки отправляются в путешествие по стране. Каждый день вижу иностранные номера на автострадах. **ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА!!!** Если мы этого не сделаем, мы подвергнем нашу экономику еще большему риску....

Для привлечения внимания комментатор прибегает к супраграфемному написанию высказывания (**BLEIBT ENDLICH ALLE DAHEIM!!!**). Он подкрепляет свой призыв аргументом о возможном ухудшении экономического положения при несоблюдении ограничительных мер, выраженном в придаточном предложении условия (*Tun wir es nicht, bringen wir unsere Wirtschaft immer mehr in Gefahr*). Посредством императивной конструкции автор обращается к политику с просьбой распространить «жесткий» курс на весь федеральный уровень. Таким образом, он фактически утверждает, что введенные меры оправданны, но надо вводить их еще

масштабнее (*Nehmen Sie bitte mehr Einfluss mit dieser Haltung auf die Bundesregierung*).

Языковой материал показал, что речевой акт *просьба* в дискурсе политика находит отклик в обществе. Данный тип речевого акта реализован лексическими повторами, манипулятивной лексикой, актуализирующей общечеловеческие ценности, лексическими единицами с семантикой количества.

Интернет-пользователи обсуждают необходимость соблюдения ограничений для защиты здоровья и важность социальной ответственности. Комментарии пользователей свидетельствуют о поддержке позиции регионального лидера. В качестве легитимирующих средств можно выделить копиальность лексических и синтаксических единиц, заимствованных из высказываний политика, использование лексем с семантикой благодарности, обращение к другим участникам интернет-сообщества, демонстрацию личного опыта аторов откликов.

3.2. 3. Директивный речевой акт *запрет* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

Политические высказывания с семантикой запрета помогают политическим акторам установить границы социального поведения. В своих публикациях министр-президент Баварии редко использует лексемы с семантикой запрета, чтобы не вызвать негативную реакцию адресата. Например, в следующих высказываниях главы региона запрет выражен косвенным речевым актом. «Импликация высказывания относится к частотным типам коммуникативного поведения» [Карасик, 2016, с. 70] политического актора. Политик апеллирует к разуму адресата, манипулируя такими ценностями, как здоровье и безопасность. Пресуппозиция приведенных фрагментов – усиление ограничительных мер в связи с ростом заболеваемости.

Das Motto heißt ab Mittwoch, noch mehr als bislang: Daheim bleiben, Kontakte runter. Nur aus einem triftigen Grund das Haus verlassen. Dies ist nicht nur so dahingesagt, das ist auch genau so gemeint: zu Hause bleiben. – Со среды девиз еще

больше, чем раньше: оставайтесь дома, сократите количество контактов. Выходите из дома только по уважительной причине. Это не просто сказано, это именно то, что подразумевается: оставайтесь дома [Facebook, 2020, URL: <https://fb.watch/2oj1z7Iy31/>].

В данном высказывании запрет выражен имплицитно. Речевой акт реализован императивными конструкциями, указывающими на необходимость оставаться дома (*Daheim bleiben, Nur aus einem triftigen Grund das Haus verlassen*). Посредством ограничительной частицы *nur* создается контраст между разрешенными (*aus einem triftigen Grund*) и запрещенными действиями (*Daheim bleiben*). Кроме того, министр-президент подменяет уместное в данной ситуации слово *приказ* на слово *девиз* – *das Motto*. Такие речевые средства помогают политику воздействовать на поведение граждан в условиях пандемии.

Следующее высказывание М. Зёдера также содержит имплицитный запрет: *Und wir **haben** jetzt einfach die Aufgabe zu Weihnachten und Silvester **mit großer Vernunft zu agieren**.* – И теперь перед нами стоит задача просто действовать с большим здравым смыслом в канун Рождества и Нового года [Facebook, 2020, URL: <https://fb.watch/2oj1z7Iy31/>].

Грамматическая конструкция с семантикой долженствования *haben + zu + Infinitiv* играет активную роль в формировании убеждающих высказываний наряду с модальными словами со значением уверенности, обладающими скрытым перформативным характером [Григорьева, 2007б, с. 35]. Скрытый запрет на массовые празднования передается посредством указанной конструкции и лексемы *Vernunft*, усиленной прилагательным *groß* для эмоционального воздействия на аудиторию.

Приведенные ниже комментарии представляют собой положительную реакцию на запрет, имплицированный в высказываниях политика. Авторы не только поддерживают решение министра-президента, но и мотивируют окружающих на соблюдение ограничений:

Malalai Safi: Die drei Wochen sind entscheidend es müssen alle mitmachen. Wenn alle vernünftig wären, daheim bleiben und die Kontakte reduzieren. Kriegen wir

die Zahlen **runter**. Wenn es nötig ist kann man auf bestimmte Sachen verzichten um, das Leben von den anderen zu beschützen. – Эти три недели имеют решающее значение – все должны быть вовлечены в процесс. Если бы все были благоразумны, оставались дома и сократили контакты. Мы бы снизили число заболевших. При необходимости можно отказаться от некоторых вещей, чтобы защитить жизнь других;

So Ki: *Hallo! Zuerst einmal danke für die gute Arbeit* – so viel Verantwortung zu haben muss unglaublich anstrengend sein. *Ich verstehe, dass auch an den Feiertagen die Ausgangssperre gelten soll – man kann sich leider nicht auf die Vernunft aller verlassen. Also: Dafür!* – Во-первых, спасибо вам за хорошую работу – такая большая ответственность должна быть невероятно напряженной. Я понимаю, что комендантский час должен действовать и в праздничные дни – к сожалению, нельзя полагаться на здравый смысл каждого. Так что: за!

Комментарии отражают настроение авторов и их мнения относительно важности соблюдения введенных мер. Копируя слова политика, авторы откликов выражают поддержку его решениям, демонстрируют свое согласие (*Daheim bleiben/zu Hause bleiben, Kontakte runter, mit großer Vernunft zu agieren*). Легитимация введения локдауна и комендантского часа как меры по защите общества в условиях пандемии происходит посредством приведения аргументов в пользу соблюдения ограничений. Например, комментатор *Malalai Safi* обращает внимание других пользователей на возможность успешного выхода из кризисной ситуации при условии соблюдения ограничительных мер: *Wenn alle vernünftig wären, daheim bleiben und die Kontakte reduzieren. Kriegen wir die Zahlen runter*. Другой участник интернет-сообщества под ником *So Ki* благодарит главу Баварии за надлежащее исполнение должностных обязанностей и выражает одобрение принятым решениям политика, объясняя свое мнение тем, что не все люди могут вести себя разумно, поэтому требуется введение запрета: *Ich verstehe, dass auch an den Feiertagen die Ausgangssperre gelten soll – man kann sich leider nicht auf die Vernunft aller verlassen. Also: Dafür!* Таким образом, комментаторы не только

демонстрируют поддержку введенных мер, но и подчеркивают важность ответственности каждого жителя Баварии в борьбе с пандемией.

Проанализированный материал показал, что политические высказывания с семантикой запрета необходимы в установлении границ социального поведения, особенно в условиях пандемии. Апеллируя к сознательности граждан и подчеркивая значимость здоровья и безопасности, политик использует косвенные речевые акты, чтобы избежать негативной реакции. Высказывания, содержащие императивные конструкции и выражения с семантикой долженствования, создают эмоциональное воздействие и направляют общественное поведение в русло, нужное политическому актору. Положительная реакция пользователей социальных сетей свидетельствует о вовлеченности граждан в процесс соблюдения санитарных норм и транслирует поддержку введенных ограничительных мер.

3.2.4. Директивный речевой акт *разрешение* в политическом дискурсе регионального политика Германии М. Зёдера

В отличие от запрета, разрешение в публикациях политика выражено эксплицитно. В следующих высказываниях речь идет об ослаблении некоторых ограничений в Баварии, принятых в соответствии с улучшением эпидемиологической ситуации:

Wir überstürzen nichts. Der Handel in Bayern kann bis zu 800qm öffnen, Gottesdienste sind ab 4. Mai wieder möglich. Sport/Spaziergang mit einer haushaltsfremden Person ist erlaubt. – Мы никуда не торопимся. В Баварии можно открывать торговые точки площадью до 800 квадратных метров, церковные службы снова возможны с 4 мая. Разрешены занятия спортом и прогулки с человеком, не являющимся членом семьи [Facebook 2020, URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3758012754272374&set=a.704543072952706>]

Деонтическая модальность разрешения выражена модальным глаголом *können*, предикатами *möglich sein*, *erlaubt sein*. В высказывании *Wir überstürzen nichts* отражена установка политика на необходимость взвешенно принимать

решения в условиях кризисной ситуации. Как институциональное лицо, М. Зёдер устанавливает ограничения. В качестве языковых средств политик использует предлоги *bis*, *ab*, неопределенный артикль *einer* (*bis zu 800qm, ab 4. Mai, mit einer haushaltsfremden Person*). На синтаксическом уровне субъективная модальность министра-президента представлена прямым порядком слов. Такое построение высказывания отражает уверенность политика в правильности и своевременности принимаемых решений.

Авторы следующих комментариев затрагивают несколько важных аспектов легитимности в контексте приоритетов открытия мест общественного пользования: **Monika Reichert:** *Bei allem Respekt, Herr Minister-President, fallzahlen passen nicht zusammen. Gottesdienste/ einkaufen mit Fremden sind erlaubt, aber den engsten Freundeskreis sehen ist verboten.* – При всем уважении, господин министр-президент, кое-что не сходится. Церковные службы/походы по магазинам с незнакомыми людьми разрешены, но видеться с друзьями запрещено;

Betty Szűcs: *Bevor ich shoppen gehe, in Gottesdienste, an Versammlungen oder Demos teilnehme, würde ich vorher gerne ganz legal meine Familie besuchen wollen aber die paar Tage mehr schaffen wir auch noch...* – Прежде чем отправиться за покупками, посетить церковные службы, собрания или демонстрации, я бы хотела навестить свою семью на законных основаниях, но еще несколько дней мы можем подождать.

Взгляды на очередность снятия ограничений авторов откликов отличаются от приоритетов, расставленных главой региона. Тем не менее из комментариев следует, что они легитимируют решения М. Зедера. Такой вывод можно сделать на основе положительной тональности в пропозициональной части высказывания.

Речевой акт *разрешение* также эксплицирован в следующем высказывании министра-президента Баварии:

Natürlich kann man Sport machen oder rausgehen. Aber allein oder eben mit seiner entsprechenden Familie oder mit seiner Beziehung das machen. – Конечно, можно заниматься спортом или гулять на улице. Но только делать это в

одиночку или со своей семьей, или со своими партнерами [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3676326722440978>].

Деонтическая возможность выражена конструкцией *модальный глагол können + Infinitiv*, которая передает разрешение министра-президента выходить на улицу и заниматься спортом во время локдауна, хотя в следующем предложении политик обозначает границы этой возможности посредством противительного союза *aber*, указывающего в данном контексте на определенные ограничения, которые необходимо учитывать. Такой речевой ход создает более четкие рамки для понимания, что разрешение не является абсолютным, а имеет свои границы: *Aber allein oder eben mit seiner entsprechenden Familie oder mit seiner Beziehung das machen.*

Реакцией на проанализированное выше высказывание политика являются следующие комментарии:

Jennifer Meier: *Ich weiß nicht warum manche hier meckern. Ich bin froh über Herr Söders Entscheidung... Jeder kann dazu was beitragen einfach mal hören, mir und meiner Familie ist das Leben sehr wichtig deswegen halten wir uns daran und bleiben soweit es geht zuhause 👍 – Я не знаю, почему некоторые люди здесь жалуются. Я рада решению господина Зёдера... Каждый может внести свой вклад, просто слушать, мне и моей семье жизнь очень важна, поэтому мы придерживаемся правил и остаемся дома пока это возможно 👍.*

Легитимирующий потенциал данного комментария заключается в семантической структуре предложения *ich bin froh über Herr Söders Entscheidung*. Комментатор повторяет лексему *Familie*, что в данном контексте свидетельствует о совпадении ценностей политика и автора отклика. Позитивное восприятие политического решения подкреплено употреблением эмодзи.

Christina Konrad: *Bei uns ist alles ruhig. Gehe fast täglich spazieren und treffe dort viele Radfahrer und Spaziergänger alle halten sich an die Regeln und sind höchstens zu zweit oder mit ihren kleinen Kindern unterwegs. Ich sehe keine Verstöße. Genießt einfach das Wetter und Die Zeit mit der Familie. Ich finde die Situation momentan*

durchaus erträglich, wir dürfen ja noch raus. Und: Wir müssen die Beschränkungen halt hinnehmen, da haben wir nichts zu sagen. – У нас все спокойно. Я гуляю почти каждый день и встречаю много велосипедистов и пешеходов – все они соблюдают правила и гуляют в основном парами или с маленькими детьми. Я не вижу никаких правонарушений. Просто наслаждайтесь погодой и временем, проведенным с семьей. Я думаю, что сейчас ситуация вполне терпимая, нам разрешено выходить на улицу. И: Мы просто должны принять ограничения, у нас нет выбора.

Употребление в тексте комментария лексических единиц *spazieren, Familie dürfen, raus*, семантически схожих со словами политика, свидетельствует о поддержке автором решений политика. Комментатор призывает других пользователей принять установленные ограничения и следовать им *Wir müssen die Beschränkungen halt hinnehmen*.

В анализируемых публикациях политика эксплицитное выражение *разрешения* передается модальными глаголами *können, dürfen* в сочетании с инфинитивной формой глагола, предикатами *möglich sein, erlaubt sein*.

Легитимирующий потенциал интернет-комментариев реализуется посредством лексических единиц, в семантической структуре которых содержатся те же смысловые компоненты, что и в речи политика. Призыв комментаторов следовать установленным правилам является еще одной частью легитимирующей модели.

3.3. Деонтическая модальность в речевых актах регионального политика России С. Е. Цивилева

3.3.1. Директивный речевой акт *призыв* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

Выбор типа директивного речевого акта обусловлен прагматическими условиями его реализации. В условиях пандемии политические лидеры, в том числе на региональном уровне, прибегают к различным мерам для сдерживания

распространения вируса, управления ситуацией и минимизации негативных последствий. Одной из таких мер стал режим введения пропусков. В таких случаях для оптимального достижения цели используется определенный набор поведенческих стратегий [Карасик, 2002, с. 63]. Директивные речевые акты заключают в себе противоречие между стремлением говорящего достичь своей цели и желанием сохранить хорошие отношения с собеседником. Социальные нормы поведения диктуют необходимость сделать общение приятным для его участников. Покажем функционирование речевого акта *призыв* в дискурсе российского губернатора.

Речевой акт *призыв* служит для импликации истинного намерения – побудить население оставаться дома для минимизации распространения заболевания. «Для достижения положительного перлокутивного эффекта, адресант призывает к воле и чувствам адресанта либо апеллирует к его пониманию» [Петрова, 2008, с. 128].

Сегодня очень важно проявить сознательность, ответственность и солидарность. От действий каждого из вас зависит здоровье всех жителей Кузбасса, в том числе самых близких Вам людей: ваших родителей, бабушек и дедушек. Чтобы остановить распространение вируса, каждому из нас нужно соблюдать режим изоляции, оставаться дома. Если мы все будем слушаться врачей, то сможем избежать тяжелых последствий эпидемии. Не выходите из дома без крайней необходимости. Сейчас Ваше здоровье зависит от соблюдения одного простого правила: временно ограничить контакты с другими людьми. Пообщайтесь с близкими людьми: за одним столом, если Вы живете вместе, или по телефону, или через интернет. Выспитесь, посмотрите фильмы или сериалы, почитайте. Только вместе мы сможем защитить наших близких от болезни [Instagram,⁵ 2020, URL: <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/>].

Эффективность сдерживающих мер при борьбе с коронавирусной инфекцией зависит, в том числе, и от количества социальных контактов. Для того чтобы их уменьшить, губернатор обратился к жителям региона с требованием снизить

⁵ Instagram – запрещен в РФ.

социальную активность. Он апеллирует к нравственным и этическим нормам поведения граждан. Приведенный фрагмент из видеопубликации политика состоит из побудительных высказываний, которые выражают призыв к действию. Намерение политика реализовано эксплицитными языковыми единицами: глаголами в повелительном наклонении *не выходите, соблюдайте, общайтесь*, имплицитными императивными конструкциями, выраженными предикатами *важно, нужно*, подчеркивающими необходимость и актуальность призыва. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой, лексема *важный* содержит компонент *нужный, необходимый для кого-л., чего-л.* [Ефремова, 2006]. Актуализация речевого акта *призыв* происходит и посредством сложноподчиненных предложений, что позволяет адресанту объяснить цель обращения к населению и подчеркивает важность соблюдения рекомендаций. Обращение к аудитории посредством местоимения *мы*, местоименных конструкций *каждого из вас, ваше здоровье*, наречия *вместе* создает ощущение коллективной ответственности за выполнение рекомендаций политика, носит манипулятивный характер и усиливает эффект призыва. В кризисной ситуации, когда вопросы безопасности становятся все более острыми, проявление сознательности, ответственности играет ключевую роль. Поддержка и участие местного населения в обеспечении безопасности не только повышают эффективность мер, но и способствуют укреплению доверия и солидарности общества.

Рассмотрение комментариев к данному высказыванию дает возможность обосновать легитимирующий потенциал модальности политика.

Happytatyanka: *Люди, ну почему вам всем кто-то и что-то всегда должен! Ну проявите вы сами гражданскую ответственность! Купите спирт, дезинфицирующие средства, да много чего можно предпринять для своей же безопасности. В интернете масса информации. Да, у меня тоже муж шахтер и приходит домой. На пороге обрабатывает руки, моется обувь, включается кварц, вещи проглаживаем утюгом. Гулять не ходим, открываем окна, одеваемся и дышим. Время сейчас такое, и от всех нас зависит, когда будет снят карантин.*

Сшейте маски, одевайте перчатки. Надо сделать всё, чтобы это скорее закончилось, а не сидеть и не ныть, как маленькие. Сами хоть что-то предпринимайте! А то только критикуете.

Автор комментария копирует тональность обращения политика, использует императивные конструкции (*проявите, купите и т.п.*), заимствует лексические единицы из текста губернатора *зависит, надо*. При этом лексема *надо* в тексте отклика звучит более категорично, резко, чем слово *нужно*, используемое в речи С. Е. Цивилева. Пользователь делится личным опытом борьбы с коронавирусом, предлагает алгоритм действий для того, чтобы обезопасить своих близких.

nataliatelenina3: Что сложного посидеть дома? Это прекрасное время, которое нам предоставлено для нас самих! А самое главное, для нашего спасения!!! Это прервет цепочку передачи инфекции, приостановит нагрузку на нашу медицину. Всем 36.6, будьте разумны...

Автор данного комментария также копирует призывный характер публикации регионального лидера, используя императивную конструкцию. Посредством риторического вопроса *Что сложного посидеть дома?* комментатор акцентирует внимание на очевидности и разумности соблюдения мер, введенных для сохранения жизни населения.

oborneva.l: Читаю все рекомендации, которые люди должны выполнять, как приказы, потом читаю комментарии, потом включаю телевизор и понимаю, что главное – это разум и здравый смысл, желаю всем оставаться людьми! На призыв политика автор также реагирует призывом, чтобы выразить поддержку и одобрение словам губернатора. Эффект эха в комментарии способствует консолидации сограждан для легитимации политических решений.

Легитимация обращения политика к населению происходит посредством вербализации осмысления общего содержания побудительных высказываний политика и копиальности отдельных лексических единиц: *ответственность, посидеть дома, зависит от, сознательность*. Авторы, поддерживая решение главы региона, апеллируют к другим пользователям интернет-сообщества с тем же призывом, что и политик.

Следующее высказывание политика содержит морально-этический призыв не терять силы духа, поддерживать тех, кто более уязвим:

Призываю всех быть сильными и стойкими, помогать тем, кому еще труднее [Instagram, 2020, URL: https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/].

В контексте пандемии *быть сильными и помогать* – значит неукоснительно соблюдать предписания и проявлять гражданскую сознательность. Политик прибегает к употреблению экспрессивного перформатива *призываю* для установления лидерской позиции. Посредством такого обращения к гражданам губернатор демонстрирует свою готовность вести за собой людей, укрепляет свой авторитет и доверие населения. Сравнительная степень наречия *трудно* воздействует на эмоции реципиента, вызывая чувство солидарности и ответственности, активизирует эмпатию, побуждает к действию, так как помощь тем, кому *труднее*, воспринимается как важная и благородная задача.

И. В. Савельева отмечает, что «непрофессиональные личности конструируют свой дискурс согласно идеологическим взглядам и ценностным ориентирам, сложившимся в результате освоения мира повседневности» [Савельева, 2021, с. 69]. Повседневный опыт, социальное взаимодействие в условиях пандемии влияют на формирование ценностей и на то, как люди воспринимают информацию, какие аргументы считают приемлемыми.

Нижеприведенные легитимирующие комментарии также созданы с опорой на текст политика:

novoselov_alexander_kem: А я за! За то чтобы все друженько дома отсиделись пару недель и вышли потом на работу в нормальном режиме! А так затянется на полгода минимум. Надо жёсткие меры. Народ не понимает что делает. Давно бы уже все закончилось, как в Китае, например.

Комментатор поддерживает призыв политика к стойкости и требует введения более решительных и строгих мер. Он солидарен с политиком в том, что важна самоизоляция и мобилизация жителей региона для борьбы с пандемией, а значит легитимирует позицию политика: *надо сплотиться, быть сильными*. Комментатор подкрепляет свою позицию, приводя в качестве аргумента опыт

другой страны. Призыв участника интернет-сообщества к введению в регионе *жестких мер* свидетельствует о стремлении к контролю ситуации, что связано со страхом перед неопределенностью.

В следующем комментарии пользователь под ником *pletka83* также вербализует свои опасения за жизнь, поэтому легитимирует призыв, озвученный руководителем региона:

pletka83: Уважаемый Сергей Евгеньевич. Почитав комментарии, я очень хочу пожелать Вам терпения, терпения и ещё раз терпения. Вот у меня есть планы на будущее, и я хочу быть жива и здорова и согласна, что нас спасёт самоизоляция, так мы хотя бы все сразу не заболеем.

Автор полностью соглашается с тезисом политика о необходимости сплочения для достижения общей цели, признает правильность политических решений (*согласна, что нас спасёт самоизоляция*), желая при этом политику терпения (*хочу пожелать Вам терпения*), что повышает уровень доверия к институциональному лицу. Повтор лексемы *терпение* создает ощущение солидарности с главой региона.

Автор следующего отклика также поддерживает призыв губернатора:

shevchukzinaida2072: Люди, включайте голову, когда пишете, что короны не существует, так как у вас нет знакомых заболевших. В Кузбассе около 2,7 млн жителей, а заболевших на сегодня 166 человек, естественно это ничтожно маленькая вероятность иметь знакомых больных. Хотите 500 т? Тогда будут знакомые и не только заболевшие... Я понимаю тех, кто лишился работы, не все бюджетники, но те, кто конституцией тут машет, не понимаю.

Комментатор апеллирует к рациональному мышлению участников интернет-сообщества посредством статистических данных (*2,7 млн жителей, 166 человек, 500 т*), стилистических приемов, включающих в себя гипофору и гиперболу (*Хотите 500 т? Тогда будут знакомые..*). Такие речевые ходы направлены на то, чтобы манипулировать общественным мнением и акцентировать внимание других пользователей на негативных последствиях в случае несоблюдения рекомендуемых действий.

Комментаторы, опасаясь за свою жизнь, выражают страх перед длительной изоляцией и потенциальными последствиями несоблюдения мер. Упоминание о *самоизоляции* как спасительном средстве указывает на страх перед болезнью и ее последствиями. Интернет-комментаторы выражают недовольство теми, кто не соблюдает карантин, и считают такое поведение потенциальной угрозой для всех.

В следующем высказывании политика вербализовано иллюкутивное намерение побудить людей носить средства индивидуальной защиты и назначить ответственных за соблюдение данного предписания. Однако в этом высказывании проявляется и скрытое намерение политика – ограничить количество контактов:

При посещении магазинов и прогулках необходимо соблюдать социальную дистанцию в 1,5 метра. Чтобы частичное снятие ограничений не вызвало быстрый рост заболеваемости, всем жителям необходимо носить маски или их аналоги в общественном транспорте, на остановках, аптеках, магазинах и в любых общественных местах, расположенных внутри зданий, в помещениях. Ответственность за это несут руководители предприятий и организаций [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/586543775316546>].

Требование политика эксплицировано предикатом *необходимо*, посредством которого политик легитимирует принятые им решения для защиты здоровья населения. Лексема *ответственность* имеет следующее толкование – обязанность отвечать перед кем-либо за безопасность и невредимость кого-либо, правильность и надлежащее осуществление чего-либо, а также обязанность, необходимость отвечать за свои действия, поступки и их последствия [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. Инверсия предложения позволяет акцентировать внимание на лексеме *ответственность*, которая актуализирует важность исполнения распоряжения политика.

Авторы приведенных ниже комментариев одобряют решение политика о частичном снятии ограничительных мер, не допускающих нового витка заболеваемости для того, чтобы люди и бизнес могли воспрянуть.

Зоя Бочкарева: *Конечно пора уже снимать ограничения, но с учетом соблюдения гигиены... Население уже и так настрадалось, да и бизнес на грани банкротства, лето самое время зарабатывать, а здесь такая обстановка... Но ничего, главное верить, что всё хорошее у нас впереди.*

Одобрение действиям политика вербализовано вводным словом *конечно*, словосочетанием *пора уже*. Посредством данных лексических единиц автор выражает уверенность в правильности принятого политиком решения.

Авторы следующих комментариев используют оценочную мелиоративную лексику, при помощи которой озвученные меры расцениваются как *взвешенные, правильные*:

malika: *Все правильно, давно пора*; **Marina Glebova:** *Взвешенно*; **Kirochka:** *правильное решение, все зависит от нас и правильного руководства.*

Посредством синтагмы *все зависит от нас* передается интенция комментатора **kirochka** призвать интернет-сообщество к коллективной ответственности. Одобрение действиям политика передается оценочным прилагательным *правильный*. Таким образом, создается дискурс, в котором граждане и власть совместно несут ответственность за исход ситуации.

В контексте ограничительных мер речевой акт *призыв* в дискурсе губернатора Кемеровской области находит свое применение для побуждения населения соблюдать режим изоляции. Губернатор использует повелительные конструкции и апеллирует к чувству ответственности граждан, чтобы подчеркнуть важность соблюдения рекомендаций. Эффективность этих мер во многом зависит от коллективной сознательности и участия граждан, что подтверждается комментариями пользователей, поддерживающих призывы к ответственности и солидарности.

3.3.2. Директивный речевой акт *просьба* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

Следующие приведенные высказывания политика содержат некатегоричный директив, так как говорящий стремится смягчить прямое воздействие на адресата через просьбу. При этом цель директивного речевого акта остается неизменной – добиться выполнения желаемого действия:

*Прошу всех жителей области серьезно отнестись к этой проблеме...
Прошу всех граждан действовать ответственно, выполнять рекомендации
врачей и оставаться дома.* [Instagram, 2020, URL:
https://www.instagram.com/tv/B_ZrlQXIBo2/?utm_source=ig_web_copy_link].

Некатегоричность упрощает коммуникацию и является этикетным атрибутом действия, которое должно достичь поставленной цели наиболее приемлемым образом [Карасик, 2002, с. 52]. Поэтому приказ в директивном речевом акте политика подменен речевым актом просьбы. «Просьба со стороны вышестоящего обычно является вежливой формой приказа» [Карасик, 2002, с. 52], так как в семантической структуре лексемы *прошу* имеется компонент *добиваться, склонять к исполнению желаемого* [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. Помимо указанного компонента в структуре значения лексемы *прошу* содержится компонент *необходимости выполнения действия* [Там же], что обусловлено контекстом порождения высказывания.

Как следует из приведенных ниже комментариев, авторы откликов легитимируют призыв политика:

konkova2603: Боже ты мой! Люди!!! Какая простуда, когда не успевают хоронить людей??? Почему так все относитесь к этой болезни безответственно??? А в магазин любой зайдешь, столько народа, и стоят в масках три человека, и тут же стоят чихают и кашляют некоторые. До других никак не доходит, чтоб одеть маску. Да если вы себя не жалеете, то родных и детей пожалейте))) Не надейтесь на авось, что пронесет)))

Комментатор легитимирует просьбу главы региона, апеллируя к социальной ответственности участников интернет-сообщества. В качестве аргумента автор приводит личные наблюдения, задействует эмоцию страха. Выразительность комментария передается риторическими вопросами (*Какая простуда, когда не успевают хоронить людей??? Почему так все относитесь к этой болезни безответственно???*), междометиями (*Боже ты мой! Да*), использованием разговорных лексических единиц (*пронесет*), эмотиконами.

Комментарий автора *Photobotany* демонстрирует одобрение принимаемых мер в условиях кризиса:

Поддерживаю все принимаемые меры. Других способов заставить людей сидеть дома просто нет. Автор выражает полное согласие с действиями политика, прибегая к местоимению *все* и лексеме *поддерживаю*, в семантической структуре которой содержится компонент «опора – сила, на которую можно опереться» [Большой толковый словарь русского языка, 1998].

Следующий отклик отражает интенцию автора побудить граждан заботиться о своем здоровье:

olgaravlova4627: Люди сидите дома пожалуйста!!! Персуазивная сила высказывания передается экспрессивным синтаксисом, который помогает воздействовать на эмоциональную составляющую сознания реципиента.

В реактивном дискурсе комментаторов можно выделить отклики, в которых авторы диктуют свои условия легитимации политического решения:

alusa593: Предлагаю все банки, жскх посадить на карантин. Платить хотя бы по 20000 каждому человеку. Продукты лекарство заказывать по телефону, волонтеры пусть развозят. Пусть работают только те чье производство нельзя остановить. Остальные с деньгами будут сидеть дома. Кредиты жскх заморозить. Вот только так все будут довольны и сядут дома. А без денег увы.

С точки зрения комментатора, легитимация политического решения возможна при выполнении политиком действий, предлагаемых автором отклика. Однородное синтаксическое построение высказываний придает отклику

лозунговый характер. О. В. Запрудская к ключевым особенностям лозунга относит предельную сжатость и суггестивность [Запрудская, 2024, с. 27]. Отсутствие развернутой аргументации и апелляция к эмоциям свидетельствуют о стремлении автора к непосредственному воздействию на политика и аудиторию. Инфинитивы *посадить, платить, заказывать, заморозить*, формы повелительного наклонения *пусть развозят, пусть работают* отражают директивность высказывания. Футуральные формы *будут довольны, будут сидеть, сядут* формируют ожидание позитивной социальной реакции.

Использование речевого акта *просьба* в высказываниях политика позволяет смягчить воздействие на адресата, сохраняя при этом цель – добиться желаемого перлокутивного эффекта. Просьба эксплицирована перформативом *прошу*. Легитимация высказываний политика, содержащих просьбу, включает следующие компоненты: *отсутствие критики, поддержка, апелляция к участникам интернет-коммуникации*.

3.3.3. Директивный речевой акт *запрет* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

Высказывания с семантикой запрета часто используются для обозначения ограничений, норм и правил, которые устанавливаются политическими акторами. В условиях демократического общества прямые запреты подменяются рекомендациями или предупреждениями.

Косвенный директивный речевой акт *запрет* содержится в следующем высказывании губернатора Кемеровской области:

*С сегодняшнего дня **рекомендовано** не покидать квартиру или дом. Исключение только для обращения за медицинской помощью и поездок на работу, если Вы не можете работать удаленно* [Instagram, 2020, URL: <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/>].

Косвенный директивный речевой акт *запрет* можно эксплицировать путем замены словосочетания *рекомендовано не покидать* лексемами *нельзя, запрещено*,

имеющими значение отсутствия права агенса на выполнение действия. Как отмечает В. Г. Гак, утвердительные и отрицательные предложения близки по значению. В отрицательной форме слово способно передавать смысл, близкий к значению антонима этого же слова. Таким образом, одно и то же понятие или суждение можно выразить как утвердительной, так и отрицательной формой, которые выступают в роли своеобразных синонимов [Гак, 2000, с. 320]. В следующем предложении политик употребляет ограничительную частицу *только* и лексему *исключение*, в семантике которой есть значение *не допустить возможности чего-либо* [Ефремова, 2006]. При дальнейшем разложении компонента *не допустить* выявляется признак *не разрешить, не позволить*, то есть *запретить*.

Легитимирующие комментарии содержат призыв к политику ужесточить меры:

mos_ек: *Мало рекомендовать, часть наших людей – слепы и глухи, срочно вводите режим ЧС и комендантский час!;*

psa7213: *Закрыть нужно все, народ дома не сидит. В леруа каждый день анилаг!*

Авторы комментариев прибегают к императивным конструкциям *срочно вводите, закрыть нужно все*, обращая внимание политика на необходимость незамедлительных действий для решения актуальных проблем. Использование таких речевых ходов свидетельствует о том, что авторы ожидают не просто реакции, но и конкретных шагов, направленных на улучшение ситуации. Интернет-комментаторы «подвергают изложенную информацию когнитивной переработке и интерпретации. При этом участники обсуждений воплощают в комментариях свои презумпции и дотекстовые ожидания» [Ким, 2023, с. 225]. Комментаторы считают, что *мало рекомендовать* и настоятельно требуют ужесточения: *режим ЧС, комендантский час, закрыть все*. Общая интенция комментаторов заключается в том, чтобы побудить политика усилить контроль за исполнением введенных мер.

В следующем директивном речевом акте губернатора Кемеровской области эксплицирован запрет на открытие ресторанов:

Сейчас мы оба согласны с тем, что открывать рестораны в полном объеме пока нельзя [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/2829905957295548/>].

Посредством лексемы *нельзя* политик вербализует ограничение, указывающее на то, что действие, в данном случае *открытие ресторанов в полном объеме*, не разрешается. Однако лексема *пока* добавляет запрету временной контекст. Семантика сочетания наречия *пока* и предикативного слова *нельзя* указывает на то, что в будущем ситуация должна измениться [Падучева, 2015, с. 15]. Признание необходимости текущих ограничений является признаком ответственности и внимательного подхода губернатора к вопросам безопасности и здоровья населения.

Комментарии к данному высказыванию демонстрируют конструктивный подход интернет-пользователей к сложившейся ситуации, в них выражается поддержка политическим решениям. Авторы понимают необходимость ограничений и готовы сотрудничать с властью для достижения общих целей:

olegbelenskii: Сергей Евгеньевич, спасибо за то, что неравнодушны к проблемам кузбассовцев. Как важно всем нам чувствовать себя защищенными, знать, что власть не оставит нас наедине с бедой.

Употребление антропонима *Сергей Евгеньевич* в качестве обращения к политику подчеркивает уважение к его статусу. Автор положительно оценивает работу политика. Свою интенцию комментатор выражает лексемой с семантикой благодарности *спасибо*. Также адресант прибегает к краткому прилагательному *неравнодушны*, значение которого *относящийся с интересом, участием ко всему и ко всем* [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. В данном контексте номинативное значение лексемы *власть* соотносится с конкретным институциональным лицом, принимающим решения, а именно губернатором области. Метонимия также способствует созданию легитимного образа не только определенного политического актора, но и властных структур в целом. Выражение *не оставит нас наедине с бедой* помогает реципиенту сформировать позитивный

смысл комментария: *не оставит наедине с бедой, а значит – поможет, поддержит, защитит.*

svelads: *Что подкупает в Цивилеве, что говорит как есть всегда и по не самым позитивным темам.*

Автор использует мелиоративы для легитимации политических решений руководителя региона. Лексема *подкупает* имеет положительную коннотацию, в разговорной речи означает *привлекать, нравиться* [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. Фраза *говорит как есть* в сочетании с эвфемизмом *не по самым позитивным темам* характеризует губернатора как человека смелого, выражающего подлинные мысли и чувства. Таким образом, положительный образ политика переносится и на принимаемые им решения.

Субъективная модальность губернатора Кемеровской области в речевом акте *запрет* проявляется в использовании лексем *рекомендовано, нельзя*. Легитимирующий потенциал комментариев обусловлен их общей положительной тональностью: авторы одобряют, поддерживают и оправдывают решение политика, усиливая его авторитет и убеждая аудиторию в обоснованности выбранного курса.

3.3.4. Директивный речевой акт *разрешение* в политическом дискурсе регионального политика России С. Е. Цивилева

Субъективная модальность политика передается посредством директивного иллокутивного акта *разрешение*, в котором определяются границы допустимого поведения, обеспечивая порядок и безопасность:

Мы начали ослаблять ограничения, большинство снова может работать. Однако открытие летних веранд при соблюдении всех необходимых требований дает возможность ему (бизнесмену Ивану Печерскому, здесь и далее прим. наше – М. С.) и его коллегам из ресторанного бизнеса справиться с ситуацией [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/2829905957295548/>].

Разрешение политика выражено инфинитивным предикатом, в состав которого входит фазовый глагол *начинать*, указывающий на то, что действие уже происходит, и инфинитив *ослаблять – делать менее строгим, обязательным* [Бабенко, 2008], семантически связанный с понятием снижения строгости ограничений, которые существовали ранее. Модальный глагол *может* выступает в роли предиката и также является языковым средством, вербализующим разрешение по отношению к инфинитиву *работать*. Существительное *возможность* означает «условия, обстоятельства, необходимые для достижения, осуществления чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. В сочетании с инфинитивом *справиться* раскрывается содержание лексемы *возможность*, то есть, что именно становится возможным при определенных обстоятельствах.

Слова политика о постепенном снятии ограничений нашли отклик среди комментаторов.

svelads: *Итак магазины открыл, веранды открыл, кучу послаблений с налогами и прочим. У нас мягче всего по сравнению с другими регионами сейчас, кстати. Ведь благодаря мерам, мы имеем такой результат по заболеваемости. Поэтому давайте не спорить, а соблюдать, ведь от этого зависит наше Здоровье и жизнь!*

Перечисление (*Итак магазины открыл, веранды открыл, кучу послаблений, кучу послаблений с налогами и прочим...*) формирует в сознании адресата картину позитивных изменений, которые произошли благодаря решениям, принятым С. Е. Цивилевым. Посредством сравнительной конструкции (*у нас мягче всего по сравнению с другими регионами*) автор акцентирует внимание интернет-сообщества на преимуществах текущей политики главы региона. Главным аргументом в пользу легитимации действий политика в данном отклике является утвердительное предложение (*Ведь благодаря мерам, мы имеем такой результат по заболеваемости*), которое вербализует причинно-следственную связь между принятыми мерами и результатом. Побудительное предложение *Поэтому давайте не спорить, а соблюдать* выполняет функцию призыва, направленного на

поддержку решений политика. Супраграфемное выделение лексемы *Здоровье* усиливает эмоциональную окраску комментария и подчеркивает важность соблюдения правил.

Основная интенция автора следующего комментария – побудить адресата следовать требованиям администрации области.

mindrinanatalya: *Каждый разбирается в своём деле. Мы в своём, Роспотребнадзор в своём. Есть ограничительные меры – их надо соблюдать. Каждую семью так или иначе затронула данная ситуация. Каждый пострадал в той или иной мере. Время показало, что все меры, предпринятые руководством региона и Роспотребнадзора привели нас к лучшему (минимальному) показателю по заболеваемости на 100 000 человек. Так зачем спорить и осуждать??? Давайте соблюдать. И наши дети уже пошли в садик, и школьники планируются на середину лета в пришкольные и загородные лагеря, открывают предприятия торговли, общепита, да с ограничениями, НО ОТКРЫВАЮТ!!! Люди вернулись на рабочие места. Сейчас время поддержать и соблюдать рекомендации, чтобы и дальше ограничения снимались, а не критиковать и бастовать, и привести к тому, что все придётся начать с начала.*

Автор прибегает к лексическим и синтаксическим повторам для воздействия на эмоциональную (*Каждую семью ...затронула данная ситуация. Каждый пострадал...*) и рациональную (*Время показало, ... меры ... привели нас к лучшему (минимальному) показателю по заболеваемости на 100 000 человек*) составляющие сознания адресата. Легитимирующий потенциал комментария заключается в использовании оценочной лексики с положительной семантикой (превосходная степень прилагательного *лучший*, футуральные формы фазовых глаголов – *планируются, открывают*), параграфемных средств (*НО ОТКРЫВАЮТ!!!*). Призыв к поддержке действий политика передается императивными конструкциями (*давайте соблюдать, время поддержать*).

Директивный речевой акт следующего высказывания, подобно предыдущему, передает разрешение политика.

*Мы также приняли решение **разрешить** занятия спортом на стадионах и спортивных площадках. Кроме того, **разрешаются** прогулки в парках и скверах, на бульварах, набережных, аллеях и площадях, за исключением мест отдыха у воды* [Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/586543775316546>].

Легитимация политического решения формируется путем употребления лексем с положительной коннотацией. Местоимение *мы* часто используется политиками для создания впечатления, что решения принимаются от имени группы лиц, объединенных институциональным признаком [Гранева, 2009, с. 86]: *мы приняли решение...* Далее высказывание политика содержит безличное предложение. В политическом дискурсе такие предложения позволяют политикам продуцировать высказывания, которые могут быть убедительными, выгодными для них и более привлекательными для электората, так как они создают ощущение объективности и нейтральности, что помогает избежать прямой ответственности за сказанное.

Отклики пользователей социальных платформ отражают положительную реакцию на ослабление ограничений.

Комментарий пользователя под ником **avtashlykov** вербализует благодарность за принятое политиком решение:

Спасибо большое Сергей Евгеньевич, что **разрешили** заниматься спортом на стадионах и спортивных площадках.

Положительная тональность отклика передается посредством антропонима *Сергей Евгеньевич*, выражающего уважение к политику. Стилистическая инверсия словосочетания *спасибо большое* отражает похвалу, одобрение действиям губернатора. Автор демонстрирует интерес к высказыванию политика, используя лексическую и синтаксическую копиальность слов губернатора (*разрешили заниматься спортом на стадионах и спортивных площадках*).

Следующий комментарий имплицитно выражает благодарность за принятое решение: ***vi_breva: Слава богу... не зря мы честно сидели дома...***

Фразеологизм *слава богу* вербализует одобрение действиям политика. Синтагма *не зря мы честно сидели дома* имеет положительную коннотацию и эксплицирует мысль адресанта о том, что введенные ранее меры по обеспечению сохранения здоровья населения были оправданными.

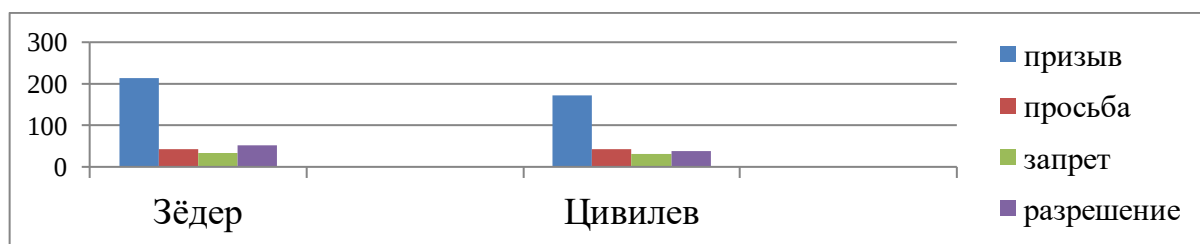
Комментарий *nataliast13* является легитимным: *Разумный подход* 👍. Оценочная лексема *разумный* отражает положительную характеристику политика, который принимает решения «продумав все детали» [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. Эмодзи дополняет общую позитивную тональность отклика.

Политические решения, содержащие директивный акт *разрешение*, оформлены в речи политика с помощью инфинитивных конструкций, модальных глаголов и лексем с положительной коннотацией. В реактивных текстах пользователей социальных сетей отражается положительная оценка и благодарность за эти меры, используются стилистические и лексические средства для укрепления эмоциональной связи с властями и поддержки политики.

3.4. Сопоставительный анализ средств реализации деонтической модальности в речевых актах региональных политиков Германии и России

Деонтическая модальность в дискурсах региональных политиков Германии и России реализуется в директивных речевых актах, среди которых выделены *призыв, просьба, запрет, разрешение* (Диаграмма 6).

Диаграмма 6. Количественное соотношение типов речевых актов, реализующих деонтическую модальность в дискурсе политиков



В речевом акте *призыв* вербализуется требование политиков соблюдать меры, вводимые для предотвращения эпидемии. Речь М. Зёдера характеризуется

стремлением к диалогу с населением Баварии. Для достижения перлокутивного эффекта политик апеллирует к эмоциональной и рациональной составляющей человеческого сознания посредством модальных глаголов долженствования, манипулятивной лексики с акцентом на общечеловеческие ценности, а также повторов, парцелированных предложений и императивных конструкций. Речь С. Е. Цивилева более формальна. Речевой акт *призыв* используется политиком для побуждения граждан к соблюдению режима изоляции. Повелительные конструкции и апелляция к личной ответственности каждого жителя региона способствуют достижению необходимого результата.

Региональные политики Германии и России используют речевой акт *просьба* как инструмент убеждения, как тактический ход, позволяющий избежать излишнего давления на аудиторию. Деонтическая модальность в речевом акте *просьба* главы Баварии вербализуется повтором лексемы *bitte*, синтаксическими повторами, манипулятивной лексикой, апеллирующей к общечеловеческим ценностям, и лексическими единицами с семантикой количества. Деонтическая модальность, транслирующая просьбу губернатора Кемеровской области, эксплицируется перформативом *прошу*.

Запреты необходимы для установления границ социального поведения, особенно в условиях пандемии. Для вербализации запрета региональные политические акторы обеих лингвокультур прибегают к косвенным речевым актам, чтобы избежать негативной реакции. Политики используют императивные конструкции и лексические единицы с семантикой долженствования для эмоционального воздействия на реципиента. Деонтическая модальность в речевом акте *разрешение* в дискурсе обоих политиков выражена эксплицитно посредством лексических единиц с семантикой разрешения.

Проведенный анализ показал, что региональные политики Германии и России используют директивные речевые акты (*призыв, просьба, запрет, разрешение*) для достижения необходимого перлокутивного эффекта в условиях пандемии COVID-19. При этом наблюдаются некоторые различия в передаче интенций политиков посредством деонтической модальности: М. Зёдер

предпочитает диалогичный подход с апелляцией к ценностям, а С. Е. Цивилев – более формальный стиль. Языковые средства, реализующие деонтическую модальность в дискурсе политических акторов обеих лингвокультур, варьируются в зависимости от речевого акта и коммуникативной цели.

Сопоставительный лингвистический анализ интернет-комментариев к политическим высказываниям М. Зёдера и С. Е. Цивилева показал, что отклики, легитимирующие политические решения, характеризуются общей положительной тональностью. Авторы откликов используют мелиоративные лексические единицы, копируют лексические и синтаксические конструкции из высказываний лидеров регионов для выражения согласия с действиями политиков. Комментаторы прибегают к императивным конструкциям для вербализации призыва других членов интернет-сообщества к социальной ответственности и солидарности.

Таким образом, можно говорить о сходстве используемых языковых средств при легитимации политического дискурса в немецкоязычном и русскоязычном непрофессиональном политическом интернет-дискурсе.

3. 5. Интерпретация данных, полученных в ходе лингвистического эксперимента (деонтическая модальность)

Для подтверждения полученных данных испытуемым предложены тексты, содержащие высказывания, репрезентирующие деонтическую модальность политиков.

3. 5. 1. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов немецкоязычных респондентов

Эмпирическое исследование, проведенное с участием немецкоязычных реципиентов, позволило идентифицировать лексические единицы в тексте министра-президента Баварии, обладающие легитимирующим потенциалом.

Текст 2.

Das Motto heißt ab Mittwoch, noch mehr als bislang: *Daheim bleiben, Kontakte runter! Nur aus einem triftigen Grund das Haus verlassen! Zu Hause bleiben!* Die Zahlen sind wirklich so dramatisch, wir müssen, gerade im privaten Bereich, Kontakte reduzieren. Aufgrund der Entwicklung, machen wir eine Ausgangssperre. Dann ab 21:00 Uhr für ganz Bayern bis 10. Januar. Auch wenn das dann mal wieder auf 199 ist, bleibt es.....weil wir müssen jetzt einfach konsequent sein! Und wir haben jetzt einfach die Aufgabe zu Weihnachten und Silvester mit großer Vernunft zu agieren. Es tut uns leid, dass wir solche Maßnahmen treffen müssen. Es tut keiner aus Freude, wir tun es, weil wir müssen. – Девиз со среды, еще строже, чем раньше: оставайтесь дома, сократите количество контактов! Выходите из дома только по уважительной причине! Оставайтесь дома! Цифры действительно настолько драматичны, что мы должны сократить контакты, особенно в кругу близких. В связи с развитием событий мы вводим комендантский час. С 21:00 для всей Баварии до 10 января. Даже если снова вернемся к 199 заболевшим, это распоряжение сохранится ..., потому что мы просто обязаны быть последовательными! И теперь наша задача действовать разумно в Рождество и Новый год. Нам жаль, что мы должны принимать такие меры. Никто не делает это ради удовольствия, мы делаем это, потому что должны.

Высказывания, выделенные в тексте, транслируют деонтическую модальность министра-президента Баварии. Указанный тип модальности отражен в директивных речевых актах. Безальтернативность принимаемых решений передается императивными конструкциями *Daheim bleiben, Kontakte runter, Nur aus einem triftigen Grund das Haus verlassen, Zu Hause bleiben*, применение которых обусловлено сложившейся ситуацией. Политик, используя повторы модальных конструкций *müssen+Infinitiv* и *haben+zu+Infinitiv*, акцентирует внимание аудитории на необходимости принимаемых мер. Для обоснования своих действий политик прибегает к придаточным предложениям причины *wir tun es, weil wir müssen*.

В Таблице 4 приведены результаты эксперимента. Показано суммарное количество слов и словосочетаний (лексических единиц), которые выделили респонденты.

Таблица 4. Визуализация результатов эксперимента (М. Зедер)

компоненты дискурсивной доминанты легитимность	личная ответственность политика
суммарное кол-во ЛЕ	529

Участники эксперимента выделяют следующие фразы политика, которые соответствуют только одному компоненту модели легитимного политического дискурса – *личная ответственность политика*, что обусловлено спецификой деонтической модальности, так как в семантической структуре лексемы *деонтический* содержится смысловой компонент *долг*: *Es tut uns leid, dass wir solche Maßnahmen treffen müssen* (124) – *Нам жаль, что мы вынуждены принимать такие меры*; *Es tut keiner aus Freude, wir tun es, weil wir müssen* (124) – *Никто не делает это ради удовольствия, мы делаем это, потому что должны*; *Aufgrund der Entwicklung machen wir eine Ausgangssperre, weil wir müssen jetzt einfach konsequent sein!* (101) – *В связи с развитием событий мы вводим комендантский час, потому что сейчас мы просто обязаны быть последовательными!*; *Nur aus einem triftigen Grund das Haus verlassen!* (90) – *Выходите из дома только по уважительной причине!*; *weil wir müssen jetzt einfach konsequent sein!* (90) – *потому что мы просто обязаны быть последовательными!*

Респонденты квалифицируют предложенный текст как убедительный, потому что «*политик не преподносит свои компетенции, свои знания как абсолютные, а апеллирует к разуму слушателя и объясняет хотя бы в малой степени, опираясь на факты*». В культурах с высоким уровнем доверия к власти, таких как немецкоязычная, аргументы, апеллирующие к соблюдению правил и обязательств, имеют больший вес. Это связано с тем, что граждане склонны верить в легитимность институтов и эффективность нормативных механизмов [Inglehart, 1997]. Тем не менее некоторые немецкоязычные испытуемые считают текст с

содержанием деонтической модальности «слишком авторитарным». Вероятно, такое мнение участников эксперимента можно объяснить тем, что в высказываниях регионального политика повторяются императивные конструкции и модальные глаголы долженствования.

Обработка результатов опроса показала, что 124 (67%) немецкоязычных участников эксперимента считают убедительным текст, содержащий деонтическую модальность, так как для них наиболее значимым положением в дискурсе политика является соблюдение принятых политиком решений.

3. 5. 2. Интерпретация данных, полученных в ходе анализа ответов русскоязычных респондентов

Проведенное исследование позволило выявить слова и словосочетания в политическом дискурсе губернатора Кемеровской области, которые оказывают влияние на формирование позитивного восприятия действий и решений политика.

Текст 2.

Режим повышенной готовности и все связанные с ним *ограничительные меры продлеваются до 11 мая включительно. Прошу вас обращаться за помощью в органы социальной защиты. Наступившая неделя объявлена нерабочей. Сегодня мы вводим в Кузбассе временный режим самоизоляции для всех граждан. Это значит, что с сегодняшнего дня рекомендовано не покидать квартиру или дом. Исключение только для обращения за медицинской помощью и поездок на работу. Можно ходить за покупками в ближайший к вашему дому магазин или аптеку, выносить мусор, выгуливать домашних животных, но на расстоянии не больше 100 метров от места вашего жительства. Жителям Кузбасса не стоит покидать регион. Всем людям, приезжающим в Кузбасс из других регионов России, рекомендуется сообщить о своем прибытии на номер горячей линии и провести 14 дней в режиме изоляции у себя дома. Призываю всех быть сильными и стойкими, помогать тем, кому еще труднее. Чтобы остановить распространение вируса, каждому из нас нужно соблюдать режим изоляции, оставаться дома. Мы*

все должны слушаться врачей. Не выходите из дома без крайней необходимости. Сейчас Ваше здоровье зависит от соблюдения одного простого правила: временно ограничить контакты с другими людьми.

Текст содержит деонтическую модальность, реализуемую в директивных речевых актах. Отметим, что российский губернатор оперирует некатегоричными императивными конструкциями, минимизирующими «сопротивление» адресата. Косвенные речевые акты, например, *разрешение* вместо *запрета*, как в высказывании *Можно ходить за покупками в ближайший к вашему дому магазин*, в котором имплицирован запрет на посещение магазинов удаленных от места проживания адресата, позволяют политику достигнуть коммуникативных целей, не прибегая к прямым приказам или требованиям. В культурах с исторически сложившимся скептическим отношением к власти, таких как русскоязычная, аргументы, основанные на долженствовании, могут восприниматься менее убедительно. Это связано с тем, что граждане могут сомневаться в справедливости и беспристрастности применения правил и обязательств [Miller, 1974].

В *Таблице 5* представлены результаты эксперимента. Показано суммарное количество слов и словосочетаний (лексических единиц), которые выделили испытуемые.

Таблица 5. Визуализация результатов эксперимента (С. Е. Цивилев)

<i>компоненты дискурсивной доминанты легитимность</i>	<i>личная ответственность политика</i>
<i>суммарное кол-во ЛЕ</i>	226

Русскоязычные респонденты также обращают внимание на фразы политика, соответствующие одному из компонентов модели легитимного политического дискурса – *личная ответственность политика*. Участники указали текст с деонтической модальностью как наиболее убедительный, обратили внимание на следующие слова и высказывания главы региона: *поддержка семей с детьми и граждан, потерявших работу (63); рекомендуется сообщить о своем прибытии на номер горячей линии и провести 14 дней в режиме изоляции у себя дома (29);*

вводим временный режим самоизоляции для всех граждан (24); временно ограничить контакты (21); можно ходить за покупками в ближайший к вашему дому магазин или аптеку, выносить мусор, выгуливать домашних животных, но на расстоянии не больше 100 метров от места вашего жительства (15); соблюдать предписания врачей (15); призываю всех быть сильными и стойкими, помогать тем, кому еще труднее (15); рекомендовано не покидать квартиру или дом (12); исключение только для обращения за медицинской помощью и поездок на работу (12); не стоит покидать регион (9); наступившая неделя объявлена нерабочей (9); ограничительные меры продлеваются до 11 мая включительно (2).

77 (23%) русскоязычных респондентов считают убедительным текст, содержащий деонтическую модальность, так как, по мнению испытуемых, *«политик объясняет проблему и способы ее решения. В тексте говорится о том, какие меры были предприняты, перечислены рекомендации, которых стоит придерживаться, чтобы вылечиться или вовсе не заболеть»*. Респонденты отмечают, что сказанное политиком *«похоже на правду, потому что сказано и описано все детально»*.

Следует отметить, что в русскоязычном и немецкоязычном дискурсе наблюдаются «различия в концептуализации основных семантико-прагматических интерпретаций побуждения» [Изотов, 2012, с.17]. В то время как немецкоязычные респонденты преимущественно только копируют или подчеркивают таргетные конструкции, русскоязычные участники пытаются обосновать свой выбор.

Выводы по главе 3

Деонтическая модальность региональных лидеров реализуется в директивных речевых актах, напрямую связанных с институциональной деятельностью политиков: *призыв, просьба, запрет, разрешение*. Деонтическая модальность соотносится с коммуникативно-прагматической сферой *обязанность* и играет важную роль в политическом дискурсе. Региональные политики используют директивные речевые акты (*призыв, просьба, запрет, разрешение*) для управления социальным порядком. Политики апеллируют к моральным и социальным нормам, используя лексические единицы с семантикой необходимости и долженствования. При этом они стараются избегать негативных формулировок, предпочитая нейтральные или положительные (например, *рекомендую, советую*).

Деонтическая модальность немецкоязычного регионального политика эксплицируется лексемами с семантикой *ответственности, просьбы, разрешения, запрета, конструкцией haben+zu+Infinitiv, модальными глаголами (dürfen nicht, müssen), императивными конструкциями, инверсией, парцелляцией*.

Деонтическая модальность русскоязычного регионального политика транслируется посредством лексем с семантикой *ответственности, совместности, просьбы, запрета, разрешения, модального глагола мочь, императивных конструкций, предикатов (необходимо, очень важно), инверсии, парцеллированных предложений*.

Политический дискурс М. Зёдера и С. Е. Цивилева объединяют общие интенции – вызвать доверие и побудить население следовать рекомендациям. Оба политика обращаются к гражданам с призывом соблюдать меры, не выходить, оставаться дома, быть терпеливыми, ответственными, апеллируя к таким ценностям, как сохранение здоровья и жизни, защита близких.

При анализе языковых средств реализации деонтической модальности в дискурсе региональных политиков различных лингвокультур в количественном и качественном отношении принципиальных различий не выявлено.

Легитимирующий потенциал обоих дискурсов, содержащих деонтическую модальность, обусловлен вовлечением аудитории в решение проблемы, необходимостью следовать рекомендациям, мотивацией заботиться о близких.

Реагируя на директивные речевые акты региональных лидеров, транслирующих деонтическую модальность, связанную с институциональным статусом политических акторов, интернет-комментаторы легитимируют политические решения, копируя содержание и лексические единицы публикаций политиков, выражая одобрение и поддержку, используют императивные конструкции для эмоционального воздействия на адресата. Отличительной чертой легитимирующих комментариев является противопоставление как образцового поведения авторов остальному сообществу и призыв к соблюдению предписаний. В результате такие комментарии становятся инструментом социальной регуляции, способствуя укреплению и распространению определенных норм и ценностей в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальные сети являются популярной площадкой для общения и доступны всем членам общества. Содержание контента, размещенного политиком в соцсетях, вызывает эмоциональный отклик аудитории и формирует необходимую политическому актору картину объективной реальности в сознании адресата.

Легитимность как один из важнейших аспектов политической власти зависит от личности властвующего субъекта, от его компетентности, управленческих, ораторских навыков. Поскольку в обязанности политической власти входит принятие и исполнение решений, влияющих на экономическую, культурную, образовательную и другие сферы жизни населения, то политическому актору необходимо легитимировать свои решения. Цель антикризисного легитимного политического дискурса заключается в своевременном предоставлении достоверной информации, в управлении и преодолении социально-экономических проблем посредством обеспечения легитимности и поддержки со стороны населения.

Результаты проведенного исследования подтвердили, что средства реализации субъективной модальности как лингвоперсонологической категории влияют на активизацию процессов легитимации политических решений.

В дискурсе министра-президента Баварии М. Зёдера и губернатора Кемеровской области С. Е. Цивилева выделены три типа субъективной модальности: эпистемическая, деонтическая, онтологическая. В проанализированных текстах баварского политика выявлено 953 (67%) высказывания (речевых актов), реализующих эпистемическую модальность, 339 (32%) – деонтическую модальность, 6 (1%) – онтологическую.

В публикациях кузбасского политика обнаружено 1299 (81%) речевых актов, в которых выражена эпистемическая модальность, 282 (17%) высказывания, демонстрирующих деонтическую модальность, 15 (2%) – транслирующих онтологическую модальность.

В количественном отношении в дискурсе обоих политиков преобладает эпистемическая модальность, так как политик, являясь лицом институциональным,

обязан транслировать уверенность в принимаемых решениях и подкреплять их надежными источниками для того, чтобы вызвать доверие адресата и желание следовать вводимым мерам. Руководители регионов аргументируют введение тех или иных ограничений необходимостью сохранить здоровье жителей подвластных им территорий.

Анализ публикаций политиков позволяет отметить, что на институциональном уровне для реализации субъективной модальности в немецком и русском языках используются схожие языковые средства легитимации. Политические акторы, используя модальные глаголы, конструкции с семантикой долженствования, вербализуют обязательность и необходимость соблюдения мер. Метафоры помогают создать легитимный образ представителя власти в сознании адресата и тем самым внушить необходимую линию поведения. Посредством лексических единиц с семантикой запрета и разрешения региональные лидеры устанавливают рамки допустимого поведения граждан во время пандемии. Образ сильного и надежного лидера создается при помощи лексем с семантикой уверенности и ответственности. Для достижения атмосферы сотрудничества и взаимопонимания политики прибегают к лексемам с семантикой совместного действия и фатическим конструкциям. Актуальность и важность принимаемых решений подчеркиваются использованием глаголов настоящего времени с футуральной семантикой. Лексические и синтаксические повторы являются одним из основных инструментов привлечения внимания, усиливая значимость слов политика. Прямые призывы к действию способствуют активизации гражданской позиции и вовлеченности в политический процесс. Доверие к словам политиков значительно повышается за счет подкрепления аргументов статистическими и фактическими данными, а также ссылок на авторитетные источники и мнения экспертов. Использование сложных синтаксических конструкций, таких как инверсия и придаточные предложения, позволяет описать условия реализации предложенных мер. Манипуляция с помощью названных лексических и синтаксических средств является инструментом для создания легитимного политического дискурса.

Несмотря на то, что дискурс политиков обеих лингвокультур объединяет общая цель – легитимировать решения и, как следствие, побудить население следовать введенным мерам, на личностном и национальном уровнях выявлены незначительные различия в применении средств реализации субъективной модальности. Немецкоязычному политику свойственно употребление категоричного императива, частотное употребление коллективного местоимения *мы* и его вариантов, лексических единиц, отражающих личное восприятие и опыт политика. Русскоязычный политик использует в своей речи некатегоричные императивные конструкции, местоимения второго лица множественного числа, определенно-личные предложения.

Обращение к теории речевых актов дает возможность интерпретировать истинные намерения, манифестируемые политиками, раскрыть их влияние на общественное мнение и поведение. Употребление схожих речевых актов и языковых средств реализации субъективной модальности можно объяснить кросс-культурным влиянием, политической риторикой, основанной на проверенных стратегиях воздействия на аудиторию, общей тематикой исследуемого политического дискурса – Covid-19. Исследование показало, что максимальный легитимирующий эффект достигается в репрезентативном речевом акте, который отражает эпистемическую ответственность говорящего.

Выявленные средства реализации субъективной модальности в публикациях политиков позволяют определить составляющие дискурсивной доминанты *легитимность*, которая является определяющей в модели легитимного профессионального политического дискурса: *личная ответственность политика, манипуляция ценностями, использование количественных данных, обещание, апелляция к авторитетному источнику*.

Полученные результаты подтверждены проведенным лингвистическим экспериментом. Немецкоязычные респонденты отдают предпочтение тексту, отражающему деонтическую модальность политика. Русскоязычные участники эксперимента выбирают текст, транслирующий эпистемическую модальность. Вывод сделан на основе подсчетов лексических единиц, выбранных участниками

эксперимента из предложенных текстов политиков. Проанализированные ответы участников позволили сгруппировать отмеченные ими слова и словосочетания в смысловые объединения, которые полностью соответствуют составляющим дискурсивной институциональной доминанты, выделенным в профессиональном политическом дискурсе и представленным выше.

Согласно результатам нашего исследования, дискурс, содержащий указанные компоненты, воспринимается адресатом как обоснованный, авторитетный и направленный на благо общества, что помогает повысить легитимность власти, получить поддержку населения в кризисной ситуации.

Чтобы увидеть перлокутивный эффект политических решений, проведен анализ интернет-комментаторов. В немецкоязычном и русскоязычном непрофессиональном политическом интернет-дискурсе наиболее частотными комментариями с легитимирующим потенциалом являются тексты комментаторов с положительной оценочной семантикой, а также те, в которых отражены субъективные способы передачи информации, транслируемой политиком, путем включения в текст отклика слов из его речи. Обращение к другим участникам интернет-сообщества с целью поддержать решения политика, личный опыт автора комментария помогают формировать позитивное восприятие институциональной личности политического актора, его решений и действий. Совокупность данных параметров позволяет выделить компоненты дискурсивной доминанты **легитимность** в немецкоязычном и русскоязычном непрофессиональном политическом интернет-дискурсе: *похвала-оценка, похвала-поддержка, апелляция к участникам интернет-коммуникации.*

На основе результатов проведенного исследования можно реконструировать инвариантно-вариативную лингвоперсонологическую модель легитимного политического дискурса, универсальную для разных лингвокультур. Модель состоит из двух блоков и включает такие компоненты как:

– блок 1: *личная ответственность политика, манипуляция ценностями, использование количественных данных, обещание, апелляция к авторитетному источнику;*

– блок 2: *похвала-оценка, похвала-поддержка, апелляция к участникам интернет-коммуникации.*

Компоненты *блока 1* отражают процесс легитимации решений, принимаемых институциональным лицом, компоненты *блока 2* являются подтверждением признания легитимности политика или его действий.

Объединяющей для данных блоков является дискурсивная доминанта *легитимность*, которая определяет степень легитимирующего потенциала политического дискурса.

Представленная лингвоперсонологическая модель позволяет исследовать политический дискурс в динамике, проанализировать, как иллокутивная цель политика находит отражение в отклике интернет-комментатора.

Универсальность языковых средств в публикациях политиков и текстах интернет-комментаторов в анализируемых лингвокультурах вызвана трансформационными процессами, происходящими в условиях глобализации, в которых нивелируются этноспецифические черты политика и унифицируются модели, по которым строится легитимный дискурс политика.

В качестве перспектив исследования мы видим дальнейшую научную разработку проблемы изучения легитимирующего потенциала субъективной модальности. Так, перспективным представляется расширение эмпирического материала, предполагающее вовлечение в сферу научного исследования текстов, принадлежащих другим политическим акторам в разных сферах коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрашитов, Э. Г. Формирование пропагандистского аппарата в годы первой мировой войны (опыт России и зарубежных стран) / Э. Г. Абдрашитов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 5–9.
2. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б. А. Абрамов; под ред. Н. Н. Семенюк, О. А. Радченко, Л. И. Гришаевой. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 286 с.
3. Аверина, А. В. Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость в немецком и русском языках / А. В. Аверина // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6 – №3. – С. 4–24.
4. Акимова, Г. Н. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; под ред. С. В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». – 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 432 с.
5. Алексеева, А. А. Истинностная оценка в комментариях интернет-пользователей к новостям о пандемии коронавируса SARS-CoV-2 / А. А. Алексеева, Ц. Ли // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 42–49.
6. Алексеева, Т. А. Выборы как средство легитимации власти. [Электронный ресурс] / Т. А. Алексеева. – Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/GU/6.html> (дата обращения 30.08.2018).
7. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Наука», 1976. – 382 с.
8. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. / Л. Г. Бабенко. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.

9. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 412 с.
10. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 347 с.
11. Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С.84–99.
12. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
13. Баринов, Д. Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности / Д. Н. Баринов // Политика и общество. – 2016. – № 6 (138). – С. 755–762.
14. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. – Собрание сочинений в семи томах. – М.: Русские словари, 1996. – Том 5. – С. 159–206.
15. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
16. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
17. Блюм, В. С. Диалог о диалоге с виртуальным собеседником / В. С. Блюм, О. М. Поляков // Актуальные проблемы экономики и управления. Экономика, политика, культура. – 2022. – № 1. – С. 81–88.
18. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Ленинград, 1984. – 86 с.
19. Богуславская, О. В. Языковой имидж представителя российской власти: субъективные семантические составляющие (на материале публичных выступлений М. Захаровой и Н. Поклонской): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Богуславская Олеся Владимировна. – Красноярск, 2022. – 235 с.

20. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – Т. 1. – С. 4–13.
21. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.
22. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 252 с.
23. Бухарбаева, А. Р. Политическая коммуникация в условиях легитимации и делегитимации власти в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Бухарбаева Асия Радолевна. – М.: 2013. – 210 с.
24. Валгина, Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник / Н. С. Валгина. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
25. Ватанабэ, К. Модальные значения и референтные отношения в инфинитивных предложениях древнерусского языка (XI–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ватанабэ Кику. – Санкт-Петербург, 2008. – 22 с.
26. Ваулина, Л. Н. Модальные характеристики межкультурной коммуникации / Л. Н. Ваулина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 7. – С. 54–58.
27. Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 99–111.
28. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М.: Высшая школа, 1975. – С. 53–87.
29. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.
30. Волков, В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста [Электронный ресурс]: курс лекций / В. В. Волков. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 148 с.

31. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
32. Гаврилова, М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Гаврилова Марина Владимировна. – Санкт Петербург, 2005. – 40 с.
33. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
34. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
35. Гатина, Р. Г. Модальность возможности и невозможности и средства ее выражения (на материале башкирского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Гатина Рита Габитовна. – Уфа, 2007. – 28 с.
36. Глинчикова, А. В. «Деонтика» Эрнста Малли и становление логики норм в середине XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07 – логика / Глинчикова Анна Владимировна. – Санкт-Петербург, 2014. – 25 с.
37. Глухова, О. П. Средства и способы выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Глухова Ольга Петровна. – Кемерово, 2010. – 28 с.
38. Голев, Н. Д. Лингвогносеологический уровень языковой личности: типовые варианты реализации / Н. Д. Голев, Н. Н. Шпильная // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №3 (25). – С.134–147.
39. Голев, Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. – 435 с.
40. Гранева, И. Ю. Местоимение *мы* и проблемы языковой концептуализации мира / И. Ю. Гранева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 82–87.

41. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В. С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007а. – 288 с.
42. Григорьева, В. С. Языковые особенности репрезентативных высказываний в аргументативном дискурсе / В. С. Григорьева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2007б. – №9 (50): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). – С. 33–38.
43. Данилова, Н. В. Средства выражения субъективной модальности в научном тексте (на материале журнала «Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта») / Н. В. Данилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №5-2. – С. 101–108.
44. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.
45. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – №3. – С. 31–44.
46. Денисенко, Р. М. Статистика: место и роль в развитии общества / Р. М. Денисенко // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2014. – № 1(19). – С.120–122.
47. Дешериева, Т. И. О соотношении модальности и предикативности / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 33–45.
48. Заварзина, Г. А. Парцелляция как средство актуализации смысловых оттенков сложносочиненных конструкций в политическом дискурсе новейшего периода / Г. А. Заварзина, М. В. Хицкова // Известия ВГПУ. – 2021. – № 3 (292). – С.134-138.
49. Запрудская, О. В. Благодарность в политической коммуникации как средство манипуляции и суггестии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2022. – Т. 19. – №2. С.65–72.

50. Запрудская, О. В. Благодарственный лозунг в немецкой политической коммуникации 30–50-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – Т.16. – вып.1. – С. 25–36.
51. Зарецкая, Е. Н. Убеждающая речь / Е. Н. Зарецкая // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, 2007. – С. 194–201.
52. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зеленщиков Александр Васильевич. – Санкт-Петербург, 1997. – 244 с.
53. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, М. Ю. Сидорова, Н. К. Онипенко. – М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 1998. – 540 с.
54. Зубкова, О. С. Эмотивность политического дискурса (на материале первых речей британских премьер-министров Д. Кэмерона, Т. Мэй, Б.Джонсона и Л. Трасс) / О. С. Зубкова, Н. К. Муллағалиев, М. Р. Гараева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – №4(47). – С. 114–130.
55. Зяблова, Н. Н. Дискурс и его отличие от текста / Н. Н. Зяблова // Молодой ученый [Электронный ресурс]. – 2012. – № 4 (39). – С. 223–225. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/39/4650/> (дата обращения: 14.05.2024).
56. Зяткова, Л. Я. Субъективная модальность политического дискурса: монография / Л. Я. Зяткова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2007. – 144 с.
57. Иванов, Р. Л. Легитимность государственной власти / Р. Л. Иванов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 1 (30). – С. 6–17.
58. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
59. Изард, К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург: Питер, 1999. – 464 с.

60. Изотов, А. И. Особенности концептуализации авторитарного побуждения в русской и чешской языковых картинах мира / А. И. Изотов // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – №4. – С. 17–22.
61. Иссерс, О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 6: Журналистика. – С. 216–227.
62. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учебное пособие / О. С. Иссерс. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 240 с.
63. Истон, Д. Системный анализ политической жизни / Д. Истон // Политология: хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – С. 319–331.
64. Карасик, В. И. Креативы в сетевом дискурсе / В. И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 29–44.
65. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
66. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
67. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
68. Карпоян, С. М. Отрицательные модальные оценки в интернет-комментарии [Электронный ресурс] / С. М. Карпоян // Научная мысль Кавказа. – 2011. – №3 (67). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsatelnye-modalnye-otsenki-v-internet-kommentarii> (дата обращения: 09.06.2024).
69. Кастельс, М. Власть коммуникации: учебное пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

70. Ким, Л. Г. Конфликт интерпретаций текста как следствие когнитивного диссонанса участников интернет-обсуждений / Л. Г. Ким // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Том 2. – № 4. – С. 222–228.
71. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ: учебный курс [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева. – МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2003. – С.100–115.
72. Кобозева, И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 7–21.
73. Козачина, А. В. Стратегии и средства легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе: монография / А. В. Козачина, А. В. Колмогорова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. – 200 с.
74. Козинцева, Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. – № 3. – 1994. – С. 92–104.
75. Кокова, А. В. Категория модальности в логике и языке (на материале немецкого языка) / А. В. Кокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. – С. 84–88.
76. Колмогорова, А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А. В. Колмогорова // Политическая лингвистика. – №1 (67). – 2018. – С. 33–40.
77. Колшанский, Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. – №1. – С. 94–98.
78. Кондратьева, О. Н. Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона: монография / Под общей ред. О. Н. Кондратьевой – М.: Издательство Перо, 2020. – 308 с.
79. Кондратьева, О. Н. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) / О. Н. Кондратьева, В. А. Каменева // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 78–96.

80. Кондратьева, О. Н. Стратегии легитимизации царской власти в древнерусской публицистике (на материале посланий Ивана Грозного) / О. Н. Кондратьева // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2021. – № 72. – С. 74–90.
81. Корзова, Е. Н. Речевой акт призыва как компонент англоязычного политического дискурса (на материале специального обращения Урсулы фон дер Ляйен, Давос, 2023 г.) / Е. Н. Корзова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Том 17. – Выпуск 6. – С. 1891–1896.
82. Кошарная, Г. Б. Лингвокультурология: Теория и методы: учебное пособие / Г. Б. Кошарная. – М.: ФЛИНТА: МПСИ. – 2002. – 256 с.
83. Красина, Е. А. Семиотика и семантика речевого акта / Е. А. Красина // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля: в 2-х частях, Ярославль, 21-23 мая 2010. – Т.1. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2011. – С. 30–34.
84. Краснова, Т. И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
85. Кузнецов, С. Н. Языковая политика и языковое планирование / С. Н. Кузнецов // Электронная публикация: МГУ им. Ломоносова. – М., 2007. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml (дата обращения: 15.07.2022).
86. Кули, Ч. Х. Избранное: Сб. переводов / Ч. Х. Кули; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко; РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии. – М., 2019. – 234 с.
87. Курьянович, А. В. Лингвоперсонология эпистолярного текста / А. В. Курьянович // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (Сибирская лингвоперсонология). Ч. 2: коллективная монография / Под ред. Н. Д. Голева и Н. В. Мельник. – М.: ЛЕНАНД. – 2015. – С. 254–273.

88. Лассвелл, Г. Д. Harold D. Lasswell. Язык власти. / Г. Д. Лассвелл. Перевод с английского М. В. Толмачёва // Политическая лингвистика. – 2006. – № 1. – С. 262–263.
89. Лассуэлл, Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / Г. Д. Лассуэлл; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко; вступ. статья Д. В. Ефременко, И. К. Богомолова; РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии. – М., 2021. – 237 с.
90. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз; пер. с англ. В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского; под общ. ред. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
91. Лайонз, Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Дж. Лайонз; пер. с англ. И. А. Муравьевой и Е. Г. Устиновой. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
92. Макеева, Л. Б. Что есть значение? Ответ Пола Грайса / Л. Б. Макеева // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 69–88.
93. Мартьянов, Д. С. Кросс-сетевой фактор политического дискурса виртуальных сообществ / Д. С. Мартьянов, Г. В. Лукьянова // ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 244–262.
94. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие / А. Ю. Маслова. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 149 с.
95. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студ. Высш. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 272 с.
96. Мёдова, А. А. Онтология модальности: монография. Ч. 1. Логические, богословские и философские основания / А. А. Мёдова. – СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2017. – 152 с.
97. Мелихов, И. Н. Скрытый гипноз / И. Н. Мелихов. – Волгоград: Перемена, 2003. – 376 с.

98. Мельник, Н. В. Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты: монография / Н. В. Мельник. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 280 с.
99. Мельник, Н. В. Легитимирующие стратегии в видеообращениях региональных политиков России и Германии в период первого локдауна COVID-19 / Н. В. Мельник, М. А. Силкова // Филология и человек. – 2021. – № 4. – С. 19–34. – DOI: 10.14258/filichel(2021)4-02.
100. Мельник, Н. В. Легитимирующий потенциал субъективной модальности в региональном политическом дискурсе / Н. В. Мельник, М. А. Силкова // Мир науки, культуры, образования. – 2025а. – №4 (113). – С. 431–433. – DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-431-433.
101. Мельник Н. В. Субъективная модальность как средство легитимации политических решений в интернет-дискурсе региональных политиков России и Германии / Н. В. Мельник, М. А. Силкова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2025б. – Т. 24. – № 9: Филология. – С. 41–53. – DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-9-41-53.
102. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.
103. Мозли, Т. Почему политики бесконечно повторяют одни и те же фразы? [Электронный ресурс] / Т. Мозли. – 2017. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-39744261> (дата обращения 20.09.2020).
104. Неволina, К. В. Опыт интенционального анализа морального дискурса (на примере немецкоязычных медийных текстов) / К. В. Неволina // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 3. – С. 810–815.
105. Негрышев, А. А. Дискурс-анализ и стилистика текста: точки пересечения в методологии исследования (на материале новостного медиадискурса): монография / А. А. Негрышев; под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М.: Флинта, 2020. – 268 с.

106. Нечаев, А. В. Модальность одиночества [Электронный ресурс] / А. В. Нечаев // Вестник СамГУ. – 2006. – №5-1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-odinochestva> (дата обращения: 16.10.2023).
107. Никифорова, О. О. Политический дискурс, политическая коммуникация и СМИ [Электронный ресурс] / О. О. Никифорова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6 (33). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-diskurs-politicheskaya-kommunikatsiya-i-smi> (дата обращения: 23.12.2022).
108. Никифорова, М. В. Средства вербализации идентичности в сетевом дискурсе региональных политиков / М. В. Никифорова, Е. А. Нахимова. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 5 (101). – С. 109–115.
109. Никонова, Е. А. Объективная и субъективная модальность в англоязычном политическом дискурсе (на примере аналитических статей и политических эссе): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никонова Екатерина Андреевна. – М., 2020. – 204 с.
110. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
111. Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры: коллективная монография / под науч. ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. – Барнаул: АлтГПУ, 2021. – 238 с.
112. Орехова, Е. Н. О субъективной модальности эвиденциальности / Е. Н. Орехова // Русская филология. – 2012. – № 2. – С. 95–100.
113. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Орехова Елена Николаевна. – М., 2011. – 45 с.
114. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
115. Падучева, Е. В. Акциональная классификация глаголов и семантика союза пока / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2015. – № 5. – С. 7–25.

116. Падучева, Е. В. Вид, модальность и отрицание: корпусное исследование [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева // Проблемная группа «Логический анализ языка». Конференция Ассерция и негация. – М., 2007. – 5 с. – Режим доступа: <https://lexicograph.ruslang.ru/03MembersPadu.htm> (дата обращения: 08.02.2023).
117. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В. А. Успенский. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
118. Падучева, Е. В. Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. / Е. В. Падучева. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 448 с.
119. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
120. Петрова, Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике / Е. Б. Петрова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3 – С. 124–133.
121. Петрухина, Е. В. Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке / Е. В. Петрухина, Ч. Ли // Вестник Московского университета. Серия: Филология. – 2015. – № 4. – С. 72–86.
122. Попова, Т. Г. Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. – 2020. – № 6 (84) – С. 86–95.
123. Радбиль, Т. Б. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст» / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 254–262.
124. Романова, Т. В. Категория модальности в свете когнитивной лингвистики / Т. В. Романова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №1. – С. 29–35.

125. Романова, Т. В. Модальность как текстовая категория в современной мемуарной литературе: дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Романова Татьяна Владимировна. – Санкт-Петербург, 2004. – 418 с.
126. Руженцева, Н. Б. Лики автора в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2015. – №4 (54). – С. 46–53.
127. Савельева, А. В. Военная пропаганда в периодических изданиях США 1916-1917 гг. / А. В. Савельева // Вестник Нижневартонского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 73–77.
128. Савельева, И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Савельева Ирина Викторовна. – Кемерово, 2013. – 251 с.
129. Савельева, И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / Савельева Ирина Викторовна. – Кемерово, 2022. – 43 с.
130. Савельева, И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты: монография / И. В. Савельева. – СПб: Научные технологии, 2021. – 139 с.
131. Савельева, И. В. Рецептивно-продуктивная деятельность субъектов непрофессионального интернет-дискурса / И. В. Савельева, Н. В. Мельник // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2024б. – Т. 10. – № 3. – С. 42–69.
132. Савельева, И. В. Функционирование реактивных прагматических моделей в непрофессиональном интернет-дискурсе / И. В. Савельева // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024а. – Т. 3. – № 1. – С. 47–59.
133. Сагайдачная, Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе / Е. Н. Сагайдачная // Вестник Челябинского университета. – 2007. – № 22. – С.122–126.

134. Самаркина, И. В. Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03 / Самаркина Ирина Владимировна. – М., 2013. – 360 с.
135. Сафина, А. Р. Коммуникативно-прагматические особенности выражения эпистемической модальности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сафина Аделина Ренатовна. – Мытищи, 2019. – 199 с.
136. Сафина, А. Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности / А. Р. Сафина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 9 (63). – С. 142–145.
137. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М., 2004. – 315 с.
138. Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – М.: Издательский дом ЯСК, 2016. – 439 с.
139. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.
140. Силкова, М. А. Легитимирующий потенциал эпистемической модальности в политическом интернет-дискурсе (на материале современного немецкого и русского языков) / М. А. Силкова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 117–122.
141. Силкова, М. А. Модальность как средство легитимизации в видеообращении министра-президента Баварии М. Зёдера / М. А. Силкова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 180–187. – DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_18.
142. Синчук, Ю. В. Лекции по политологии: учебное пособие / Ю. В. Синчук. – М.: Юридический институт МИИТа, 2015. – 214 с.
143. Скиперских, А. В. Легитимация политической власти в России в условиях становления и развития федеративных отношений: специфика и тенденции: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Скиперских Александр Владимирович. – Елец, 2003. – 24 с.

144. Склифус, С. В. Легитимация государственной власти в российской федерации: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Склифус Станислав Витальевич. – Белгород, 2009. – 23 с.
145. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса: монография / Г. Я. Солганик. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 136 с.
146. Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев. – Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5–18.
147. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: коллективная монография / под научн. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. – Кемерово, 2021. – Том 2. – 300 с.
148. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – М.: «Восток – Запад», 2006. – 279 с.
149. Строганов, В. Б. Технологии политической манипуляции в интернете: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Строганов Вадим Борисович. – Екатеринбург, 2020. – 209 с.
150. Темиргазина, З. К. Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков / З. К. Темиргазина // Политическая лингвистика. 2019. – № 6 (78). – С. 44–50.
151. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168 с.
152. Тенева, Е. В. Манипуляция и убеждение как подвиды категории воздействия (на материале британского политико- публицистического дискурса) / Е. В. Тенева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2016. – № 1. – С. 120–130.
153. Трохинова, О. И. Легитимация непопулярных политических решений: коммуникационный аспект: дис. ... канд. политич. наук: 10.01.10 / Трохинова Ольга Игоревна. – Санкт-Петербург, 2019. – 336 с.
154. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.

155. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика / З. Я. Тураева. – М.: УРСС, 2012. – 223 с.
156. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
157. Ухова, Л. В. Модель описания языковой личности медиаперсоны / Л. В. Ухова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – № 1 (7). – С. 65–71.
158. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.
159. Фролов, К. А. Эмодзи в политической интернет-коммуникации: универсальное и национальное / К. А. Фролов, И. В. Фролова // Власть. – 2020. – № 6. – С. 116 – 121.
160. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
161. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
162. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л. В. Воропай. Общая редакция и вступительная статья О. В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.
163. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – М.: Никколо-Медиа. – 2002. – 313 с.
164. Хазагеров, Г. Г. Язык Ленина в оценке русских формалистов. Риторический анализ / Г. Г. Хазагеров // *Literatūra*. – 2024. – vol. 66 (2), pp. 87–100. – DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2024.66.2.7>.
165. Хасанов, Т. Д. Манипулятивная роль местоимений мы/наш (на материале текстов выступлений Эммануэля Макрона и Марин ле Пен в ходе

президентской кампании во Франции в 2017 г.) / Т. Д. Хасанов // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. – 2018. – Т. 3. – С. 43–46.

166. Хубецова, З. Ф. Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации / З. Ф. Хубецова; науч. ред. С. Г. Корконосенко. – М.: ООО «Смелый дизайн»; СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. школа журн. и мас. коммуникаций», 2017. – 142 с.

167. Цуциева, М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Цуциева Мария Геннадьевна. – Санкт-Петербург, 2018. – 441 с.

168. Цуциева, М. Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста / М. Г. Цуциева // Проблемы языкознания и теории коммуникации. – 2013. – С. 104–110

169. Чепкасов, А. В. Публичный дискурс регионального лидера и средства массовой информации в аспекте формирования имиджа региона (на примере Кемеровской области): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Чепкасов Артур Владимирович. – Кемерово, 2021 – 447 с.

170. Чепурная, А. И. Модель базы данных языковых средств выражения эпистемической ответственности / А. И. Чепурная, С. И. Касса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 1 (19). – С. 205–209.

171. Чепурная, А. И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) / А. И. Чепурная // Научный диалог. – 2017. – №7. – С. 35–44.

172. Чепурная, А. И. Языковое маркирование эпистемической ответственности автора публицистического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Чепурная Алена Ивановна. – Ростов-на-Дону, 2015. – 23 с.

173. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

174. Черноклинов, Е. А. Внутриканальная взаимосвязь модальных значений в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Черноклинов Евгений Андреевич. – Мытищи, 2021. – 18 с.
175. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. 2012. № 2. – С. 53–59.
176. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. – 2013. – 176 с.
177. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
178. Чурашева, Е. А. Дискурсивные стратегии политической коммуникации в кризисной ситуации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Чурашева Екатерина Александровна. – Казань, 2013. – 21 с.
179. Чуйкова, О. С. Будущее время: семантика, прагматика и контекст / О. С. Чуйкова // III Международная конференция «Язык и метод. Русский язык в лингвистических учениях XXI века». – СПбГУ, 2017. – С. 233–242.
180. Шершнева, Н. Б. Семантика и прагматика деонтической модальности: Функциональная характеристика в системе языка и текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шершнева Наталья Борисовна. – Краснодар, 2000. – 187 с.
181. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
182. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск, 1994. – 43 с.
183. Шпильная, Н. Н. Модусная рефлексия как условие реализации интенции комментирования в виртуальном диалоге / Н. Н. Шпильная // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3. – № 1. – С. 60–67.
184. Austin J. L. How to do things with words / J. L. Austin. – London: University Press, Oxford, 1962. – 167 p.
185. Auwera, J. van der Modality's semantic map / J. van der Auwera, V. A. Plungian // Linguistic Typology 2, 1998. – Pp. 79–124.

186. Beetham, D. Towards a Social-scientific Concept of Legitimacy. / D. Beetham // The Legitimation of Power. Issues in Political Theory. – Palgrave, London, 1991. – 267 p.
187. Cap, P. Legitimation in Political Discourse: A Cross- Disciplinary Perspective on the Modern US War Rhetoric. Second Revised Edition / P. Cap. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – 172 p.
188. Colomo, K. Modalität im Verbalkomplex. Halbmodalverben und Modalitätsverben im System statusregierender Verbklassen / K. Colomo. – Bochumer Linguistische Arbeitsberichte. Sprachwissenschaftliches Institut Ruhr-Universität Bochum, 2011. – 351 S.
189. Diewald, G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. – S. 77–110.
190. Franke, M. Strategies of Persuasion, Manipulation and Propaganda: Psychological and Social Aspects / M. Franke, R. van Rooij. – Publisher: Springer Berlin Heidelberg, 2015. – Pp. 255–291.
191. Gilley, B. The Right to Rule: How States Win and Lose Legitimacy / B. Gilley. – New York, Columbia University Press, 2009. – 336 p.
192. Girth, H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik: Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation / Girth, H. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2002. – 127 p.
193. Golkar, S. Manipulated Society: Paralyzing the Masses in Post-revolutionary Iran / Saeid Golkar // International Journal of Politics, Culture, and Society, 2016. – Vol. 29. – Iss. 2. – Pp. 135–155.
194. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics. – ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975. – V. 3. – Pp. 41–58.
195. Hall, E. Understanding cultural differences / E. Hall. – Published by Intercultural Press, Inc. Printed in the United States of America, 1990. – 232 p.

196. Hovland, C. I. Communication and persuasion; psychological studies of opinion change / C. I. Hovland, I. L. Janis, H. H. Kelley. – Yale University Press, 1953. – 315 p.
197. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. – Princeton University Press, 1997. – 454 p.
198. Leiss, E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // *Modalität und Evidentialität*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. – S. 149–169.
199. Marín-Arrese, J. I. Epistemic legitimizing strategies, commitment and accountability in discourse / Juana I. Marín-Arrese // *Discourse Studies*, 2011. – Vol. 13. – Pp. 789–797.
200. Milan, C. Modalverben und Modalität: Eine Kontrastive Untersuchung German-Italienisch / C. Milan. Publisher: DE Gruyter GmbH, Walter, 2001. – 328 S.
201. Miller, A. H. Political issues and trust in government: 1964-1970 / A. H. Miller // *The American Political Science Review*, 1974. – Vol. 68. – Pp. 951–972.
202. Milkovich, M., Sitarica, A. Epistemic modality in political discourse / M. Milkovich, A. Sitarica // *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2017. – Vol. 3. – № 1. – Pp. 75–79.
203. Padučeva, E. V. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость / E. V. Padučeva // *Revue des études slaves*, 1990. – tome 62. – fascicule 1-2. – Pp. 303–320.
204. Sarcinelli, U. Politische Kommunikation in Deutschland. Zur Politikvermittlung im demokratischen System / U. Sarcinelli. – 2. Ausgabe. – VS Verlag für Sozialwissenschaften | Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden, 2009. – 360 S.
205. Suchman, M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches / M. C. Suchman. – *The Academy of Management Review*, 1995. – Vol. 20. – No. 3. – Pp. 571–610.

206. Stalnaker, R. C. Pragmatics / R. C. Stalnaker // *Semantics of Natural Language*, 1972. – Pp. 380–397.
207. Wang, Y. The Legitimacy of Chinese Outward Investment in English News — A Cognitive Approach to Discursive Legitimation / Y. Wang // *Theory and Practice in Language Studies*, 2020. – Vol. 10. – No. 5. – Pp. 557–568.
208. Wierzbicka, A. Human Emotions: Universal or Culture- Specific? / A. Wierzbicka // *American Anthropologist, New Series*, 1986. – Vol. 88. – No. 3. – Pp. 584–594.
209. Willet, T. A. Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality / T. A. Willet // *Studies in Language*, 1998. – Vol. 12. – Issue 1. – Pp. 51–97.
210. Wright, G. H. von Deontic Logic Mind / G. H. von Wright // *An Essay in Modal Logic*. – Amsterdam, 1951. – Vol. 60. – no. 237. – Pp. 3–15.

СЛОВАРИ

211. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1966. – 608 с.
212. Бабенко, Л. Г. Большой толковый словарь русских глаголов / Л. Г. Бабенко. – М.: Издательство «АСТ-Пресс», 2008. – 576 с.
213. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.
214. Дипломатический словарь для студентов / Авт. кол.; под рук. А. В. Яковенко, д-ра юрид. наук, профессора. – М.: Издательство Дипломатической академии МИД России, 2022. – 298 с.
215. Ефремова, Т. В. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. В. Ефремова. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
216. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

217. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

218. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDG): Online-Wörterbuch. – URL: <https://www.dwds.de>

ИСТОЧНИКИ АНАЛИЗИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА

1. Dialog mit dem Bayerischen Bauernverband [Электронный ресурс] // Facebook⁶. – 30.11.2019. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3257474510992870&set=pcb.3257476734325981>

2. Markus Söders Beitrag [Электронный ресурс] // Facebook. – 10.01.2020. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3389606264446360&set=a.708011275939219>

3. Bei unseren Landwirten in Nürnberg [Электронный ресурс] // Facebook. – 17.01.2020. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3412972878776365&set=pcb.3412973348776318>].

4. Große Zustimmung zum Lockdown in Deutschland [Электронный ресурс]. // Instagram⁷. – 16.12.2020. – URL: <https://www.instagram.com/p/CI20bfECaSn/>

5. Die Bauern-Milliarde [Электронный ресурс] // Facebook. – 31.01.2020. – Facebook, 2020, URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3454103807996605&set=a.708011275939219>

6. Neujahrsansprache Markus Söder [Электронный ресурс] // Facebook. – 01.01.2022. – URL: <https://www.facebook.com/BR24/videos/1168071683726021>

⁶ Facebook – запрещен в РФ.

⁷ Instagram – запрещен в РФ.

7. Videobotschaft von Ministerpräsident Dr. Markus Söder [Электронный ресурс] // Facebook. – 08.10.2020. – URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/1489900101400560/>
8. Bayern muss Spitze bleiben [Электронный ресурс] // Facebook. – 29.02.2020. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3551095884964063&set=a.708011275939219>
9. Videobotschaft des Ministerpräsidenten zur Bewältigung der Corona-Krise [Электронный ресурс] // Facebook. – 17.03.2020. – URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/>
10. Corona: Wir brauchen Geduld, Verständnis und Kraft [Электронный ресурс] // Facebook. – 02.04.2020. – URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=211306313461254>
11. Ministerpräsident Dr. Markus Söder zur Corona-Krise [Электронный ресурс] // Facebook. – 05.04.2020. – URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3676326722440978>
12. Ministerpräsident Dr. Markus Söder zur Corona-Krise [Электронный ресурс] // Facebook. – 14.12.2020. – URL: <https://fb.watch/2oj1z7Iy31/>
13. Corona: Erleichterungen nur mit Schutzmaßnahmen [Электронный ресурс] // Facebook. – 16.04.2020. – URL: <https://www.facebook.com/366343133439370/videos/218662995896613>
14. Ministerpräsident Dr. Markus Söder zur Corona-Krise [Электронный ресурс] // Facebook. – 28.04.2020. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3758012754272374&set=a.704543072952706>
15. Corona: Anpassungen mit Umsicht und Vorsicht [Электронный ресурс] // Facebook. – 28.04.2020. – URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3758585160881800>
16. Gemeinsam Durchhalten in der Corona-Krise. Ministerpräsident Dr. Markus Söder zur Corona-Krise // Facebook. – 27.03.2020. – URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=159472851894353>

17. Ministerpräsident Dr. Markus Söder zur Corona-Krise [Электронный ресурс] // Facebook. – 27.03.2020. URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/1489900101400560/>
18. С. Цивилев [Электронный ресурс] // Facebook. – 25.01.2019. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=294267897939355&set=a.174446246588188>
19. С. Цивилев [Электронный ресурс] // Facebook. – 02.04.2020. – URL: <https://www.facebook.com/photo/?fbid=525415041491305>
20. Видеообращение С. Цивилева [Электронный ресурс] // Facebook. – 11.05.2020. – URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/586543775316546>
21. Видеообращение С. Цивилева [Электронный ресурс] // Instagram. – 04.05.2020. – URL: https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/
22. Видеообращение С. Цивилева [Электронный ресурс] // Instagram. – 31.03.2020. – URL: <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/>
23. Обращение С. Цивилева [Электронный ресурс] // Instagram. – 25.04.2020. – URL: https://www.instagram.com/tv/B_ZrlQXIBo2/
24. Разговор с предпринимателями // Facebook. – 23.05.2020. – URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=2829905957295548>
25. Прямая линия [Электронный ресурс] // Instagram. 26.08.2021. – URL: https://www.instagram.com/p/CTCsDw8tHlA/?img_index=1